

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.В. КОРШУНОВА

**«ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДИКТАТУРА» АЛЕКСАНДРА I:
РЕФОРМЫ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА**

МОСКВА

2002

УДК 947.072
ББК 63.3 (2) 51

К 69

Рецензенты:

Худобородов А.Л., доктор исторических наук, профессор, зав. кафедры истории, социологии и права Челябинского государственного педагогического университета;

Юдина Л.С., доктор исторических наук, профессор, зав. кафедры новейшей истории, Челябинского государственного университета;

Репников А.В., кандидат исторических наук, специалист первой категории Российского государственного архива социально-политической истории.

Коршунова Н.В.

«Либеральная диктатура» Александра I: реформы в России в первой четверти XIX в.: Монография. – М., Издательство «Народный учитель» 2002. – с.

Монография посвящена проблеме становления либеральной общественно-политической доктрины в России в первой четверти XIX века. Особое внимания уделено политическим и экономическим составляющим зарождающегося либерального направления общественно-политической мысли. Книг рассчитана на историков, преподавателей и студентов вузов, всех интересующихся историей.

ISBN 5-7017-0457-2

© Московский педагогический университет, 2002 г.

© Коршунова Н.В., 2002 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава I

Политические реформы первой четверти XIX века: проекты и реализация

1. Постановка вопроса о необходимости проведения реформ в первые годы царствования императора Александра I
2. Реформа Правительствующего Сената
3. Министерская реформа
- 4 Либеральные преобразования государственного аппарата: проекты и итоги

Глава II

Проблема крепостничества и проекты отмены крепостного права в первой четверти XIX века

1. Формирование подходов к вопросу об отмене крепостного права
2. Проекты реформ крепостного положения в первое десятилетие правления Александра I. Указ «О вольных хлебопашцах»
3. Крестьянская реформа в Остзейском крае
4. Проекты «улучшения быта» крепостных крестьян в 10-20 годы XIX века
- 5 Обсуждение проблемы крепостничества в Вольном экономическом обществе и общественное мнение России по данному вопросу в первой четверти XIX века

Глава III

Либеральные экономические преобразования в первой четверти XIX века

1. Экономическая составляющая Российского либерализма: становление и первые шаги
2. План финансов М.М. Сперанского
2. Экономическая политика правительства Александра I во втором десятилетии XIX века
3. Проекты реформирования статуса государственных крестьян

Заключение

Приложение

Примечание

(последняя страница)

Научное издание

Коршунова Надежда Владимировна

«ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДИКТАТУРА» АЛЕКСАНДРА I:
РЕФОРМЫ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

монография

ISBN 5-7017-0457-2

Компьютерная верстка:

Подписано в печать: 10. 7. 2002г. Бумага офсетная.

Формат бумаги: 60x84. Объем: 15,3 Усл. п. л.

Тираж 1000 экз. Заказ № 619

Отпечатано в издательстве МГОУ
107005, г. Москва, ул. Радио, д. 10-а, т. 265-41-63

ВВЕДЕНИЕ

История Российского либерализма, либерального общественно-политического течения сложна и неоднозначна. Несмотря на повышенный интерес к данной теме в течение последних лет, исследователи не пришли к сколько-нибудь единому мнению о времени зарождения либерализма в России, периодизации этого общественно-политического направления. Не затихают споры по поводу самого понятия «российский либерализм» и тем более его содержательной составляющей.

В современной России либерализм, точнее, либеральные ценности, провозглашены основной государственной деятельностью в экономической, социальной и культурной сферах. Однако следовать на практике заявленным идеалам удастся далеко не всегда. Более того, прошедшие в начале 90-х годов «либерализации» породили в обществе достаточно скептическое отношение к данному понятию, да и к либеральной политике вообще.

Научное изучение истории зарождения, становления и развития либерализма началось в начале 90-х годов, когда данная тема стала актуальна политически. Конечно, отдельные аспекты проблемы зарождения и становления либерализма рассматривались и изучались историками начиная с середины XIX столетия, но, по нашему мнению, подробный и детальный анализ историографии данной темы требует самостоятельного исследования. Кроме того, изучение истории России с точки зрения развития либеральной общественно-политической доктрины действительно началось только в постсоветское время. В Большой советской энциклопедии, естественно, было дано определение либерализма, под которым понималось «буржуазное идеологическое и общественно-политическое течение, объединяющее сторонников буржуазно-парламентского строя, буржуазных свобод и свободы капиталистического предпринимательства» или, иначе, «система взглядов, согласно которой социальная гармония и прогресс человечества достижимы лишь на базе частной собственности путем обеспечения достижения свободы индивида в экономической и во всех других сферах человеческой деятельности». Это определение имеет два существенных недостатка. Во-первых, оно дано с классовых позиций, а во-вторых, данное понятие дано через его экономическую составляющую, которая, конечно, играет большую роль в характеристике данного общественно-политического течения, но не является всеобъемлющей.

Главное, что пытаются осмыслить современные исследователи данного явления, – это само понятие либерализма, его сущность. Причем, при ответе на этот вопрос неизбежно возникают еще два: есть ли у российского либерализма свои корни или это «чужеродное» явление и каковы его хронологические рамки. «Первой ласточкой» в сфере изучения российского либерализма стала небольшая книга, первоначально предназначавшаяся для служебного пользования: «Социально-философские аспекты современного либерализма»¹. В предисловии к этому сборнику В. Чаликова анализирует понятие «либерализм». В начале она остроумно замечает, что «определить либерала теоретически невозможно, практически невозможно его не узнать». Этот парадокс образовался вследствие многозначности данного понятия. Тем не менее, автор статьи определяет либерализм «как способ управления обществом и принципы социальных отношений, построенных на признании политических и экономических прав индивида: право искать работу и оставлять ее, покупать и продавать товары, зарабатывать и тратить деньги, избирать и менять правительство, организовываться в ассоциации, включая политические партии; выражать устно и письменно свое мнение, вкусы и взгляды, но все это в пределах, ограниченных действующим законом»². Понятно, что Чаликова писала о либерализме конца XX века, тем не менее, даже применительно к указанному периоду, представленное определение очень спорно, так как вполне может быть отнесено к характеристике демократии, правового государства и другим тому подобным понятиям. Оно не объясняет, в чем суть либерализма как самостоятельного, отличного от иных, общественно-политического течения. Хотя при этом нельзя умалять ценности данного определения, как первой попытки охарактеризовать либерализм в современную эпоху.

Характеристика либерализма как политологического и общественно-политического направления получила развитие в вышедшем в 1989 году в сборнике статей «50/50. Опыт словаря нового мышления». В этой книге, написанной совместно российскими и французскими обще-

ственными деятелями и историками анализировались наиболее значимые проблемы современности, в том числе и либерализм. Здесь, уже для широкого читателя, публикуется заметка В. Чапиковой, которая послужила предисловием к вышеназванному сборнику, а также достаточно подробное размышление о либерализме французского политолога и историка Ф. Немо. В качестве «основных идей феномена либерализма» он указал «признание государством и гарантирование им свобод личности» как в политической, так и в экономической сферах, а также «антитрадиционализм», свобода от любых предрассудков. Автор доказывает, что свобода личности, как основа либерализма, не противоположна всеобщему интересу, а представляет собой его главную пружину. Фактически, Ф. Немо не выходит за рамки традиционного философского понимания либерализма, не определяя его исторической сущности и отличительных черт. При этом автор работы делает не бесспорное, но весьма любопытное замечание. Он объясняет, что можно «иметь либеральное общество с авторитарным правлением или тоталитарное общество с демократическим правлением». Это не является противоречием, так как демократия (авторитаризм) и либерализм (тоталитаризм) отвечают на два различных, по сути, вопроса: кто должен иметь политическую власть и каковы границы политической власти.

Вопросы зарождения либерализма нашли отражение в курсе лекций В.Ф. Мамонова³. Рассматривая среди прочих течений историю либерализма в период зарождения, автор выделил его характерные черты. Во-первых, В.Ф. Мамонов отметил слабую дифференциацию различных направлений в общественно-политической жизни России этого периода. Во-вторых, исследователь обратил внимание, что русские либералы уделяли внимание преимущественно политическим вопросам. В-третьих, автор писал, в отличие от западных историков, что российские либералы рубежа XVIII – XIX веков не стремились достигнуть своих целей обязательно мирным путем, а были сторонниками порой радикальных методов. Так как данный сюжет не являлся основным в сборнике лекций, то автор не рассмотрел его подробно, а лишь обозначил основные моменты, которые, конечно, требуют более детального доказательства.

Масштабное изучение либеральной доктрины и либерального общественно-политического течения началось с середины 90-х годов. Определенное влияние на российскую историческую науку оказало изданное в России исследование В.В. Леонтовича «История либерализма в России. 1762-1914»⁴, вышедшее впервые в ФРГ в 1957 году. Он писал, что российский либерализм не имел своих исторических корней и был заимствован на Западе. К либералам В.В. Леонтович причислил всех общественных деятелей, которые стремились «к устранению помех личной свободе». На начальном этапе – это и Екатерина II, и Н.М. Карамзин, и А.Н. Радищев. Другими словами, теоретические положения этого исследователя о либерализме очень спорны, а многие аргументы – бездоказательны.

В это же время выходит ряд работ, в которых проводится анализ сущности российского либерализма. Следует отметить, прежде всего, работу С.С. Секиринского и В.В. Шелохаева «Либерализм в России»⁵. Авторы этой монографии дали развернутую характеристику российскому либерализму. Они отметили, что российский либерализм, как целостная политическая программа, адекватная западным аналогам, сформировалась в России на рубеже XVIII-XIX веков. Авторы подчеркнули, что российский либерализм не отличался принципиально от западноевропейского, хотя и сформировался несколько позднее. При этом они указали, что либерализм в России не стал, как на Западе, «буржуазной идеологией», а был надклассовым общественным явлением. Либерализм в России возник в правительственных кругах при Екатерине II и Александре I. Правительственный либерализм этого времени способствовал укреплению самодержавной власти. С.С. Секиринский и В.В. Шелохаев также отметили, что особое внимание российские либералы уделяли политическим вопросам, хотя не оставили совсем в стороне и экономические.

Годом спустя выходит сборник «Либерализм в России»⁶, в котором философы, историки и политологи проанализировали понятие «либерализм», его хронологические рамки, его сущность. В этом сборнике статей впервые воедино были сведены основные вопросы теории и истории либерализма, представлены различные точки зрения на историческую и философскую сущность российского либерализма, причины его зарождения и др. Правда, надо заметить, что

авторы названной книги почти единодушно отмечали, что они лишь обозначили основные проблемы в рамках данной тематики.

Следующим серьезным шагом в изучении либерализма стала конференция, которая прошла весной 1998 года «Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы», и вышедший по ее результатам сборник⁷. Этот сборник, следуя логике конференции, разделен на три части: доклады, сообщения и дискуссия. Авторы докладов затронули проблемные вопросы названной темы, в первую очередь понятие и сущность русского либерализма, используя при этом разные подходы. Так, В.В. Шелохаев проанализировал либерализм в свете историографической проблемы, показав различные концепции и подходы к данному понятию. Много внимания исследователями уделено философскому осмыслению понятия «либерализм», а также сравнительному анализу отечественного и западноевропейского либерализма. Причем, Б.Г. Капустин в своем докладе подчеркивал, что не следует искать на Западе «эталон» либерализма и потому нельзя говорить о зрелости отечественного либерализма только сравнивая его с западноевропейским. Иначе смотрит на либерализм А.Н. Медушевский. Он полагает, что данное понятие неразрывно связано с конституционализмом как механизмом перехода к демократии – идеалу либералов. Большинство докладов, сообщений и вопросов, вынесенных на дискуссию, затрагивают конкретные вопросы истории либерализма.

Логическим продолжением названной конференции стала следующая конференция «Либеральный консерватизм: история и современность»⁸. Главная тема конференции, нашедшая отражение в тезисах, – поиск общего и особенного между либерализмом и консерватизмом, обнаружение «пограничной зоны» в этих общественно-политических течениях. Кроме того, на конференции исследователи уделили большое внимание расширению понятийного аппарата, характеристике терминов «либеральный консерватизм» и «консервативный либерализм».

Несмотря на большой и постоянный интерес к истории российского либерализма, осталось еще достаточно много малоизученных тем, прежде всего, на начальном этапе развития данного общественно-политического направления. Остается много спорного при определении самого понятия «либерализм». В большинстве своем исследователи стремились дать некое единое, универсальное понятие данного общественно-политического течения, которое было бы применимо ко всем историческим эпохам. Однако, на наш взгляд, это едва ли возможно сегодня, когда еще слабо изучена историческая сущность российского либерализма. Поэтому мы считаем необходимым остановиться на основных сущностных характеристиках российского либерализма, для того чтобы было ясно в каком ракурсе понятие «либерализм» будет рассмотрено в данной работе.

Либерализм, как одно из общественно-политических течений, включает в себя «базовые» принципы, которые определяют его сущность, а также второстепенные, влияющие на отдельные направления данного течения или же присущие либерализму в отдельные исторические эпохи. Первым таким базовым принципом, определяющим суть либерального общественно-политического течения, следует считать, на наш взгляд, утверждение о приоритетности эволюционного пути развития страны. Это не означает, что либералы были противниками любого насилия: в рамках данной доктрины категорически отрицалась возможность «социальной» революции, то есть насильственного вмешательства в развитие экономики, общества в целом. При этом вполне допускалась революция «политическая», понимаемая как насильственная смена власти, если эта власть мешает «нормальному развитию общества».

Вторым определяющим постулатом либеральной общественно-политической доктрины можно назвать уважение свободы и гарантии прав личности во всех ее проявлениях. Так, либералы всегда под свободой личности понимали свободу в частной жизни и право беспрепятственно распоряжаться своей собственностью. Правда, в различные исторические периоды далеко не за всеми категориями населения признавалось право иметь свою «личность», кроме того, права и свободы были ограничены сословными рамками. Поэтому некоторые либералы, особенно на ранних этапах развития данного общественно-политического течения, были сторонниками и даже защитниками крепостного права, так как крепостной крестьянин считался не личностью, а «крещеной собственностью».

Третьим принципом либерализма является безграничная вера в закон и необходимость законодательного, «конституционного» ограничения самодержавной власти. Идея о приоритете законов над верховной властью была неким символом, идеалом российских либералов, по крайней мере конца XVIII – первой четверти XIX века. При этом подчеркивалось, особенно в период зарождения либерализма, что самодержавную власть не следует немедленно ограничивать «конституцией» для создания такой системы управления, в которой бы реально существовал приоритет законов над «частной» личной волей. Для достижения этой цели, по мнению либералов, было бы достаточным создание системы гарантий того, что высшая власть будет следовать «непременным» законам. Установление таких законов вполне могло бы оставаться прерогативой монарха, который, единожды установив закон, должен сам в дальнейшем ему следовать.

Экономическая составляющая российского Либерализма была менее выражена. В России в конце XVIII века, особенно, после Пугачевщины, и в первой половине XIX века остро стояла проблема крепостничества. Либералы, как правило, были противниками крепостного права. Однако, как уже выше говорилось, они были активными защитниками частной собственности. Поэтому либерально настроенные общественно-политические деятели считали, что необходимо крайне осторожно подходить к преобразованиям в этой сфере и нельзя «вдруг» устранять что-либо, даже если это зло, которое подвергает опасности само существование общества. Именно такой подход к проблеме крепостничества отличал либералов от представителей других общественно-политических течений: консерваторы были противниками любых перемен в этой сфере; радикалы предлагали отменить крепостное права немедленно.

Другой экономической составляющей российского либерализма было понимание необходимости участия государства в экономике. В отличие от Европы, в нашей стране самостоятельная, имеющая политический вес торгово-промышленная элита окончательно сформировалась уже на рубеже XIX-XX веков, поэтому господствующий на Западе веком ранее идеал свободы торговли, выразившейся в лозунге «laissez faire laissez passer» (не мешайте действовать – франц.), не мог быть применен в России. В нашей стране изначально доля участия государства в экономике была очень велика. Так, с одной стороны, достаточно большое количество частных фабрик и мануфактур работали только на обеспечение государственных, прежде всего военных, заказов; с другой стороны, велик был и собственно государственный сектор в экономике. Кроме того, отечественные товары и на внутреннем, и, тем более, на внешнем рынках с начала XIX века не могли конкурировать с западноевропейскими. Причиной тому было, первое, гораздо более медленное развитие техники (так, в Англии в это время уже завершался промышленный переворот, тогда как в нашей стране он только начинался). Второе, отсутствие в России рынка рабочей силы, а тем более квалифицированных рабочих. Все эти факторы доказывают, что без государственной помощи отечественное производство не могло бы развиваться, а тем более выдержать конкуренцию с Западом. Либерально настроенные государственные деятели понимали, что необходимо поддерживать отечественную промышленность, но не напрямую, как это делалось, например, при Петре I, а путем регулирования налогообложения, таможенных тарифов и т.п.

Все вышеуказанные принципы были присущи либерализму в той или иной мере на протяжении всего исторического периода. Они обозначились на рубеже XVIII-XIX веков и окончательно сформировались во время правления Александра I, общее направление политики которого имело либеральный характер. Становление и развитие либеральной общественно-политической доктрины в первой четверти XIX века и является основной темой нашего исследования.

Для детального и глубокого анализа становления и развития российского либерализма требуется привлечение обширной и весьма разнообразной источниковой базы. Более того, нам представляется, существует ряд источниковедческих проблем, связанных с изучением общественно-политической мысли в России в конце XVIII и начале XIX веков. Основные идейные направления в это время еще не оформились окончательно, да и весь спектр российских общественно-политических доктрин только зарождался. Вследствие этого изучение одной из них (в нашем случае, либеральной) применительно к указанной эпохе сталкивается с двумя источниковедческими трудностями. Во-первых, поскольку сам термин «либерализм» в конце XVIII – нача-

ле XIX столетий в России не употреблялся, то и факты и идеи, которые мы сегодня рассматриваем с точки зрения истории либерализма, в то время трактовались иначе, а это обстоятельство осложняет определение круга источников и их использование. Во-вторых, нередко в изучаемую эпоху один и тот же трактат, проект и тому подобное можно расценивать как принадлежащий одновременно и к либеральному, и к консервативному, а то и радикальному направлениям российской общественно-политической мысли. В-третьих, очень сложно четко определить круг либеральных государственных и общественных деятелей, так как взгляды многих из них менялись в зависимости от времени и исторических реалий. Указанные обстоятельства делают особенно желательным привлечение возможно более широкого круга разнообразных источников.

Все использованные источники условно можно разделить на две группы. В первую мы включаем официальные материалы, к которым можно отнести проекты реформ, как нашедшие отражение в последующих законодательных актах, так и отставленные. Сюда же относятся и протоколы «Негласного комитета», по которым можно проследить основные направления преобразований в первые годы правления Александра I. Вторую составляют документы личного характера – воспоминания, дневники и переписку государственных и общественных деятелей того времени.

Итак, одними из основных источников, позволяющих детально и глубоко рассмотреть проблемы планирования и проведения реформ, являются проекты политических и экономических преобразований. Начало XIX века стало одним из первых периодов российской истории, когда верховная власть планировала проведение реформ и привлекала к этому достаточно широкий круг лиц. Кто только не составлял проекты преобразований в то время! И высшие государственные чиновники, и общественные деятели, весьма далеко стоявшие от реальной власти. При этом проекты составлялись как по собственному почину, так и по прямому поручению императора Александра. Конечно, далеко не все замыслы нашли отражение в реальных преобразованиях, что было и невозможно, так как подготовка даже незначительной реформы требует внимательного изучения всех возможных ее последствий, а, следовательно, анализа множества мнений о ее проведении и последствиях. Тем не менее, для изучения развития либерального общественно-политического направления необходимо проанализировать наиболее значимые проекты не только с точки зрения их последующего отражения в законодательстве, но и с позиции их значимости для становления либеральной доктрины. Например, проекты преобразований по крестьянскому вопросу достаточно рельефно отражали политические убеждения их авторов.

Все проекты преобразований, которые так или иначе имели либеральную направленность, можно по их тематике разделить на «политические» и «экономические». Если первые в общих чертах нашли свое отражение в историографии, то вторые практически не изучены ни историками, ни историографами. Однако и те и другие проекты преобразований составлялись лицами из ближайшего окружения императора, часто при непосредственном участии монарха⁹. Данные документы определяли государственную политику и преобразования первой четверти XIX века.

Особенностью изучаемой нами эпохи было то обстоятельство, что проекты реформ составлялись высшими сановниками империи или же наиболее образованными членами общества по собственному желанию¹⁰. Предлагаемые аристократией пути преобразований были, как правило, оппозиционны политике Александра I. Однако монарх не мог не считаться с мнением высших сановников империи. Определенное значение имели также документы, предлагаемые образованным обществом¹¹. Они не имели большого влияния на власть, но позволяют понять, в какой обстановке проводились реформы.

Особую группу официальных документов составляют «неофициальные» протоколы «Негласного комитета», которые вел П.А. Строганов, рисующие нам подготовку преобразований в первые годы царствования Александра Павловича. При обращении к этим документам необходимо учитывать, что «протоколы» велись Строгановым, вероятнее всего, по собственному желанию и по своей сути являются личными, фактически дневниковыми записями, но по поводу официально обсуждаемых проектов преобразований и, чаще всего, непосредственно в ходе этого обсуждения. Указанные «протоколы» велись им по-французски. В 1869 году М.И. Богданович

опубликовал обширные выдержки из этих документов (частично – в вольном изложении) в переводе на русский язык в приложении к своему исследованию об истории царствования Александра I. Полная публикация на языке оригинала была сделана в 1903 году великим князем Николаем Михайловичем в приложении ко второму тому его труда о П.А. Строганове. Последняя публикация, не говоря уже о публикации Богдановича, сделана на недостаточно высоком археографическом уровне, вследствие чего, по нашему мнению, при изучении «протоколов» необходимо обращаться к оригиналу. Об этом писал М.М. Сафонов, проанализировавший историческую достоверность данных документов¹². Однако небольшая статья названного историка не решает многих вопросов. В первую очередь необходим квалифицированный научный перевод этих интересных и немаловажных источников. Потому на сегодняшний день для анализа либеральных тенденций в начале XIX века их необходимо проверять по французским оригиналам, которые хранятся в РГАДА, личном фонде Строгановых.

При анализе проектов законов и преобразований мы сталкиваемся с рядом проблем. В основном, указанные документы были опубликованы еще в XIX веке в официальных или полуофициальных изданиях. Конечно, это делает их более доступными и упрощает изучение, хотя при этом необходимо учитывать, что данные публикации далеки от совершенства и требуют проверки по оригиналам, одни в большей степени, другие – меньшей. Указанные документы так или иначе фигурировали в исторической литературе при характеристике истории России конца XVIII – первой четверти XIX века. Нашей целью является анализ либерального общественно-политического направления, и мы рассматриваем указанные документы именно с этой точки зрения. Кроме того, ряд весьма любопытных документов вообще был обойден вниманием историков, поэтому мы сочли необходимым опубликовать наиболее интересные и значимые проекты преобразований в приложении.

История развития либерального общественно-политического направления, реформы первой четверти XIX века нашли широкое отражение в законодательных актах, указах, распоряжениях, материалах государственных учреждений того времени. Безусловно, законодательство изучалось историками, тем более, что законодательные акты, главным образом, опубликованы во вполне доступных изданиях, а наиболее известные переиздавались не раз. По нашему периоду законодательство опубликовано в Первом полном собрании законов Российской империи, книгах Сенатского архива, в исторических журналах, правда, очень выборочно. Большинство исследователей названного периода эти и другие документы используют редко, выборочно и, чаще всего, как иллюстративный материал, например, М.Н. Минаевой, В.М. Боковой, А.В. Предтеченским некоторыми другими¹³. На наш взгляд, подробный и детальный анализ законодательства, как опубликованного, так и хранящегося в архивах¹⁴, должен является неотъемлемой частью любого исторического исследования. Как известно, принятые властью законы отражают реальную политику государства в той или иной области. Можно много размышлять о направленности реформ Александра I, но только характеристика принятых при данном монархе законов позволит ответить на этот вопрос. Не менее важно привлечение неопубликованных законодательных актов, которые составители Полного собрания законов и других изданий сочли малозначимыми, не отражающими более или менее крупные нововведения. Однако эти документы, принимаемые зачастую по единичным, частным вопросам, показывали в каком направлении идет развитие преобразований. Исходя из этих соображений, мы считаем необходимым постоянно обращаться к законодательным источникам, для того чтобы проанализировать как начинания или реформы наши свое отражение в реальности.

При изучении либерального общественно-политического направления огромную роль играют также материалы личного происхождения: мемуары, дневники, переписка государственных и общественных деятелей. Большой интерес представляют личные документы русских монархов (РГАДА. Ф. 1. Секретные папки), собственноручные письма, записки, завещания и т.п. Переписка собрана в личных архивах и коллекциях: РГАДА фонд Голицыных 1263, Воронцовых 1261, Строгановых 1278; РГИА, коллекция исторических документов великого князя Николая Михайловича 549, РГАЛИ фонд П.Н. Бартенева 49, Коллекция рукописей, архив Санкт-Петербургского филиала института Российской истории Российской Академии наук. (далее –

архив СПб ФИРИ РАН), фонды Воронцовых 36, Коллекция рукописных книг 115. Переписка в то время велась на русском, французском, реже немецком языках. Значение данного блока документов в том, что в то время письмам зачастую доверяли и проекты преобразований, и достаточно смелые размышления о монархе и высших государственных чиновниках, так как у многих вышеперечисленных корреспондентов была возможность отправлять письма не по почте.

Дневники и воспоминания большей частью опубликованы в исторических журналах и отдельными изданиями. В работе использованы воспоминания М. Гарновского, Ф. Головкина, В.Н. Головиной, Н.И. Греча, А.М. Грибовского, Е.Р. Дашковой, Е.Ф. Комаровского, «рассказы» Н.О. Кутлубицкого, Ф.П. Лубановского, В.С. Попова¹⁵, С.А. Тучкова, дневник А.В. Храповицкого, А. Чарторижского, П.Н. Энгельгардта, а также мемуары иностранцев Л.-Ф. Сегюра, аббата Жоржея, Я.И. Санглена, Шуазеля-Гуфье, Ш. Массона, Э. Дюмона и др.

Мемуары интересны нам прежде всего тем, что их авторы много внимания уделяют царившим в то или иное время нравам, рисуют бытовые подробности жизни Екатерины II, Павла I и Александра I. Эти свидетельства, конечно, не всегда объективны, так как на них накладывается личное восприятие событий авторами. Однако они помогают уловить «дух времени». Кроме того, записки таких государственных деятелей, как А.В. Храповицкого, А. Чарторижского и некоторых других помогают лучше разобраться в событиях, посмотреть на них с иной, «неофициальной», стороны.

Подводя итог, необходимо заметить, что изучение становления и развития общественно-политического направления, в нашем случае – либерального, требует проведение исследования по основным направлениям жизни общества и государства. Это и анализ реформирования государственного аппарата, и вопросы экономической, тарифной политики, и извечный крестьянский вопрос. Только подробная характеристика развития всех этих базовых направлений исторического развития государства и общества позволит объективно изучить становление и развитие либерального общественно-политического направления в России первой четверти XIX века. В свою очередь, широта источниковой базы позволяет научно и объективно решить поставленную задачу.

I

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА: ПРОЕКТЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ

1. Постановка вопроса о необходимости проведения реформ в первые годы царствования императора Александра I

Начало правления императора Александра I совпало с началом нового столетия, что казалось его современникам очень хорошей приметой. Дворянство, офицерство вне зависимости от своих политических убеждений было радо окончанию правления императора Павла. По Петербургу в списках ходили стихи неизвестных авторов, порицающие императора Павла I и, фактически, оправдывающие цареубийство, о котором в то время знали очень многие:

Тирана истребить есть долг, не преступленье,
И если б правде сей внимали завсегда,
У нас бы не было тиранов никогда,
Имел бы на земле закон единый царство.

Император Александр с первых дней своего вступления на престол заявил, что собирается провести в России ряд реформ, с целью недопущения в дальнейшем деспотического правления. Более того, от Александра I ждали преобразований. По словам Ф.П. Лубановского «кругом шли головы от смутного говора о государственных вопросах»¹⁶. Российское общество никогда еще не было столь политически активно, о политике, реформах говорили буквально все, обсуждая новые назначения и первые указы Александра.

Начало царствования Александра, его самые первые указы, в том числе и манифест о восшествии на престол, возбудили надежды у образованного общества и представителей всех политических группировок. В этом манифесте Александр обещал управлять «по законам и сердцу... Августейшей бабки». Это давало надежду и либералам – на возвращение политики «просвещенного абсолютизма» и проведение ряда реформ, и консерваторам – на возвращение статус-кво, существовавшего до бурных и, казалось, бессмысленных перемен времен Павла I.

Буквально в первые дни правления император Александр I обнародовал ряд указов (или манифестов), касающихся почти всех сторон общественной жизни, а также отменил наиболее одиозные распоряжения и нововведения императора Павла I, что вполне могло показаться современникам возвращением к «золотому веку» Екатерины. Так, указами 14 и 16 марта 1801 года были сняты запреты на вывоз из России, а также на ввоз в страну различных промышленных товаров. 24 марта было разрешено вывозить из России вино и хлеб. 15 марта, в дополнение и разъяснение к уже вышедшему манифесту, объявлялся указ об амнистии заключенных, сосланных и подследственных по делам, производящихся в Тайной экспедиции, и «о возвращении лишенным чинов и дворянства и прежнего достоинства». Также было объявлено прощение беглецам, укрывшимся за границей. Специальным указом (хотя это было одним из разделов не отмененной императором Павлом юридически «Жалованной грамоты» дворянству) были восстановлены в полном объеме дворянские выборы. 19 марта вышло особое предписание полиции, чтобы она не выходила за границы своих обязанностей. 22 марта был объявлен указ о свободном въезде и выезде из России. 31 марта отменялось запрещение ввозить из-за границы книги и музыкальные ноты, основывать частные типографии и т.п.¹⁷

Казалось бы, эти указы, принятые по частным вопросам, не выходили за рамки политики любого монарха, отменяющего ряд распоряжений своего предшественника. Однако именно такие шаги нового императора можно оценить как либеральные, направленные на восстановление когда-то уже дарованных прав. Причем, запреты были сняты как в вопросах личной, частной жизни (о свободе передвижения), так и в экономической сфере (снятие большинства ограничений при ввозе и вывозе товаров за границу). Правда, необходимо помнить, что незабываемые личные права и свободы могли иметь, главным образом, дворяне и, частично, купечество, горожане и государственные, черносотенные крестьяне. Крепостные крестьяне в то время юридически не обладали никакими правами, кроме права на жизнь.

Немного времени спустя, 2 апреля 1801 года, было обнародовано пять манифестов, составленных в том же русле, что и вышеназванные указы, но затрагивающие уже ключевые вопросы развития страны. В первом император Александр торжественно объявлял о восстановлении Жалованной грамоты дворянству. Он заявил, что уверен «в справедливости, святости и неприкосновенности преимуществ дворянства». Император подтвердил незыблемость этой грамоты для него и его потомков. Естественно, он отменял все указы, противоречащие Жалованной грамоте, так как считал ее «непременным законом».

Вторым манифестом было объявление о восстановлении Жалованной грамоты городам и городского положения, которые также объявлялись неперменными и незыблемыми законами.

Третьим манифестом Александр I объявил амнистию: «прощение находящихся под судом и следствием всех, кроме смертоубийц». Еще до того, указом от 14 марта 1801 года были прощены офицеры Петербургского драгунского полка, расквартированного в Смоленске. Освобождены из заключения и возвращены из ссылок с восстановлением дворянства и воинских чинов все члены кружка А.М. Каховского¹⁸. Указом от 9 апреля 1801 года Александр I возвратил ближайшим наследникам гвардии полковника Е.О. Грузинова описанное в казну имение, а также снял с него и его брата Петра все обвинения¹⁹. Кроме того, был издан указ о возвращении дворянства, должностей и званий всем офицерам и гражданским чиновникам, исключенным по суду или «высочайшему указу», но, помня печальный опыт своего отца²⁰, Александр I заявил, что всем выдаются указы об отставке²¹.

Четвертым манифестом упразднялась Тайная экспедиция. Это ведомство занималось расследованием дел, связанных с оскорблением Величества, а также «изменой Государю и Отечеству». Под разными названиями подобная организация существовала уже несколько столетий. В манифесте кратко излагалась история деятельности Тайной экспедиции за императорский период, и подводился своеобразный итог. Александр Павлович утверждал, что она исчерпала себя, и торжественно провозгласил, что «в благопристойном государстве все преступления должны быть объявляемы, судимы и наказуемы общей силой закона». Секретные дела, ранее рассматривавшиеся в Тайной экспедиции, впредь поручались Сенату и другим учреждениям, ведавшим уголовным сыском.

Пятый манифест был «изъявлением милости народу». В качестве таковой государь торжественно объявил, что без особых государственных причин, налоги поднимать или вводить новые не будет. Император Александр обещал, что впредь будет уделять особое внимание, чтобы «уже существующие провинности могли быть с большей удобностью поселянами отправлены». Для этого был разрешен свободный отпуск земледельческих продуктов за границу. Более того, Александр I разрешил крестьянам пользоваться государственными лесами (кроме корабельных) по своему усмотрению²². Несмотря на кажущуюся ничтожность первых заявлений императора о крестьянах и декларативность манифеста, само обращение к этим вопросам насторожило окружение императора. Нельзя забывать, что владение «живыми душами» было главным и наиболее ревностно охраняемым правом дворян. Даже намек на возможные перемены в этом вопросе, а тем более освобождение крепостных крестьян, считался в то время подавляющим большинством дворян проявлением крайних форм деспотизма со стороны верховной власти. В то же время, воспоминания и страх перед «пугачевщиной» были еще очень свежи. Наиболее образованные и дальновидные представители дворянства понимали, что необходимо предпринимать какие-либо меры для предупреждения крестьянских бунтов. С другой стороны, проблемы отмены, или хотя бы ограничения крепостничества, являлись неотъемлемой частью зарождающейся либеральной доктрины.

Кроме этих манифестов, затрагивающих коренные интересы общества, было издано большое количество указов, отменяющих одиозные узаконения Павла I, в первую очередь те его постановления, которые ограничивали личную свободу дворянства. Масштабная законодательная деятельность новой власти, а также публичные обещания более кардинальных перемен вызвали всплеск законотворческой деятельности среди российского общества. Казалось, буквально все, от высших государственных сановников и до последнего канцелярского чиновника или младшего офицера сели писать проекты необходимых преобразований.

В первые же дни после восшествия на престол Александр I получил анонимную записку, автором которой оказался В.Н. Каразин. Василий Назарьевич Каразин – личность довольно примечательная. Родился он 30 января 1773 года. Отец его, сербского или греческого происхождения, был полковником при Екатерине II, мать – украинка, дочь сотника харьковского полка. В.Н. Каразин получил неплохое образование. Во время правления императора Павла I просил разрешить выехать за границу. Не получив разрешения, решил ехать тайно, но был задержан. Чтобы оправдать свой поступок, Каразин написал Павлу I льстивое письмо, в котором рассказал о причинах своего поступка (необходимость лечить молодую жену и страх перед грозным императором). Павел был тронут его откровенностью, и простил Каразина, после чего Василий Назарьевич был принят на гражданскую службу. Чтобы окончательно загладить вину перед монархом, Каразин не брезговал доносом. В дальнейшем В.Н. Каразин принял непосредственное участие в основании Харьковского университета и стал его первым ректором.

В записке, которую В.Н. Каразин направил Александру I, он отмечал, что новое царствование должно начаться с введения непрременных законов, составленных «советом мужей мудрых, окружающих престол, и других, голос которых из отдаленных краев государства истину поведать может». При этом Каразин подчеркивал, что «мудрые мужи» должны составлять такие законы, которые были бы сходны «с обстоятельствами своего народа, с его нравами, обычаями, религией, с местным его положением, с просвещением истинным». Он предлагал императору создание высшего государственного органа, избираемого (или назначаемого) от всех регионов страны. Основные идеи Каразина носили явно либеральный характер и были вполне в духе идей самого Александра I. При этом, тон всей записки был весьма восторженным и вполне монархическим. После получения этой бумаги император велел разыскать автора. Так как замыслы и проекты В.Н. Каразина касались, главным образом, вопросов просвещения, поэтому он в дальнейшем принял участие в реформировании в этой сферы²³.

Записка В.Н. Каразина была не единственная. Кроме этого документа, императором Александром было получено еще несколько бумаг такого рода, причем от людей, весьма далеких от реальной политики. В первые же дни правления Александра ему была передана записка некоего А.И. Арсеньева, в которой автор, восхищаясь молодым монархом, утверждал, что во всем, а тем более в управлении государством, необходимо строго соблюдать законность²⁴. Тогда же Александр I получил анонимную записку, где автор пытался доказать необходимость в скорейшем издании свода законов, а также создании системы контроля за исполнением законодательства и надзора за правосудием²⁵.

Итак, замыслы о грядущих переменах буквально витали в воздухе. О них говорили и писали практически все образованные представители русского общества. В общем-то это и понятно, т.к. сам император и его ближайшее окружение говорили вслух о необходимых преобразованиях. Еще никогда до того в российском обществе не было подобного реформаторского подъема либеральной направленности!

Как и следовало ожидать, зыбкое единение оппозиционных императору Павлу сил сразу же рассыпалось после реализации задуманного. Уже с первых дней правления Александра Павловича стало ясно, что представление о необходимых преобразованиях у различных политических группировок значительно отличаются друг от друга. Большинство исследователей, изучавших первые годы правления императора Александра, характерной чертой этого периода называют противостояние между «екатерининскими стариками», то есть вельможами, имевшими политический вес и силу в конце XVIII века и занимавшими тогда, а частично и при Павле I, ведущие государственные посты; и «молодыми друзьями» Александра I: П.А. Строгановым, Н.Н. Новосильцовым, В.П. Кочубеем и А. Чарторижским, составившими в начале его правления, так называемый, «Негласный комитет»²⁶. Нам представляется, что между этими правительственными группировками изначально не было принципиальных противоречий. Как и следовало ожидать, приход к власти императора Александра I в результате переворота породил активную борьбу за власть. Все политические силы, принимавшие участие в заговоре, стали активно бороться за влияние на монарха. Формально пришедшая к власти либеральная «партия»²⁷ во главе с императором Александром не могла иметь в то время в России широкой поддержки ни в

правительственных кругах, ни в обществе, да и сам факт получения власти путем переворота первоначально ослабил позиции молодого императора и его ближайших сторонников.

Исходя из вышеизложенного, понятно, что первой политической силой, предложившей свой вариант пути развития и реформирования страны в начале XIX века стали вчерашние руководители заговора против императора Павла I: П.А. Пален, Н.П. Панин и др.. Свои идеи они пытались реализовать и в ходе самого переворота, а затем в первые месяцы правления Александра. Есть сведения, что идейные руководители заговора в ходе самого переворота хотели не только свергнуть Павла I, но и ограничить абсолютную власть монарха в России. Как писал в своих воспоминаниях А. Коцебу, прекрасно знавший П.А. Палена и П.А. Зубова, писал, что после устранения Павла I, «граф Пален имел, без сомнения, благотворное намерение ввести умеренную конституцию; то же намерение имел и князь Зубов. Этот последний делал некоторые намеки, которые не могут, кажется, быть иначе истолкованы, и брал у генерала Клингера «Английскую конституцию» [популярная тогда книга, рассказывающая об английских законах – Н.К.] для прочтения»²⁸. Более того, есть указания на то, что Александр Павлович в первые часы переворота поддержал (или вынужден был поддержать) заговорщиков.

«Даровать» России конституцию в ходе заговора не удалось, этому воспротивились генералы, командиры и шефы гвардейских полков, его непосредственные исполнители: Н.И. Депре-радович, П.А. Талызин, Ф.П. Уваров и др. Если гражданское управление после переворота П.А. Пален сумел сосредоточить в своих руках, то военная власть находилась у этих лиц. Поэтому руководители заговора и не смогли законодательно ограничить власть монарха при том, что последний дворцовый переворот был блестяще ими организован и безупречно технически исполнен. Однако Пален, вероятно, «забыл», что это стало возможным, в первую очередь, потому что руководители заговора скрыли от массы исполнителей, гвардейских генералов и офицеров свои идеи об установлении «непременных законов» и уничтожении деспотизма. Таким образом, идейные руководители заговора рассматривали устранение Павла I как шаг на пути ограничения самодержавия, однако избранная методика достижения своих целей – путем заговора и царевубийства – оказалась для них самих губительна. В отличие от большинства руководителей переворотов, принесших трон Елизавете или Екатерине, Пален и его ближайшие помощники стремились ограничить власть монарха не столько своим личным участием в управлении, сколько «непреложными правилами», законами. Нечто подобное пытался в свое время сделать граф Н.И. Панин при воцарении Екатерины II, что ему также не удалось.

Итак, несмотря на то, что П.А. Пален фактически «предоставил» Александру I престол, он не стал доверенным лицом монарха. Поэтому, чтобы закрепиться у власти, он решил добиться высокой государственной должности, благодаря которой мог бы влиять на реальную политику. Как жаловалась Е.И. Нелидова своему другу барону Гейкингу: «Ему [т.е. Палену] мало, что он был зачинщиком заговора против своего благодетеля и монарха; он еще хотел управлять государством как премьер-министр».²⁹ Вполне вероятно, именно с этой целью П.А. Пален содействовал учреждению 26 марта 1801 года Непременного совета, куда кроме него вошли также Платон и Валериан Зубовы. Всего в совете первоначально было 12 человек. Функции этого государственного учреждения были разъяснены в «наказе». Непременный совет учреждался для «рассмотрения и уважения дел государственных». Совет ни в коей мере не ограничивал власть императора: «он не имеет действия внешнего, не входит ни в какие распоряжения по части исполнительной..., никаких указов от себя и от имени своего не издает..., силы другой не имеет, кроме силы совещания». Однако данные совету законосовещательные функции были необычайно велики. Предметом обсуждения в совете могло являться «все, что принадлежит до государственных постановлений, временных или коренных и непреложных». Коренными законами считались те, которые давались «на все времена», например, Жалованные грамоты.³⁰ Фактически Непременный совет был создан для разработки проектов реформ, но в первые месяцы его существования там рассматривались текущие дела по вопросам внутренней и внешней политики.

Так, 30 марта Совет собрался на экстренное совещание, чтобы решить вопрос о мирном договоре с Англией. Было решено отправить П.А. Палена в Ревель с мирной декларацией, которую он должен был вручить английскому адмиралу Паркеру. В случае неудачи мирных перегово-

воров граф Пален должен был организовать оборону балтийского побережья. Когда 7 апреля пришло известие, что английским флотом была предпринята бомбардировка Копенгагена, император Александр высказал сомнение в необходимости мирных соглашений, но Совет единодушно высказался за мир. Александр I сразу же отступил.³¹ Этот эпизод является хорошим примером того большого влияния, которое имели руководители заговора в первые месяцы правления Александра I – внешняя политика в России всегда была прерогативой монарха.

Тем не менее, несмотря на то, что П.А. Пален играл большую роль в первые месяцы царствования Александра I, его положение было очень сложным и участь, по сути, ~~была~~ предрешена. Еще ~~к~~ в начале июня 1801 года граф П.А. Пален занимал ключевые посты в государстве: Он был членом Непременного совета (~~первоначальное название Государственного совета~~), членом коллегии иностранных дел, петербургским военным губернатором. Ему были подчинены все военные силы и полиция Петербурга. Кроме того, он состоял в должности управляющего гражданской частью в Эстляндской, Курляндской и Лифляндской губерниях. 3 июня 1801 года, буквально за две недели до полной отставки, на него было возложено управление гражданской частью в Петербургской губернии. Однако его реальное положение было шатким, так как расположение Александра Павловича к нему было вынужденным. К тому же П.А. Пален вел себя с молодым императором высокомерно и даже пытался им руководить. Как записал Ланжерон со слов ~~цесаревича~~ великого князя Константина Павловича, «он [Пален] слишком злоупотреблял своей властью, он чересчур долго третировал своего государя, как ребенка... Пален заставил себя бояться, не заставив полюбить»³².

У графа Палена не было влияния и поддержки среди аристократии и гвардейского офицерства. Первые считали, что он сделал «грязную работу» и теперь должен сойти со сцены, дабы не компрометировать императора Александра. Например, граф С.Р. Воронцов, считавший свержение Павла I спасением России от неминуемой гибели, писал своему брату вице-канцлеру А.Р. Воронцову, что он желал устранения Павла I, но обстоятельства, которые сопутствовали событию, внушали ему крайнее отвращение. Далее, он высказывает удивление, что духовный отец этого преступления П.А. Пален не отдаляется от Двора. Более того, он выразил опасение, что чрезмерное влияние Палена может иметь для России дурные последствия, она станет «une seconde Perse»*, то есть может произойти возрождение деспотизма³³. Конечно, это высокомерное замечание сквозит лицемерием, он так как С.Р. Воронцов прекрасно зная о заговоре, понимал, что его возможно реализовать только путем цареубийства, ~~что Россия не Англия~~, но считал своим долгом «откреститься» от цареубийства его непосредственных участников. П.А. Пален не мог рассчитывать на армию и гвардию. Участвовавшие в заговоре генералы видели в нем человека, который хотел ограничить самодержавную власть и занять место временщика рядом с «неопытным» монархом.

Кроме того, после воцарения Александра I началась борьба за власть между вчерашними единомышленниками: и Зубовы, и даже Н.П. Панин способствовали падению П.А. Палена³⁴.

~~Кроме всего прочего~~ Наконец, следует добавить, что Пален не скрывал и не стыдился своего участия в заговоре против Павла I, что раздражало внешне скорбящую императорскую семью. ~~Поэтому его у~~ Поэтому, воспользовавшись первым же поводом для недовольства временщиком, Александр I приказал ему отправиться в имение, освободив от всех должностей. Та же участь постигла Н.И. Панина и Зубовых, влияние которых на Александра объясняется лишь руководством заговора. Здесь мы не можем согласиться с М.М. Сафоновым, который утверждает, что влияние П.А. и В.А. Зубовых «в правительственных сферах было самым ощутимым».³⁵ Братья Зубовы, особенно князь Платон, не пользовались авторитетом и уважением у столичного общества и офицерства. Их влияние во времена Павла определяли родственные связи: Николай Зубов был женат на дочери А.В. Суворова, а также имел богатство и титул, данные Екатериной II. Кроме того, некоторое время авторитет Зубовых держался за счет старых заслуг: будучи на вершине власти в последние годы правления Екатерины II, Платон Зубов многим оказывал содействие при продвижении по службе. Возможно, его протекже в течение ряда лет еще

* «Вторая Персия» (франц.)

могли испытывать благодарность к своему покровителю, хотя, безусловно, она быстро таяла с потерей Зубовыми прежней власти. Да и сразу после воцарения Александра Зубовы повели себя как настоящие царедворцы. Проекты реформ Платона Зубова, о которых ниже будет сказано подробнее, шли в русле идей и устремлений императора Александра. И, наконец, стоило им только почувствовать к себе более холодное отношение, князь Платон тут же пошел к цесаревичу Константину доказывать свою невиновность, то есть непричастность к убийству Павла I, но великий князь отказался пожать ему руку, ответив французской поговоркой: «кто извиняется – признает себя виновным»³⁶.

После отставки П.А. Палена, П.А. Зубова, и тем более, Н.П. Панина³⁷, наверное самого свобододолюбивого и независимого вельможи, организаторы заговора ушли с политической арены³⁸. Конечно, это не означало, что Александру I отказывался от проведения реформ: отставка руководителей заговора давала ему большую свободу действий, а также позволяла формально снять с себя ответственность за царевубийство. Тем более, что в по основным направлениям реформаторские планы заговорщиков встречали поддержку у молодого монарха, но он едва ли мог доверять П.А. Палену, который, будучи доверенным лицом Павла I, возглавил против него заговор.

В историографии медлительность Александра I в проведении реформ, а также отказ от немедленного ограничения самодержавной власти объясняют либо его двуличностью, слабохарактерностью, желанием удовлетворить всех, вступая на престол; либо уверенностью молодого императора, что на проведение планируемых им реформ необходимы десятилетия. Авторы этих подходов не учитывают некоторые особенности, которые сопровождали воцарение Александра Павловича. Молодой император в первые месяцы своего правления не обладал полной свободой действий. Он вынужден был считаться со вчерашними руководителями заговора, которые, как уже говорилось, занимали высшие государственные посты. Кроме того, Александр I знал о весьма сложных настроениях в армии и, в частности, в гвардии. Солдаты откровенно сожалели о «безвременной кончине» Павла, при котором офицеры побаивались воровать, да к тому же за удачные парады им частенько выпадали награды, в то время как за неудачные наказывали, главным образом, их командиров. Офицеры не скрывали радости по поводу воцарения Александра, но при этом они явно опасались и не желали каких-либо кардинальных перемен. Некоторые мемуаристы утверждают, что князь Зубов, ворвавшись с Беннигсеном и другими офицерами в комнату к императору Павлу I, предложил ему подписать отречение или же ограничить самодержавную власть, подписав «текст соглашения между монархом и народом»³⁹, чему, как уже говорилось, воспротивились командиры гвардейских полков, также активно участвующие в заговоре. Таким образом, в ходе переворота самодержавная власть не была ограничена и теперь все зависело от нового императора, тем более, что его воцарение приветствовалось практически всеми слоями общества. Если бы Александр сам добровольно в первые дни своего правления обнародовал бы документы, ограничивающие самодержавную власть и даровавшие политические свободы, едва ли кто-нибудь осмелился этому воспротивиться. Почему же Александр не пошел на это, хотя и намечал проведение таких реформ, будучи наследником?

Выше мы не раз упоминали о сложной ситуации, в которой оказался Александр после переворота: что реально бы означало подписание Александром I «конституции» или другого документа, который бы серьезно ограничивал бы его полномочия? Это могло означать только одно – отказ от самодержавной власти, орудия чрезвычайно сильного в политической борьбе, причем в момент, когда личное влияние самого императора было сравнительно невелико, когда, с одной стороны, верхушка заговорщиков во главе с Паленом по существу третировала и отодвигала на второй план молодого монарха; с другой – подавляющее большинство дворян было вполне удовлетворено устранением Павла и не видело надобности вообще в каких-то реформах. По существу оказавшаяся у власти «либеральная партия», реформаторы, не имели достаточной поддержки в правящем сословии. На кого же, кроме дворян, мог опереться русский монарх? Не на чернь же, для этого ему понадобилось бы стать новым Пугачевым. Такого желания у Александра I не было и в помине, как не было его и у других дворянских реформаторов вплоть до декабристов. Вывод отсюда следовал один: либеральные преобразования необходимо осуществ-

лять, используя в полной мере самодержавную власть для подавления как сопротивления крепостников, хранителей заветов старины, так и излишне честолюбивых сторонников либеральных преобразований. Такой вывод был сделан императором Александром I, и он по существу предопределил дальнейшую судьбу его реформаторской деятельности. Самодержавие сохранялось. В обозримом будущем речь могла идти лишь об отдельных, частичных реформах, не затрагивающих основ существующего строя. Эти преобразования в то время были жизненно необходимы для дальнейшего развития государства как в политической, так и в экономической сферах.

2. Реформа Правительствующего Сената

Император Александр, естественно, не мог не понимать, что, с одной стороны, обсуждать, а тем более проводить в жизнь либеральные реформы в России можно лишь силой самодержавной власти. С другой – правление Павла I показало, что проведение каких бы то ни было преобразований в стране очень опасно без учета мнений сановной аристократии, высшего офицерства, тем более что все высшее общество, казалось, было заинтересовано в реформах, причем в таких, которые, в первую очередь, им самим гарантировали бы стабильность и незыблемость собственных прав. Планы самого императора Александра были явно шире. Поэтому для претворения в жизнь своих замыслов Александр I решил воссоздать кружок «молодых друзей» необходимо было найти опору среди российской элиты. Император не отказался от идеи проведения либеральных реформ, состоявший из лично преданных ему – помощникам и ов. в этом могли стать лично преданные ему люди. 17 марта 1801 года Александр Павлович собственноручным письмом вызвал кн. А. Чарторижского. Чуть позднее был официально приглашен и В.П. Кочубей. П.А. Строганов, который находился тогда в Петербурге, написал Н.Н. Новосильцову⁴⁰. Они образовали так называемый «Негласный комитет», который стал своего рода неофициальным совещательным органом при императоре, куда стекались все проекты реформ и другие подобного рода документы. Сами члены «Негласного комитета», в первую очередь П.А. Строганов, первоначально попытались выработать собственный план преобразований, но вынуждены были отложить это на некоторое время и углубиться в анализ проектов реформ, предлагаемых представителями аристократии, а также в решение вопросов текущей политики.

«Негласный комитет» первый раз официально собрался 24 июня 1801 года. В его работе можно, очень условно, выделить три направления работы, которые велись параллельно: разработка плана реформ; анализ проектов и документов высших чиновников и аристократов и, наконец, проведение преобразований в сфере государственной власти.

Основным источником, повествующим о работе «Негласного комитета», являются неофициальные протоколы, которые вел П.А. Строганов. Эти материалы, бывшие своего рода дневниковыми записями гр. Строганова, к сожалению, не отражают всех аспектов деятельности «Негласного комитета», но в сочетании с другими источниками дают достаточно четкое представление о его работе. Как уже было сказано, первый протокол был датирован 24 июня 1801 года, последний – 12 мая 1802 года. Кроме того, до нас дошли еще четыре записи о заседаниях в октябре-ноябре 1803 года. Отсюда большинство исследователей сделали вывод о том, что с июня 1801 по май 1802 «Негласный комитет» действовал регулярно, затем ненадолго возобновил свою работу осенью 1803 года, после чего окончательно прекратил свое существование. В то же время можно выделить ряд закономерностей в его заседаниях: они проходили, главным образом, по понедельникам (кроме экстренных). Почти все сохранившиеся протоколы содержат упоминания о повестка дня, а иногда и о дате следующего заседания «Негласного комитета»⁴¹. При этом ряд протоколов никак не связан между собой, что допускает наличие незапротоколированных заседаний. Поэтому можно предположить, что, вполне вероятно, комитет не был окончательно распущен 12 мая 1802 года, а действовал, правда с перерывами, не менее, чем до конца 1803 года, а возможно и дольше. Доказательством тому могут служить воспоминания А. Чарторижского, где он упоминает об обсуждении в «Негласном комитете» вопросов внешней политики применительно к 1803 году и более поздним временам. Адам Чарторижский составил

свои записки уже в довольно зрелом возрасте, поэтому они грешат неточностями. Однако едва ли он столь сильно мог ошибиться, упоминая о заседаниях «Негласного комитета» в 1803, 1804 и даже в 1805 году, так как он привязывал эти заседания к конкретным историческим событиям⁴². Но возможно и другое объяснение. В первые месяцы правления Александра I «Негласный комитет» стал своего рода «доверенным правительством» императора, пусть формально и неофициальным, но которому монарх мог полностью доверять, в отличие от «паленовского» Непременного совета и консервативного и оппозиционного Сената. Как известно, монарх в России мог самолично, без чьего бы то ни было одобрения и согласия создать любой государственный орган, поэтому, вопреки расхожему мнению, на наш взгляд, неофициальность «Негласного комитета» была весьма относительна. Позднее, когда император Александр отстранил от власти руководителей заговора, а также после реформирования высших государственных органов власти, там более после учреждения министерств, необходимость в подобном личном кабинете у монарха отпала, а его члены заняли высшие государственные должности. Однако периодически повторялись совещания при императоре «в узком кругу», которые Строганов и Чарторижский по старинке называли заседаниями «Негласного комитета».

Инициаторами создания «Негласного комитета», как уже говорилось, были император Александр I и граф Павел Строганов. Еще до приезда остальных они определили круг вопросов, которые необходимо было обсудить на его заседаниях. Сюда, в первую очередь, они отнесли проблему введения политических прав и свобод, а также серьезное ограничение или даже отмену крепостного права, так как они считали, чтобы исполнить первое, необходимо было разрешить второе. Однако «волновать дух народа» было очень опасно, поэтому П.А. Строганов предложил создавать проекты законов в абсолютной тайне, и проводить их в жизнь жесткими административными мерами. Свои взгляды он изложил в ряде записок, составленных как по заданию императора, так и по его собственной инициативе. Не вызывает сомнений, что взгляды Павла Александровича носили либеральный характер и вполне соответствовали настроениям императора.

Еще перед началом регулярной деятельности «Негласного комитета» П.А. Строганов по собственной инициативе приступил к созданию плана его работы. Правда, первоначально он предложил сделать это самому императору: «Не возьмете ли вы не себя труд, – обратился П.А. Строганов к Александру I, – составить инструкцию комитету, чтобы рассеять все сомнения касательно его цели? Это внесет ясность в мысли всех. Не пожелаете ли Вы, Ваше Величество, просто высказать свои мысли по этому поводу, чтобы можно было составить проект конституции, который будет Вам представлен для внесения изменений и утверждения?»⁴³. Александр I, вероятно, не захотел составлять подобную бумагу, по крайней мере до нас ничего подобного не дошло, но в свою очередь поручил Павлу Александровичу самому подумать над планом предстоящей работы в комитете. Иными словами, П.А. Строганов считал, что организуемый Комитет должен стать некой согласительной комиссией по разработке проекта «Основных законов». Александр же желал видеть в Комитете, прежде всего, «ближнее» правительство, состоявшее из лиц, которым он лично доверял.

В обширных архивах графа Павла Александровича сохранились две бумаги, правда, в черновиках: «Генеральный план работы с императором над реформой» и «О состоянии нашей конституции», которые, по всей вероятности, как раз и были написаны еще до начала постоянной деятельности «Негласного комитета» в качестве плана его работы. В первой записке Строгановым определены основные принципы организуемого Комитета⁴⁴. Автор записки считал, что все преобразования должны исходить исключительно от императора, а не какого-либо государственного органа, например, Сената или недавно образованного Непременного совета. Также Павел Александрович был убежден, что для глубоких реформ необходимо первоначально провести ряд изменений в системе государственного управления. Другими словами, он предлагал начать с преобразований администрации, а затем уже писать и вводить «конституцию». Надо заметить, что за основу для написания своего «Генерального плана» Строганов взял небезызвестную записку А.А. Безбородко, о чем сам указал. Поэтому, несмотря на то, что «план» Строганова носит несколько схематичный, явно неоконченный характер, Павел Александрович, ве-

роятно, разделял идею своего предшественника о необходимости учреждения собрания депутатов, «составляющих назидание прав государственных»⁴⁵. Кроме того, Строганов указал, что базовой идеей, на основе которой необходимо разрабатывать все проекты преобразований, должна быть мысль о незыблемости права частной собственности и права свободы распоряжения ею. Поэтому весьма целесообразно было бы создать «преграду», чтобы власть не нарушила этого уже существующего порядка: «для чего необходимо придать некоторые привилегии и блеск старым учреждениям». Итак, несмотря на схематизм записки, факт использования проекта Безбородко говорят об изначально весьма серьезных планах как Строганова, так и императора Александра I, который одобрил этот «Генеральный план»⁴⁶.

Более четко собственная позиция Павла Строганова проявляется в записке «О состоянии нашей конституции». Первым делом он объясняет, зачем России необходима конституция. По его мнению, «она есть выраженное в законе признание прав нации и установление способов их осуществления. Незыблемость прав нации должна быть гарантирована, чтобы никакая посторонняя власть не могла воспрепятствовать действию этих прав». При этом Строганов прекрасно понимал, что «если этой гарантии не существует, цель пользования правами, которая состоит в том, чтобы какая-либо правительственная мера могла быть принята в ущерб истинным интересам нации, эта цель [...] не будет достигнута, и тогда можно сказать, что нет никакой конституции». Далее Павел Александрович остановился на структуре предполагаемой конституции, которая, по его мнению, должна была состоять из трех частей: установление прав, способ их использования и гарантии «незыблемости». Строганов указал, что Жалованная грамота дворянству и Жалованная грамота городам отчасти отразили первое, то есть установили незыблемые законы, но полное отсутствие гарантий предоставленных прав почти свело их значение на нет. Поэтому император Павел I без труда смог аннулировать обе Жалованные грамоты. При этом необходимо понять, подчеркнул Строганов, что простое ограничение прав монарха не решит данных проблемы, ведь нарушить эти права может и временщик, и государственный орган, наделенный широкими полномочиями без четкого обозначения прав и обязанностей. Кроме того, строгое определение прав и обязанностей любого государственного органа также может оказаться недостаточным, так как перечислить все права граждан, да к тому же обеспечить их должными гарантиями реализации, невозможно. Поэтому для составления «конституции» необходимо выделить основные, базисные права, которые требуют обязательной и немедленной государственной охраны. Как считал граф Строганов, это – «права собственности и свободы делать с ней все, что не может быть вредным для других». Для обеспечения этого права абсолютно необходимо ограничивать самодержавную власть монарха, но крайне важно установить гарантии от возможного произвола, как это было во времена императора Павла I. Отсюда, «конституция» у Строганова – «это закон, определяющий порядок, который следует соблюдать при создании административных законов, которые не переменны, поскольку они не требуют видоизменений, объяснений и т.д., должны подвергаться перемене согласно известному, строго определенному, неизменному способу, который закрыл бы дверь всякому произволу и, следовательно, уменьшил бы зло, могущее произойти от различия способностей тех, кто стоит во главе государства». Всем же остальным законам совершенно необязательно быть столь же неизменными, т.к. они по своей сути административные, а жизнь довольно быстро меняется.

Иными словами, П.А. Строганов подчеркнул, что для создания системы гарантий реализации основных прав и свобод к которым, прежде всего, относится право собственности, нет необходимости ограничивать самодержавие. Более того, подобное ограничение в данный, конкретный исторический период может привести и к противоположному результату, если бразды правления окажутся у консервативно настроенного, аристократического, хоть и выборного органа. А иного тогда и быть не могло. Поэтому Строганов предложил первоначально создать четкий государственный бюрократический аппарат, провести административную реформу, а затем вводить «конституцию», в которую были бы заложены либеральные принципы управления страной⁴⁷. Конечно, в данной записке Строганов скорее определил принципы для создания будущей «конституции», а не написал ее проект. Более детально его взгляды на государственное

устройство и пути его реформирования просматриваются в двух других бумагах: «Записке о правах Сената» и, собственно, в наброске конституции под названием «Общий кодекс».

«Записка о правах Сената» посвящена вопросу разделения властей. Она является черновым наброском с многочисленными карандашными пометками, однако указанные выше проблемы отражены в ней достаточно подробно. По мнению Строганова, «власть Сената может быть ограничена единственно властью Его Императорского Величества...», т.е. Сенат необходимо действительно сделать «Правительствующим». Как указывал Павел Александрович, законодательная власть «должна быть организована так, чтобы не была упущена ни одна предосторожность, направленная к тому, чтобы законы являлись плодом самых зрелых размышлений и самого подробного обсуждения». Для эффективности исполнительной власти ее необходимо упорядочить и централизовать. Причем во главе этой власти должен стоять не человек, а учреждение, вероятно, имелся в виду совет министров или нечто подобное. Судебная власть должна стать максимально независима и беспристрастна, ее нельзя смешивать с охранительной, и которая, в свою очередь, заключена в самой организации управления страной. Современная ситуация, по мнению Строганова, далека от идеальной. Ни структура, ни функции Сената не отвечают вышеназванным требованиям. Следовательно, необходимы глубокие преобразования и не только собственно Сената. Для того чтобы поднять его значение, наделить вышеназванными полномочиями, требуется «обеспечить гражданское существование крестьянства», но это возможно только в отдаленной перспективе. Иными словами, Строганов напомнил, что не имеет смысла говорить о гражданской свободе в стране, когда большая часть ее граждан по своему социальному положению близка к рабам. Поэтому Павел Александрович предложил в рамках первоначального реформирования более четко обозначить исполнительные и судебные функции Сената, причем, и это сделать не сразу, а соблюдая должную осторожность: «постепенный, плавный ход реформы ... не позволяет даже думать о том, чтобы лишить это учреждение [т.е. Сенат – Н.К.] указанного атрибута», т.е. законосовещательных и исполнительных функций. Иначе говоря, он предлагал сделать Сенат высшим судебным органом, исполнительную же власть следует сосредоточить в независимых от Сената министерствах, которые должны заменить отжившие коллегии. «Благодаря этому все управление постепенно перейдет в руки исполнительной власти, и разделение двух властей будет поставлено на прочную основу». Далее Строганов свел все опять же к необходимости преобразования государственного аппарата как основы, платформы для преобразований общественного строя. Таким образом, все права, которыми, по мнению Строганова, необходимо наделить Сенат, были сведены им к судебным функциям.

Несмотря на все сомнения в необходимости немедленной разработки «конституции», П.А. Строганов сделал ее набросок, названный им «Общий кодекс». Несмотря на отрывочность дошедшего до нас документа, со всей определенностью можно сказать, что это достаточно подробно разработанный план государственного устройства Российской империи, разделенный на 13 глав и 98 статей, хотя большинство из указанных статей лишь обозначены, а не прописаны подробно. Первая статья данного документа гласит, что Россия – это монархия, и глава государства объединяет законодательную и исполнительную власть. При этом Павел Александрович указал на необходимость четкого определения прав и обязанностей самого монарха. Так, российский император должен иметь незыблемое право утверждать и отменять законы, вести войну и заключать мир и т.п. В обязанности же российского монарха должно войти: поддержание внутреннего и внешнего спокойствия государства, поддержание религии, охрана собственности и безопасность личности. Правда, Строганов не объяснил, кто или какой орган должны следить за соблюдением прав и обязанностей государя, а тем более, перед кем он должен «отчитываться», без чего разговор о правах и особенно обязанностях монарха просто теряет смысл. Далее Строганов указал, что государство составляют четыре сословия: дворянство, купечество, духовенство и крестьянство. Цель государства состоит в охране внешней и внутренней безопасности для всех сословий, обеспечении сохранности собственности, прав и чести личности, принятии соответствующих законов, наблюдение за их исполнением, а также в народном образовании⁴⁸.

Подводя итог взглядам П.А. Строганова в целом, мы можем сделать вывод, что Павел Александрович, был по своим политическим убеждениям ярким противником деспотизма и сторонником либеральных взглядов на образ правления. Он всегда подчеркивал, что властный произвол может исходить не только лично от монарха, но также и от любого государственного органа, наделенного обширными и неограниченными полномочиями. Поэтому первостепенной задачей государственной власти должно стать создание системы защиты от любого произвола, создание системы гарантий обеспечения основных прав, прежде всего, права собственности. При этом ограничение абсолютной власти именно императора Александра I, готового предоставить обществу такие гарантии, привело бы к усилению, а не уничтожению деспотизма. Для того, чтобы и в дальнейшем не допускать произвола, необходимо так реформировать государственный аппарат, чтобы он мог стабильно работать и обеспечивать основные права граждан. В своей основе эти взгляды разделяли и другие члены «Негласного комитета».

Правление Павла I заставило всех, в том числе и консерваторов, возненавидеть деспотизм⁴⁹. Если в условиях слабости и малочисленности либеральной «партии», для ее представителей единственно возможным было проводить свои идеи в жизнь, доказывая, что это следует делать, опираясь на самодержавную волю монарха, не ослабляя и не ограничивая ее какими бы то ни было органами, то позиция консерваторов была несколько иной. Для них одинаково неприемлем был как деспотизм Павла, так и чрезмерно либеральные проекты Александра I. Они считали, что противовесом всевластия монарха мог стать только аристократический Сенат. Это старейшее учреждение императорской России на протяжении своей почти столетней истории выполняло различные функции, но всегда состояло из почтеннейших государственных сановников. Немудрено, что в центре внимания консервативно настроенной аристократии оказался именно этот государственный орган, увеличением роли и значения которого они хотели ограничить себя в будущем от произвола монарха.

Мы уже отмечали, что первые месяцы правления Александра обстановка в верхах была очень сложной. Ее, конечно, несколько разрядили изданные 2 апреля 1801 года манифесты, но они по своей сути не вносили ничего нового, а лишь отменяли наиболее одиозные павловские указы. Император вынужден был искать какой-либо компромисс между существующими политическими группировками. То есть необходимо было начать реформирование какой-либо принципиальной сферы, более или менее всех удовлетворяющей. Более того, требовалось начать с таких преобразований, которые не противоречили бы общей политической направленности императора Александра и не помешали бы дальнейшим реформам. При этом Александр I прекрасно понимал, что российская бюрократическая элита будет стремиться к усилению значения высшего государственного органа – Правительствующего Сената. Конечно, повышение роли Сената не лишало само по себе императора абсолютной власти, но могло существенно ограничить свободу действий правителя.

Первые годы правления Александра Павловича политическая активность высших чиновников и сановной аристократии была необычайно высока. Буквально каждый считал своим долгом высказаться о необходимых преобразованиях и, в первую очередь, о реформе Сената, в котором, как уже говорилось, видели некоего гаранта стабильности. Именно поэтому подготовка и проведение Сенатской реформы показали то противостояние между либералами и консерваторами, которое можно было наблюдать в верхах после воцарения императора Александра I.

Формальным поводом начала Сенатской реформы стало тянувшееся в Сенате еще со времен Павла I частное дело супругов Котловских. Их дело повторно рассматривалось в Сенате 29 апреля 1801 года, и сенатор Г.Р. Державин отказался подписать общий приговор Сената, изложив собственное мнение по делу. На следующий день генерал-прокурор А.А. Беклешов поднес императору Александру традиционный доклад Сената, в котором особое мнение Державина указано не было. Державин был в гневе. Надо сказать, что по закону, установленному Петром I, подтвержденным Екатериной II, но отмененным Павлом I, если хотя бы один сенатор не согласен был с решением дела, то оно передавалось для решения монарху. Гаврила Романович испросил аудиенции у Александра и напомнил ему о данном правиле. Монарх обещал разобраться.

Державин оказался не одинок – за возвращение «былого величия» Сената выступали и другие государственные деятели, такие как А.В. Воронцов, Д.П. Трощинский, П.А. Зубов и др. 9 мая 1801 года тайный советник и сенатор Д.П. Трощинский официально подал императору записку «О причинах унижения Сената»⁵⁰. Напомним, что Дмитрий Прокопьевич Трощинский был достаточно активным участником заговора против императора Павла I. По сведениям фон Веделя, Трощинский еще во время подготовки заговора сочинил манифест, в котором было сказано, что «государь император вследствие болезни принимает в соправители великого князя Александра Павловича»⁵¹. Именно Трощинский составил манифест о восшествии на престол Александра I⁵². Д.П. Трощинский начал свою записку с упоминания, что «несовершенство законов не должно быть предлогом к их нарушению» и, если закон несовершенен, то его необходимо менять. Далее, он изложил свои взгляды на сущность Сената и, в связи с этим, необходимые направления его реформирования. Трощинский видел в Сенате верховный исполнительный орган, который должен осуществлять управление всеми государственными учреждениями. Только император имеет право отменить решение Сената. При этом Сенат может оказывать влияние на законодательную деятельность монарха: делать представления императору, если законы неудобны для исполнения или противоречат ранее принятым. Кроме того, Сенат должен остаться и высшей судебной инстанцией. Трощинский подчеркнул, что дело не только в юридическом положении Сената. В реальности часто случается, что вопросы, входящие в компетенцию Сената, выведены из нее «частными предписаниями и угрозами лиц, действующими вне Сената», то есть фаворитами, которые, не имея часто «даже необходимых должностей и званий», активно вмешиваются в политику. В такой ситуации сенаторы не могут рассматривать многочисленные иски и жалобы на доверенных лиц императора, так как находятся под постоянным давлением этих же лиц. Он также протестовал против системы голосования в Сенате, утвердившейся во времена Павла I: сенаторы решали вопросы большинством голосов, но оно считалось принятым только в случае согласия генерал-прокурора⁵³. Трощинский предложил уравнивать голоса генерал-прокурора и сенатора, либо принимать решения без особого мнения первого, либо дать возможность каждому сенатору накладывать вето на решения, как это было при Петре I. Кроме того, он выдвинул идею учредить «частную сенатскую газету», где публиковать «определения Сената со всеми их подробностями, дабы суждения его были открыты перед лицом целого государства». Данная мера должна была послужить средством против «личной пристрастности» сенаторов. Таким образом, Трощинский предложил, фактически, сделать Сенат верховным органом управления в стране, но при этом поставить его деятельность под жесткий контроль, причем не только со стороны императора, но и «образованного общества», заставить сенаторов публично отвечать за свои действия.

Император Александр I не мог не отреагировать на эту записку, и 5 июня 1801 года издал указ «О сочинении Сенату особого доклада о правах и обязанностях его для утверждения одного силою закона, на незыблемом основании»⁵⁴. Конечно, не стоит преувеличивать значение этого указа, но он положил начало открытого обсуждения Сенатской реформы. Во многом данное указание было дано императором под давлением непосредственных руководителей заговора, а также «екатерининских» вельмож, занимающих в то время ведущие посты в государственном аппарате и откровенно сочувствующих перевороту. По сути дела, Александр I поставил на публичное обсуждение одну из основных проблем предполагаемой Сенатской реформы. Как писал А. Шторх⁵⁵, в России «[...]впечатление, произведенное этим указом в Сенате было всеобщим и несколько дней оно сообщалось всей образованной публике столицы»⁵⁶.

На призыв императора принять участие в подготовке Сенатской реформы откликнулось большинство членов недавно образованного «Непременного совета», и, конечно, сами сенаторы. Часть из представленных проектов была опубликована в третьем томе Архива Государственного Совета. Следует также заметить, что все проекты реформы Сената обсуждались на заседаниях «Негласного комитета» и некоторые дошли до нас в протоколах, составленных П.А. Строгановым. Остановимся на наиболее интересных замыслах и проектах.

Итак, сенаторы приняли царский указ как руководство к действию. Буквально сразу же сенатору П.В. Завадовскому⁵⁷ было поручено подготовить доклад о всех указах, касающихся де-

тельности Правительствующего Сената с момента его учреждения. Петр Васильевич не только выполнил это поручение сенаторов, но и подготовил свою записку «О правах и преимуществах» Сената, состоявшую из двух частей. Первая часть отражала историю Сената. Правда, автор записки выбрал только те моменты в развитии этого учреждения, которые выражали его собственную позицию по существующему вопросу. Так, он подробно расписал историю Сената в первые годы его существования (1711-1718 годы), когда он действительно имел черты верховного органа управления страны. Далее Завадовский красочно разъяснил причины «падения» Сената, которые он видел в том, что «властолюбивые лица, пользуясь доверенностью государевою, стремились к тому, чтоб им, а не местам властвовать в делах». Постепенно было отменено «единодушие голосов» и решения стали приниматься простым большинством голосов. После этого Сенат стал окончательно бессилён перед генерал-прокурором, имеющим право наложения вето на любое решение сенаторов. Другими словами, Завадовский досконально описал существующие, по его мнению, проблемы, с которыми сталкивались сенаторы в своей работе на всем протяжении существования данного органа и во второй части проекта предложил свой вариант решения этих вопросов.

Вторая, проблемная, часть представленного документа состояла из 15 статей. В самом ее начале П.В. Завадовский не преминул подчеркнуть, что он, безусловно, является сторонником абсолютной самодержавной власти, которая «должна существовать навсегда существенно и неограниченно». Вместе с тем, для стабильного управления столь обширной державой как Российская империя, в помощь правителю необходим верховный орган, каким может и должен быть Правительствующий Сенат. Для этого на Сенат необходимо в полном объеме возложить исполнительные и судебные функции, оставив монарху лишь право помилования: «должность Сената – предохранять прерогативы монарха, исполнять его волю, следить за осуществлением законов, обеспечить течение правосудия, пещись [...] о всякой пользе народной». Наделение Сената указанными правами определяют и необходимость предоставления этому органу ряда преимуществ. По проекту Завадовского, сенаторы могут быть назначены только монархом, а потому должны иметь право ходатайствовать у монарха «по всяким народным нуждам». Сенату необходимо вернуть право единогласия: т.е. решения как департаментов, так и общего собрания Сената должны приниматься только единогласно. Причем принятые в таком порядке дела должны быть окончательными и не подлежащими обжалованию. В случае разногласия при принятии решения в Сенате, генерал-прокурор готовит доклад для императора с изложением спорного вопроса. Во время представления этого доклада должны присутствовать сенаторы от всех спорящих сторон по одному. Монарх принимает решение и издает по этому поводу указ, окончательно решающий дело. Причем, этот указ ни сам монарх, ни его потомки не должны отменять. Далее, при перечислении основных полномочий Сената в сфере исполнительной власти, Завадовский оговорился, что хотя «в единой власти Сената должно состоять точное и непосредственное управление всех присутственных мест в империи», в полномочия монарха должно входить право «примирять или приостанавливать повеления Сената». Для поднятия авторитета Правительствующего Сената автор проекта предлагал передать сенаторам право назначать чиновников на нижние и средние места, а также «избирать и представлять монарху на утверждение кандидатов на высшие должности губернаторов и президентов коллегий, кроме иностранной, военной и морской». Наконец, доклад завершался предложением наделить Сенат правом «представлять государю, если б закон или указ от него вышел противен прежде изданным, вреден или неясен был. Но когда же по представлению о том не угодно будет отменить, тогда уже исполняется оный безмолвно»⁵⁸.

Анализируя представленный проект, становится очевидным, что П.В. Завадовский стремился доказать необходимость контроля высшего аристократического органа, Правительствующего Сената, над всеми сферами управления. Хотя он и не раз повторял, что является сторонником самодержавной власти, ряд положений предлагаемого проекта явно были направлены на ее ограничение. Так, в данном документе прямо указывалось, что один раз принятое решения является обязательным для исполнения как Сената, так и монарха, причем в равной степени, а это не что иное, как ограничение самодержавия Законом. При этом контроль за исполнением

законов также возлагался на Сенат. По предложенному проекту значительно уменьшалась и роль генерал-прокурора, собственно, призванного контролировать деятельность Сената. Итак, по нашему мнению, проект Петра Васильевича Завадовского – это классический пример «консервативной конституции», хотя и довольно слабо разработанной. Его автор с помощью установления незыблемых законов, увеличения роли одного из высших государственных учреждений, Правительствующего Сената, считал, что возможно укрепить существующий строй и сохранить в неизменном состоянии существующие права и привилегии различных сословий и, прежде всего, российской аристократии.

Большинство сенаторов горячо поддержали доклад П.В. Завадовского, Однако в июне 1801 года при обсуждении доклада об общем собрании Сената Г.Р. Державин подал особое «Мнение» по обсуждаемому вопросу⁵⁹. Проект реформы Сената Гаврилы Романовича был подвергнут серьезной критике, как в Сенате, так и на заседаниях «Негласного комитета», но Александр I проявил интерес к этому документу и предложил Державину доработать его «через князя Зубова». Г.Р. Державин и П.А. Зубов согласились. В сентябре 1801 года на заседании «Негласного комитета» рассматривались уже два проекта Зубова и Державина, как отмечает Строганов, но речь, скорее всего, идет о двух редакциях одного проекта. Однако если державинский проект сохранился полностью, то зубовский – нет. Последний фаворит Екатерины II не был ни реформатором, ни даже крупным государственным деятелем. Участие в перевороте лишь на некоторое время вернуло ему власть, поэтому Александр I и решил привлечь его к обсуждению и подготовке проекта реформы Сената, что и было сделано.

Согласно данному проекту предлагалось существенно расширить функции Сената: он освобождался от чрезмерной зависимости от генерал-прокурора. Кроме того, Державин считал необходимым наделить Сенат исполнительной, судебной и оберегательной функциями, но ни в коем случае не законодательной, и во главе каждой поставить министра, имеющего доступ к монарху. Исполнительной властью в рамках Сената предлагалось наделить Императорское верховное правление. Судебную власть следовало, согласно проекту, передать особому судебному департаменту, который стал бы высшей инстанцией всех судов империи. Надзор за правильностью исполнения законов Сенатом и подчиненными ему местами могла бы исполнять Оберегательная дума. Сенат Державин предлагал сделать выборным органом. По его мнению, сенаторов следует избирать следующим образом: «собрание знатнейших государственных чинов и пятиклассных чиновников всех присутственных мест Москвы и Петербурга» выбирают из первых четырех классов по три кандидата на каждое место, а монарх назначает сенатором одного из них. Законодательная власть целиком находится в руках императора.

Данный, весьма умеренный, проект напрямую не ограничивает власть монарха. Державин предлагал лишь существенно расширить государственный, что в его понимании значило бы аристократический, контроль над верховной властью. Это стало бы гарантией недопущения возобновления деспотизма, что роднило данный проект с предложениями П.В. Завадовского. Причем, предложение Г.Р. Державина избирать сенаторов, вне всякого сомнения, должно было сделать этот государственный орган достаточно независимым от монарха. Следует отметить, что данный проект во многом шел «в русле» предложений Завадовского, но он содержал два принципиальных отличия. Державин подчеркнул, что считает необходимым обеспечить разделение властей при проведении сенатской реформы. Кроме того, он совместно с кн. Зубовым предложил для создания действительно независимого Сената избирать, а не назначать сенаторов.

Кроме того, Г.Р. Державин считал необходимым значительно расширить функции и компетенцию Сената. Для достижения этого он предложил, первое, все назначения должностных лиц проводить через Сенат. Второе, наделить сенаторов правами «генерал-прокурора» для наблюдения за вверенной губернией. Совершенно очевидно, что исполнение данных положений фактически означало наделение этого органа функциями по контролю над системой исполнительной власти в стране. Державин на этом не остановился. Он предложил наделить Сенат и еще контрольно-ревизионными функциями: по его мысли Сенат должен каждый год проверять отчеты государственного казначея. Наконец, Державин считал необходимым определить влияние

Сената и на законотворческую деятельность монарха. По его мнению, все законопроекты должны проходить через Сенат. В том случае, если Сенат дважды отклонит царский законопроект, то сенаторы в полном составе должны уйти в отставку.

Таким образом, Г.Р. Державин мыслил преобразовать Правительствующий Сенат в достаточно независимый от монарха орган управления, соединяющий в себе судебные, административные, контрольно-ревизионные, и даже осуществляющий надзор за законодательной деятельностью монарха. По мнению Державина, наделение Сената вышеперечисленными функциями заставило бы монарха действовать в рамках законов. Формально самодержавная власть царя полностью сохранилась, но при этом значительно сокращались возможности произвола.

При чтении приведенного выше документа, возникает мысль, что перед нами чуть ли не «конституция», в которой ее автор предлагает «законно» ограничить власть монарха. Однако необходимо иметь в виду значительное повышение статуса Сената, что напрямую затрагивало его собственные интересы. Державин и его единомышленники доказывали необходимость «разгрузить» монарха от выполнения некоторых «второстепенных функций», переложив их на плечи чиновников, что, по их мнению, гарантировало бы некую стабильность власти.

Не остался в стороне от обсуждаемого вопроса и брат князя Платона Зубова граф Валерьян Зубов. 29 апреля 1802 года он направил Александру I всеподданнейшее письмо, в котором смело, а порой дерзко, критиковал предполагаемую реформу. Свою записку «О правах Сената» он начал с весьма жесткой и лаконичной характеристики существующего в России строя: «По настоящей “конституции” России источник, начало и конец всех сил государственных есть Государь. Он один есть законодатель, судья и исполнитель собственных своих законов. Из сего соединения сил государственных происходит, что ни один класс государства в России самостоятельного и политического бытия иметь не может». Далее Зубов прокомментировал, что он понимает под «бытием самостоятельным» для Сената, или же для любого другого государственного органа. По его мнению, это предполагало не только наличие каких-либо прав «на бумаге ему [Сенату] данных», но и наличие силы «поддержать так их, чтобы он [Сенат] без прав, а система государства без него [Сената], существовать не могли». «Неужели нужно доказывать, что таких прав в России нет?» – с горечью восклицает В.А. Зубов.

Анализируя положение Сената Зубов подчеркивал, что «Сенат не был никогда местом прямо государственным, но всегда был местом Государевым – никогда не имел власти исполнительной; но имел власть отправления известных дел. Государи, располагая им, как своим кабинетом внутренних дел, иногда давали ему более, иногда менее власти, но никогда не давали ему столько, чтоб он мог иметь собственную силу действий ибо всегда определения и отрешения членов его не только в их воле, но и в прихотях министров их составляло». Именно поэтому все указы, в которых монарх будет пытаться вернуть Сенату «былое величие», как то обещал монарх в указе от 5 июня 1801 года – не более, чем пустословие, «где обещаются горы, а из них по статьям рождается вздор».

Еще более резко Зубов оценил доклад Завадовского, сделанный на заседании Сената. Он достаточно саркастически заметил, что «если бы умы в то время были менее объаты воспалением, если бы старость в страстях своих не походила на младенчество – надлежало бы в силе сего указа представить в докладе не более как полную записку всех должностей Сената, и заметить, которые из них и каким образом были стеснены или лицами присвоены»⁶⁰. Иными словами, Зубов достаточно четко дал понять, реформой Сената деспотизм в своей основе не уничтожить, тем более, что данный государственный орган, да и любой другой, никогда не имел реальной законодательной, исполнительной или судебной власти.

В.А. Зубов не представил в записке свои предложения по поводу предполагаемых реформ. Может быть, правда, они до нас не дошли. Записка Зубова была обнаружена в фондах Секретного николаевского комитета 6 декабря 1826 года, где были собраны документы личного кабинета императора Александра. Учитывая, что записка являлась частью письма к Александру I, то можно с уверенностью сказать, что концовки в документах Комитета просто не сохранилось. Однако, если проанализировать дошедшую до нас ее часть, то очевидно, что В.А. Зубов считал ненужным, да и невозможным наделение Сената какими-либо дополнительными,

или же особыми полномочиями. В России, подчеркивал автор записки, ни у кого, кроме монарха, нет реальной власти. Хотя все письмо, особенно преамбула, написаны в верноподданническом, высокопарном стиле, невольно напрашивается вывод, что для установления и обеспечения гарантии деятельности Сената, Непременного совета или же другого верховного органа, необходимо ограничить власть российского самодержца. В то время Александр I и его «молодые друзья» обдумывали в общем-то схожие идеи, поэтому, вполне вероятно, что император благожелательно отнесся к этому письму. Кстати, Валерьян Зубов был одним из немногих непосредственных участников заговора против Павла, которые не были удалены от Двора, хотя он и не попал из-за родственных связей в ближний круг царя. К сожалению, сохранилось очень мало документов, свидетельствующих о политической позиции графа Валерьяна Зубова, но даже из имеющихся данных можно сказать, что он придерживался либеральных «англоманских» взглядов на образ правления.

Свое «Мнение» о Сенате подал и вице-канцлер А.Р. Воронцов. Он писал, что «по пространству России» наиболее приемлемо самодержавное правление, но государь не может объять всех вопросов управления обширной империей. Поэтому, считал Воронцов, необходимо «место», которое, «не разделяя власти в существе ее... разделило бы действия по разным частям управления». Таким местом, «в коем бы соединилась все части внутреннего государственного управления, должен стать Правительствующий сенат»⁶¹. Причину упадка Сената Воронцов видит в чрезмерной власти генерал-прокурора. Он, как и Трошинский, против неравенства голоса сенатора и прокурора. Решения Сената, считает Воронцов, не должны подлежать обжалованию, а быть обязательными к исполнению на всех уровнях государственной власти, в первую очередь в провинции. Сенат должен стать преградой для личных злоупотреблений чиновников и фаворитов. Но все это, по мнению Воронцова, не должно ограничить власть монарха, ибо Сенат призван только охранять «непременные законы». Таким образом, по проекту А.Р. Воронцова предлагалось наделить Сенат исполнительными и контрольными функциями. Иначе говоря, этот проект был еще более осторожен и еще более выдержан в верноподданническом духе, чем предыдущие. По сути дела, он сводился к идее о необходимости разделения властей и повышению авторитета Сената, не более того.

Определенный интерес представляет мнение о Сенате Н.С. Мордвинова. Он не представил целостного проекта, и поэтому данный документ не нашел отражения в протоколах «Негласного комитета». Однако данный документ достаточно полно освещен в опубликованном архиве графов Мордвиновых. Н.С. Мордвинов был ярким сторонником разделения властей. Он начал свою записку о правах Сената с замечания, что «только в деспотических государствах законодательная, исполнительная и судебная власти соединены в одном лице, в «законной монархии» это недопустимо. Особое значение он отводил Сенату, который «должен сделаться телом политическим» и олицетворять собой судебную власть. Для достижения этой цели необходимо часть сенаторов выбирать, а не назначать, т.к., по мысли Мордвинова, «во всех землях [т.е. странах – Н.К.] права политические основаны на избрании судей»⁶². Правда, следует отметить, что реальная роль Сената в рамках предложения Мордвинова была бы значительно снижена.

Таким образом, российские аристократы, причем, главным образом, настроенные довольно консервативно, «ухватились» за возможность принять активное участие в реформировании высших органов власти. Тем более, что определение статуса этих органов, прежде всего Сената, напрямую затрагивало их собственные интересы. При этом авторы проектов подчеркивали необходимость взаимного контроля различных властных структур для недопущения произвольного возвышения какого-либо органа власти. Они доказывали необходимость «разгрузить» монарха от выполнения некоторых «второстепенных функций», переложив их на плечи чиновников, что по их мнению гарантировало бы некую стабильность власти, а главное, их собственного положения.

Император Александр не мог не отреагировать на предлагаемые высшими сановниками империи реформы. Поэтому в «Негласном комитете» было решено, проанализировав все предлагаемые проекты, создать собственный и провести сенатскую реформу. Каждый член «Негласного комитета» выступил со своим проектом преобразований.

В документах П.А. Строганова сохранился черновик проекта сенатской реформы, составленный, вероятно, коллегиально. В данном документе Сенату отводилась роль «верховного места суда и расправы» империи. Кроме того, члены «Негласного комитета» посчитали необходимым возложить на Сенат и некоторые административно-контрольные функции, прежде всего, право надзора за коллегиями.

На одном из весенних заседаний «Негласного комитета» свой проект по вопросу реформы Сената представил Н.Н. Новосильцов. Кроме того, ему было поручено охарактеризовать и обобщить мнения всех сенаторов. Он, естественно, выполнил поручение и составил собственный вариант проекта реформы Сената. Новосильцов начал изложение данного документа с указания на то, что Сенат изначально был создан для управления во время «отлучек» Петра I, а потому в присутствии монарха сперва играл весьма незначительную роль. Этот орган, напомнил Новосильцов, никогда не задумывался «сословием, имеющим какой-либо характер для воздержания верховной власти в законных ее пределах». Следовательно, реформа Сената и «учреждение мест, ограждающих через коренные государственные постановления не подверженные никаким переменам естественные права, законную свободу и целостность каждого члена общества» не должны иметь ничего общего. Поэтому Сенат и не может, в силу своей природы, стать реальной преградой против «злоупотребления верховной власти», т.е. ни авторитет Сената, ни внутреннее его устройство не позволят сделать из него орган, оберегающий «законные права народа». По мысли Новосильцова, обязательным условием функционирования такого органа является «разделение властей и их полная независимость», что позволило бы «воздержать верховную власть в ее законных пределах». Однако, продолжал автор проекта, в сегодняшней России установить действительное разделение властей едва ли возможно: «при нынешних обстоятельствах государства, когда в посредство одного еще не входит согласие земли с несколькими лицами, от нее избранными». Иными словами, Новосильцов сознательно приуменьшил историческое значение и современную роль Сената. Он доказывал, что в современных условиях кардинальное изменение его статуса невозможно в силу именно объективных причин. Следует лишь поднять его авторитет, что можно сделать и без проведения кардинальных перемен.

10 февраля 1802 года на заседании «Негласного комитета» с обобщающим докладом выступил А. Чарторижский. Он также начал с доказательства необходимости строгого разделения властей для нормального функционирования всей системы управления. Конечно, Сенат, по его мнению, требуется освободить от чрезмерного влияния генерал-прокурора, т.к. он, будучи начальником сенатской канцелярии, является фактически вершителем всех дел. Однако проблеме систематизации верховной власти нельзя решить только реформой Сената, даже кардинальной. Прежде всего необходимо разграничить компетенцию Сената и вновь образованного Непременного совета. На Сенат следует возложить «спорные дела» судебные и административные, т.е. судебную власть. Непременный Совет должно сделать законосовещательным учреждением, в котором рассматривались бы законы и иные соответствующие документы. Следовательно, Непременный Совет стал бы частью законодательной власти. Далее Чарторижский указывал, что исполнительную власть следует разделить между государственными органами, для которых, в свою очередь, необходимо строго определить круг обязанностей. При этом такой орган не может быть коллегиальным, т.е. в нем нет строгой личной ответственности. Другими словами, А. Чарторижский доказывал, отчасти повторяя основные идеи Н.Н. Новосильцова, что при реформировании верховной власти нельзя ограничиваться только реформой Сената, так как одна эта реформа не решит проблемы структурирования верховной власти. Поэтому вместе с преобразованием Правительственного Сената необходимо провести министерскую реформу и более четко определить статус Непременного Совета. Император и другие члены «Негласного комитета» в основном согласились с ним, после чего было решено более детально приниматься за разработку министерской реформы.

Итогом столь масштабного обсуждения реформы Сената стал именной указ Правительствующему Сенату 8 сентября 1802 года⁶³. Первый пункт этого указа гласил, что «Сенат есть верховное место империи нашей; имея себе подчиненными все присутственные места, он как хранитель законов печется о повсеместном наблюдении правосудия». Назовем основные «пункт-

ты» сенатского указа. 1. Сенат есть верховное административное и судебное место империи. 2. Власть Сената ограничивается единой властью императора. 3. Указы Сената исполняются всеми, как собственные указы государя, который один может остановить их исполнение. 4. Дозволяется Сенату представлять государю о таких высочайших указах, которые сопряжены с большими неудобствами при исполнении, либо не согласны с другими законами, или не ясны; но когда по представлению Сената не будет сделано изменений в указе, то опротестованный указ остается в силе. 5. Министры должны представлять Сенату свои годовые отчеты на рассмотрение; Сенат может требовать от них всяких сведений и разъяснений и об усмотренных неправильностях и злоупотреблениях должен представлять государю. 6. При несогласии каких-либо решений общего собрания Сената с мнением генерал-прокурора или обер-прокурора дело докладывается государю.

Таким образом, столь тщательно подготовленная и долгожданная реформа Правительствующего Сената была осуществлена. Безусловно, эта реформа, лишь «открыла» преобразования, но при этом предопределила их характер. При подготовке реформы и ее публичном обсуждении императору удалось добиться, чтобы вышел «реформаторский пар» у российской аристократии. Умело сыграв на противоречиях и личных обидах «екатерининских» вельмож, монарх свел реформу Сената почти на нет. Поэтому, несмотря на столь длительную и основательную подготовку, сенатская реформа не имела сколько-нибудь серьезного политического значения.

3. Министерская реформа

Своеобразным ответом императора Александра российской аристократии на навязанную ему реформу Сената стало учреждение министерств. Эта реформа готовилась параллельно сенатской, но в отличие от нее не выносилась на всеобщее обсуждение. Поэтому для ряда государственных деятелей она стала неожиданностью. Г.Р. Державин, получивший портфель министра юстиции, так охарактеризовал реформу: «Поелику Державин [Гаврила Романович называл себя в записках в третьем лице – Н.К.] уже видел указ о министерствах подписанным, к сочинению которого он приглашен не был, а сочиняли его, сколько опосле известным учинилось, граф Воронцов и г. Новосельцев или, лучше сказать, тогда составляющие партикулярный или дружеский совет Государя императора с помянутыми двумя; князь Чарторижский и г. Кочубей, люди, ни государства, ни дел гражданских основательно не знающие, то хотя бы можно было в нем важные недостатки заметить, [...] но как уже было дело сделано, то Державин и отозвался что ничего против подписанной Его Величества воли сказать не может»⁶⁴. Подробное рассмотрение данного вопроса не является предметом нашего исследования, поэтому остановимся лишь на принципиальных проблемах, оказавших непосредственное влияние на формирование либеральной общественно-политической доктрины.

Необходимость замены устаревших коллегий более современными государственными структурами назрела уже давно, еще при Павле I стали появляться государственные органы, созданные по принципу единоначалия. На уже упоминавшемся заседании «Негласного комитета» от 10 февраля 1802 года А. Чарторижский, подводя итоги подготовки сенатской реформы, составил таблицу, в которой предложил свою схему организации государственного управления. Естественно, во главе управленческой пирамиды должен стоять император, при котором сохранялся совещательный Непременный совет. Верховные управленческие структуры следовало разделить на три части: исполнительную власть, названную Чарторижским «Управление», судебную власть или «Юстицию» и «Охранительную власть».

Исполнительную власть, по проекту Чарторижского, необходимо было предоставить учреждаемым министерствам. Автор проекта предложил создать восемь министерств: внутренних дел, иностранных дел, юстиции, полиции, финансов, народного просвещения, военного и морского. Коллегии как самостоятельные органы управления упразднились, но большинство из них были преобразованы в департаменты и включены в состав министерств. При министрах, кроме министров юстиции и иностранных дел, учреждались совещательные коллегии директоров департаментов. Судебную власть или «Юстицию» следовало четко отграничить от осталь-

ных ветвей власти, а также разделить на три части: учреждения уголовные, полицейские и гражданские. Каждую из них, в свою очередь, также необходимо было разделить на несколько инстанций. «Охранительная власть» поручалась Сенату, разделенному на два отдела: Правительствующий и Судебный. Правительствующий Сенат был призван контролировать деятельность министров. Министры должны были ежегодно отчитываться перед этим органом о проделанной работе. Судебный Сенат должен был контролировать судебные органы⁶⁵.

Доклад Чарторижского был одобрен императором и всеми членами «Негласного комитета». Было решено как можно скорее подготовить и принять закон об учреждении министерств. В подготовке и обсуждении этого документа приняли участие все члены комитета, а также бывший учитель Александра Павлович Лагарп. Кроме того, для составления окончательного проекта был привлечен статс-секретарь Александра I А.Н. Оленин. Споры вызвал один, ключевой пункт, проекта – вопрос об ответственности министров. Александр выступил против обязательных отчетов министров перед Сенатом, аргументируя это тем, что Сенат предполагалось сделать верховным судебным органом. «Молодые друзья» попытались переубедить монарха: «Новосильцов ответил, что Его Величество одобрил идею рассредоточить департамент Сената в различные губернии, чтобы сблизить правосудие с теми, кто подлежит ему; тогда первый департамент остался бы здесь, его нельзя лишить административных функций, но это право могло бы превратить его в зародыш Верхней палаты»⁶⁶. Иными словами, Новосильцов напомнил Александру о его перспективных планах постепенного реформирования верховной власти и подготовку к созданию, пусть и в отдаленной перспективе, представительного органа, ограничивающего самодержавную власть монарха.

С учетом этого обсуждения 8 сентября 1802 года был подписан указ «Об учреждении министерств»⁶⁷. Как и предлагалось в проекте, было учреждено восемь министерств, а бывшие коллегии вошли в их состав. Министерства были созданы по принципу единоначалия, однако, ни с кем не советуясь, министр мог решать дела лишь в экстренных случаях. Текущая работа строилась таким образом: подчиненные министерству места должны были еженедельно присылать министру мемории (особые представления). Он рассматривал их и предлагал конкретные решения. Если подчиненные министерству структуры были не согласны с этими предложениями, они повторно посылали по этому вопросу свои «рассуждения». Тем не менее, если министр настаивал на своем решении, его следовало выполнить. Этот порядок не умалял персональной ответственности министра перед монархом и Сенатом, но делал его фигурой достаточно самостоятельной в рамках ежедневной работы. Министры были обязаны представлять Сенату текущие и годовые отчеты.

После учреждения министерств возникла потребность в создании некоего координационного органа. Еще Чарторижский в своей «Таблице властей империи» упомянул о необходимости создания такого совета. Уже существующий Непременный (Государственный) совет не подходил для этого – в то время он состоял из лиц, оппозиционно настроенных, которым монарх не мог доверять. Было решено создать специальный орган, где министры могли бы обмениваться текущей информацией, обсуждать свои доклады, прежде чем представлять их императору и Сенату. Такую структуру решено было назвать Комитетом министров, в котором следовало рассматривать и обсуждать все доклады министров по текущим и перспективным вопросам, а также их отчеты императору и Сенату. В свою очередь, все министры также автоматически должны становиться членами Непременного (Государственного) совета, в котором теперь следовало рассматривать только особо важные дела по мере их появления. То есть, Непременный (Государственный) совет из постоянно действующего органа фактически преобразовывался в «экстренный», что существенно снизило его значение. Тогда же Непременный совет по образцу екатерининского окончательно стал именоваться Государственным. На этом первый этап реформирования государственного устройства был завершен.

Проведенные преобразования имели большое значение для упорядочения государственного управления, но они не затронули основ государственного строя. Тем не менее можно утверждать, что они носили по сути своей либеральный характер.

Как уже говорилось, усиление режима личной власти при Павле I, его деспотические методы управления страной привели в конечном итоге к царубийству. У заговорщиков была единая цель – избавление от деспотизма Павла. Но каким образом оградить себя от повторения этого – здесь мнения участников переворота и сочувствующих ему весьма сильно разошлись. Существование весьма серьезных противоречий в российской элите сразу же после заговора 11 марта 1801 года, в первые месяцы правления Александра I, было абсолютно очевидным. Формально у власти оказались либералы во главе с молодым императором, но их положение оказалось чрезвычайно сложным, так как в первые месяцы правления нового монарха реальная сила была на стороне вчерашних заговорщиков. Однако стремление П.А. Палена, Н.П. Панина и других ограничить самодержавие законами, «конституцией» не могло увенчаться успехом, так как у них не было реальной поддержки в стране среди дворянства, в массе своей консервативного. Гвардейское офицерство также выступило против их замыслов.

Кроме того, опасной для нового правления силой, была немногочисленная группа лиц, готовых на все ради сохранения своих личных свобод и недопущения в России своевластия монарха. Речь идет о князе Яшвиле, Бибикове, и, возможно, других офицерах, которые предлагали убить в ночь переворота всю царскую семью «иначе толку не будет». Так, в ночь заговора первой заботой Беннигсена, нового коменданта Михайловского замка, была забота о личной безопасности императорской фамилии. Однако при всей опасности этих двух сил Александр I быстро расправился с ними, так как они не имели широкой поддержки в обществе, «запятнали» себя открытым участием в заговоре.

Куда сложнее обстояло дело с оппозицией «справа». Высшие государственные чиновники, российские аристократы не желали повторения деспотического правления Павла I, но и опасались либеральных идей и стремлений нового императора. Поэтому они стремились через Сенат усилить контроль за верховной властью. Причем их идеи находили определенный отклик в широкой дворянской среде. К началу XIX века образовательный уровень дворянства, особенно среднего, не говоря уже об аристократии, значительно повысился. Здесь сыграло роль увеличение сети учебных заведений, появление и распространение идей философии Просвещения. Дворянство поддерживало абсолютную монархическую власть, но желало ее контролировать, чтобы не было никаких преобразований им во вред. Отсюда стремление несколько ограничить верховную власть усилением контроля над ней. В верхах складывается достаточно парадоксальная ситуация. Как писал в своих воспоминаниях кн. А. Чарторижский, «императору хотели доказать, что он должен был что-нибудь предпринять, что новое царствование возбудило известные надежды», причем не только в России, но и в Европе. По мнению большинства российских аристократов, занимающих, как правило, высшие государственные посты, необходимо было прежде всего реформировать Сенат. Чарторижский, рассказывая о гр. С.Р. Воронцове, с горьким юмором сообщает: «Сенат был в то время его кумиром, он повторял его название, как припев, за каждым словом. Мы [т.е. члены «Негласного комитета» – Н.К.] думали, что император даже во сне должен слышать голоса, кричавшие ему на ухо: “Сенат, сенат!”»⁶⁸. Таким образом, император Александр I, явно не желая того, вынужден был приступить к проведению сенатской реформы. Причем подготовка этой реформы была вынесена, фактически, на всеобщее обсуждение, в первую очередь в самом Сенате, а также в Непременном совете, в образованном обществе.

Если суммировать основные требования российских аристократов к сенатской реформе, то можно назвать следующее. Во-первых, всех не устраивала чрезмерная опека над Сенатом генерал-прокурора и то, что он мог наложить вето на любое решение Сената, а сенатор этого сделать не мог. Во-вторых, Сенат необходимо «возродить» как высшую судебную инстанцию, решения которой окончательны и могут быть отменены только лично монархом. В-третьих, предлагалось сделать Сенат законосовещательным органом. Более того, в проекте Г.Р. Державина – П.А. Зубова предлагалось создать при Сенате «Оберегательную думу» для надзора за правильностью исполнения законов. Самых же сенаторов, по их мнению, необходимо избирать из чиновников первых пяти классов по три кандидата на место на выбор императора. И наконец, по мнению авторов некоторых проектов Сенат должен в определенной мере контролировать исполнительную власть. Из всего вышесказанного напрашивается вывод, что хотя авторы предла-

гаемых проектов и превозносили незыблемость абсолютной власти монарха, они предлагали наделить Сенат такими полномочиями, которые в любом случае частично ограничили бы самодержавную власть. Многие предложения, по сути своей носили «конституционный» характер, ставили проблему необходимости обеспечения прав и свобод человека (в их понимании – дворянина), а также необходимости законного, легитимного ограничения верховной власти. Тем не менее, почти все представленные проекты, за исключением предложений Валерьяна Зубова, носили ярко выраженный консервативный характер, т.к. в их рамках предлагалось сделать из Сената аристократический орган, который частично ограничил бы власть монарха в пользу высшего дворянства, затруднил выдвижение неродовитых людей во власть. Именно поэтому все эти проекты встретили столь горячий отпор со стороны либерально настроенных «молодых друзей» императора Александра I. Они прекрасно поняли сущность предлагаемых проектов и весьма резонно указывали, что Сенат никогда не обладал теми полномочиями, которые на него предлагают возложить. Для действительно либеральных преобразований необходимо строго соблюдать принцип разделения властей, что в России того времени было абсолютно невозможно. Следствием такого вывода стала министерская реформа, которая значительно укрепила исполнительную власть. Более того, большинство министерских портфелей получили «екатерининские» старики: министром иностранных дел стал гр. А.Р. Воронцов, а его помощником – кн. А. Чарторижский, министром финансов гр. А.И. Васильев, его помощником – Д.А. Гурьев; министром просвещения гр. П.В. Завадовский, его помощником – Н.Н. Новосильцов; министром юстиции – Г.Р. Державин. Только министром внутренних дел был назначен член «Негласного комитета» В.П. Кочубей. Также нужно отметить, что такое распределение министерских должностей значительно ослабило аристократическую оппозицию. Часть сановников, получивших министерские должности, хоть и поворчали, как Державин, но рьяно принялись исполнять возложенные на них обязанности. Но министерств-то было учреждено всего восемь! Всем портфелей не хватило. Да и в самом распределении министерских должностей Александр I проявил недюжинную хитрость. Так, назначенные им министрами чиновники были антагонистами или, по меньшей мере, недолгоблюдали друг друга. Наконец, первыми заместителями министров из екатерининской аристократии стали либо члены «Негласного комитета», либо доверенные лица императора. Таким образом, именно подобная реформа государственного управления позволяла императору Александру проводить реформы, либеральные реформы, в том ключе, как он считал нужным.

4. Либеральные преобразования государственного аппарата во втором десятилетии XIX века

Наполеоновские войны 1805-1807 годов несколько заслонили и отодвинули на время на второй план вопросы внутренней политики. Активизации в 1809 году внутренних преобразований способствовало появление на политической арене плеяды образованных, достаточно независимо и критически мыслящих государственных деятелей: М.М. Сперанского, Д.А. Гурьева, О.П. Козодавлева; а также возвращение в «большую» политику В.П. Кочубея, Д.П. Трошинского и др. Конечно, их нельзя всех назвать либералами, а политические проекты, которые они составляли и внедряли в жизнь, – либеральными. Однако общее направление их деятельности вполне укладывается в рамки данной общественно-политической доктрины.

Безусловно, толчком к возобновлению проведения реформ во внутренней политике явилось появление на политической арене М.М. Сперанского. Об этом выдающемся государственном деятеле и его взглядах написано довольно много, поэтому мы не будем подробно на них останавливаться. Обратимся лишь к основным, базовым его идеям, которые повлияли на формирование государственного аппарата и формирование либеральной общественно-политической доктрины⁶⁹. Его творческое наследие достаточно велико, и мы можем судить о его взглядах на образ правления.

Сперанский не составлял, собственно, конституции, то есть единого документа об организации верховной власти. Более того, он утверждал, что немедленное ограничение верховной

власти не принесет сколько-нибудь положительных для страны результатов. Введение такой «конституции» необходимо тщательно подготовить путем создания мощной законодательной базы и особого «класса людей». Права этого «класса» должны быть закреплены не какими-то правительственными привилегиями, как, например данные в Жалованных грамотах, а на основе единого всеобщего закона. При отсутствии указанных факторов дарование «конституции» народу приведет не к «всеобщему благоденствию», а к революции. Несмотря на все эти размышления, Сперанский составил достаточно развернутый план преобразований государственного аппарата. К тому же, в отличие от многих реформаторов, Сперанский был хорошим бюрократом, то есть он прекрасно знал, какие принципы лежат в организации государственного механизма. Во многом именно поэтому его проекты отличались большей реалистичностью и глубиной, чем у его коллег. Сперанский был последовательным сторонником разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную или, как он писал: «[...] три силы движут и управляют государством: сила законодательная, исполнительная и судная [...] соединенное действие этих сил составляет державную власть». Исполнительная власть предоставляется монарху и министерствам. В качестве совещательного органа при монархе Сперанский предложил возродить Государственный совет, в котором рассматривались и обсуждались бы проекты законов, представленные императором или после его одобрения, но до внесения их в Государственную Думу для окончательного принятия.

Законодательная власть должна быть передана вновь созданной Государственной Думе и подчиненным ей губернским, волостным и окружным Думам. Думы всех уровней следовало сформировать на основе внесловных выборов. Они должны были комплектоваться следующим образом: первая ступень – волостная Дума, которая избиралась «в каждом волостном городе или главном волостном селении из всех владельцев недвижимой собственности». Из ее членов на выборной основе, правда, при высоком имущественном цензе, избирались депутаты в окружную Думу, оттуда на тех же принципах в губернскую, а из губернской – в Государственную. Думы первых трех уровней следовало созывать на трехлетний срок. Срок полномочий Государственной Думы «определялся количеством дел, ей предлагаемых». По статусу Государственная Дума «признавалась местом равным Сенату и министерству».

Судебную систему, по мнению Сперанского, следовало организовать так же, как и законодательную. Она должна быть составлена из четырех ступеней: суда волостного, окружного, губернского и Сената. Волостной суд избирался в соответствующей волости, так же как и волостная Дума. Он был призван решать малозначимые гражданские дела. Окружной и губернский суды делились на два отделения: гражданское и уголовное. Они представляли «первоначальное судное место», члены которого «определялись общим о судах учреждением соразмерно населению округа». Председатели этих судов утверждались министром Юстиции. «Верховным судилищем» империи должен был стать Сенат. Он составлялся из лиц, «избранных в губернских Думах и внесенных в государственный избирательный список». Члены Сената утверждались державной властью, то есть монархом. Фактически, сенаторы избирались пожизненно и были несменяемы⁷⁰.

Итак, казалось бы предложенные М.М. Сперанским реформы не отличались принципиально от предложений его предшественников, тем более, он подчеркивал, что «законодательное сословие должно быть устроено так, чтоб оно не могло совершать своих положений без державной власти ...»⁷¹. Тем не менее, его предложения были радикальнее даже самых смелых проектов Александра I, его «молодых друзей» и других авторов проектов. Сперанский подчеркивал, что предоставляя права отдельным сословиям, правительство лишь закрепляет «привилегии рабов». Законы не должны носить сословного характера, и перед законом, и перед судом все должны быть равны. Кроме того, Сперанский предлагал организовать государственную власть на выборной всесословной основе, что было одним из самых смелых предложений того времени. Исходя из этого, не трудно понять, почему столь мало было реализовано из предложений М.М. Сперанского, в общем-то получивших одобрение императора. Так, была усовершенствована и упорядочена система исполнительной власти, увеличено число министерств с шести до

одиннадцати, более четко определена их компетенция. Также был возрожден Государственный совет, но как законосовещательный орган при монархе, члены которого им же назначались.

Оценка политических реформ и, прежде всего, преобразований государственного аппарата была дана крупнейшими сановниками страны. Одним из первых государственных деятелей, проанализировавшим проведенные преобразования государственного аппарата, был В.П. Кочубей. 28 марта 1806 года он представил записку «Об учреждении министерств», в которой он анализирует проведенную реформу, указывает, в каком направлении ее следует продолжать. Кочубей указал просчеты министерской реформы 1802 года. Главное, что было упущено в проведенном преобразовании, это отсутствие четкого определения компетенции министерств. Не были решены вопросы взаимодействия между самими министерствами, между министерствами и Сенатом и некоторые другие подобные вопросы. Иными словами, компетенция министерств не была четко определена. Это усугублялось тем, что посты в министерствах не всегда занимали достойные люди, «не только не сходные между собой в правилах, но и не входящие даже в те главные виды, кои при учреждении министерства были предложены»⁷². Но в 1806 году в свете начавшихся наполеоновских войн было не до совершенствования государственного аппарата, поэтому к вопросам внутренней политики вернулись уже после их окончания.

Более детально свои взгляды на государственное устройство Кочубей изложил в записке от 1814 года «О положении империи и о мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющие». Кочубей указал в своей записке, несмотря на то, что формой правления в России является абсолютная монархия, «которая на долгое время свойственно быть может», для нормального управления необходимо реальное создание системы разделения властей. Формально власти разделены, но необходимо чтобы это разделение стало реальным. Так, Государственный совет должен действительно заниматься составлением проектов законов, а не переписыванием бумаг. Достаточно грамотно после проведенных преобразований 1810 года организована исполнительная власть, которую представляли министерства. Однако здесь наблюдается не совсем «здоровая» тенденция, связанная с увеличением числа министерств и расширением их штатов. Наконец, Кочубей замечает, что необходимо более четко разграничить функции Сената, как судебного органа и министерства Юстиции. В целом, В.П. Кочубей не высказал с представленной записке ничего принципиально нового, тем не менее, он еще раз подчеркнул незыблемость принципа разделения властей, которым должен руководствоваться любой реформатор.

Дал оценку проведенным преобразованиям и Дмитрий Александрович Гурьев. Он был весьма незаурядным человеком. Сын «петровского» дворянина, выслужившего чин бригадира, он первоначально не слишком быстро продвигался по служебной лестнице. При Павле I он сделал стремительное восхождение, завершившееся отставкой, вполне в духе того времени. Так, в январе 1797 г. он был сделан гофмейстером двора цесаревича Александра Павловича, а в 1799 г. – сенатором. Отставленный в 1800 г. от службы, он был в августе 1801 г. возвращен Александром I, во время правления которого занимал ряд верховных должностей: с 1802 – товарищ министра финансов, с 1806 – министр уделов. В 1810 году он был назначен на должность министра финансов, которую занимал до 1823 года. Возглавляя министерство, Гурьев играл заметную роль в Комитете министров. Он пользовался поддержкой М.М. Сперанского, когда тот был на вершине власти, и даже был единственным, кто изредка решался возражать всесильному графу А.А. Аракчееву⁷³.

В 1815 году Д.А. Гурьевым по поручению императора Александра I была составлена записка «Об устройстве верховных правительств в России»⁷⁴. В этой записке Гурьев проанализировал министерскую реформу и проблему разграничения власти между различными высшими государственными структурами, прежде всего, Сенатом, Государственным советом и различными министерствами. По его мнению, реформа высшего государственного аппарата была необходима, однако практика показала, насколько сложно входят в жизнь новшества. Он объяснил, что проведение столь масштабного преобразования неизбежно должно сопровождаться противоречиями и недоработками. Он отметил следующие недостатки реформы. Во-первых, Гурьев указывал, что на первом этапе реформы в 1802 году не было проведено четкого разграничения пол-

номочий между Сенатом и образованными министерствами. Во-вторых, изданное тогда же положение о министерствах затрагивало, главным образом, общие вопросы в организации этой новой структуры государственного аппарата, но не регламентировало четко внутреннее строение каждого министерства. Он писал, что «министры поступали в управление вверенных им частей различно, каждый по своему разумению и склонности, отчего разрушалось единство и порядок в управлении, ослаблялась их собственная власть властью Сената и усиливались произвольные деяния мест подчиненных». В-третьих, как известно, при образовании министерств бывшие коллегии были механически превращены в департаменты или канцелярии министерств, что усилило проволочки при решении конкретных дел, и поэтому «сей порядок производства производит медленность более вредную и неизбежную, нежели та, которую приписывали коллегиальному управлению». Конечно, Гурьев указал и ряд положительных сторон первой министерской реформы, которые сводились к «частичному приведению в лучшее устройство и порядок государственных дел». Д.А. Гурьев отметил, что «в первые два-три года собраны такие статистические сведения о состоянии различных отраслей управления, каких за все время существования Сената и коллегий они не имели». Собранные данные еще более доказывали необходимость в продолжении начатой реформы: «составление ежегодных отчетов озарило весь ход правительственных дел и необходимо открыло недостатки и средства к исправлению оных». Все это, безусловно, не позволяло считать министерскую реформу законченной.

Второй этап реформы устранил ряд недостатков первого, но в то же время добавил к уже существующим дополнительные проблемы. В результате проведенных в последующие годы (главным образом, в 1805-1812) преобразований была существенно упорядочена внутренняя структура министерств. Однако возникла другая проблема. По мнению Гурьева, «увлекшись» упорядочением верховного управления правительством Александра I было создано несколько государственных органов, функции которых пересекались. Это были, прежде всего, Государственный совет, «верховное сословие по делам законодательным, исполнительным и судебным»; реорганизованный Правительствующий Сенат, «равное ему [то есть, Государственному совету – Н.К.] место, потому что и в оном председательствует сам государь и решение его [Сената – Н.К.] исполняются как высочайшие указы: по делам исполнительным и судебным»; Комитет министров «по всем вообще делам с особыми правами» и, собственно, сами министерства, «в некоторых случаях подчиненные сим трем сословиям, но входящие в состав их и имеющие право непосредственно испрашивать Высочайшего повеления и указа». Все эти соображения должны были продиктовать законодателю пути усовершенствования министерского управления в России.

Д.А. Гурьев предложил следующий план продолжения реформы. Первое, необходимо сохранить единство управления, не нарушив при этом «приличное разделение властей» и, следовательно «учреждение мест, нужных для приведения их в действие [то есть, обеспечение реального, а не номинального разделения властей – Н.К.]». Второе, «сохранение сколько возможно существующих установлений и мест, когда они сходны с общими правилами и духом народа». Здесь, вероятно, Гурьев предлагал монарху при проведении реформ максимально учитывать существующие традиционные или ставшие таковыми органы управления как в центре, так и на местах. Любая реформа, по его мнению, не должна нарушать существующих жизненных устоев, а лишь корректировать их. Третье, как министр финансов, он советовал так проводить преобразования, чтобы они способствовали «сбережению издержек во всех местах правления».

Согласно приведенным выше направлениям, Д.А. Гурьев составил свой проект структуры высших органов государственной власти. «Единство правления», по его мнению, должно быть сосредоточено в лице монарха, «как источнике всякой государственной и гражданской власти». Структура высших государственных органов должна включать в себя Тайный совет, который предполагалось создать «в помощь» императору «для охранения оснований правления и соблюдения единства и согласия во всех частях оного». Законосовещательный совет (может быть, созданный из существующего Государственного совета), олицетворяющий законодательную власть. Исполнительная власть должна быть представлена Исполнительным советом или Правительствующим Сенатом. Судебная же – Судебным Сенатом. Министерства, а они доказали

свою жизнеспособность, необходимо сохранить, но их должно быть не более восьми. Министерства необходимо разделить на департаменты или коллегии. В свою очередь, в рамках этих департаментов следует учредить окружные управления, которые возглавили бы местное управление. Все министры автоматически должны были войти в Тайный и Государственный или Исполнительный совет. Гурьев достаточно подробно обрисовал круг полномочий всех структур власти.

Тайный совет должно созывать по инициативе императора, который обязательно в нем председательствовал. Автор проекта подробно разъяснил, какие на вновь учрежденный орган должны возлагаться функции. Первое, совет должен был рассматривать «дела государственные, предполагающие перемену правил, составляющих основание правления». Второе, монарх мог дополнительно представить на обсуждение в совете дела, «рассмотренные в Государственном совете и Правительствующем Сенате и на высочайшее учреждение представленные». Третье, в Тайном совете следовало рассматривать дела, представляющие государственную тайну. Четвертое, именно через Тайный совет император должен вводить чрезвычайное положение, а также «общие и особенные внутренние и внешние меры для безопасности государства и императорского престола». Пятое, Гурьев предлагал передать на обсуждение Тайного совета вопросы объявления войны и заключения мира и «другие важные внешние отношения». Шестое, в новом органе министр финансов предлагал обсуждать годовые сметы расходов и доходов, а также «назначение сумм для каждой части управления потребных». Наконец, седьмое, император мог выносить в совет любые вопросы для обсуждения, которые он считал нужными⁷⁵.

Далее Гурьев дал характеристику Государственному совету, который необходимо было преобразовать в законодательный орган. В Государственный совет, как уже говорилось, должны были войти все члены Тайного совета. Помимо них император мог вводить в него особо доверенных лиц по своему усмотрению. Прежде всего, Государственный совет призван был рассматривать дела, «предметы, требующие нового закона». Правда, Гурьев не указал какова доля Государственного совета в принятии новых законов: его члены должны лишь собрать материалы, или составить еще и проект нового закона, или принять новый закон и подать на утверждение императора? Фактически суть статуса законодательного органа определялась при ответе на эти вопросы. Однако Гурьев об этом умалчивает, вероятно, не желая затрагивать столь щекотливый вопрос. Кроме того, на данный орган следовало возложить «дела, требующие в законах разъяснения их смысла, или дополнения, или отмены закона». Далее, он предлагал поручить совету «рассмотрение ежегодных смет государственных доходов и расходов, выработать способы их уравнивания», а также предусмотреть возможные чрезвычайные экономические меры. Фактически Д.А. Гурьев одним из первых задумался о необходимости четкого планирования государственных доходов и расходов, а также создания относительно прозрачного и контролируемого бюджета. Наконец, в Государственный совет все министры должны были предоставлять отчеты о своей деятельности.

Исполнительной властью, по мнению Гурьева, следовало наделить Правительствующий Сенат, полностью выделив из него судебные функции и сосредоточить их в особом органе. В Правительствующем Сенате председательствовать должен также император. Д.А. Гурьев указывал, что именно исполнительная власть должна быть первой в стране, определять стратегию развития государства. Исполнительная власть состояла (помимо императора, возглавлявшего все государственные структуры) из Правительствующего Сената и министерств. Правительствующий Сенат делился на шесть департаментов: 1. Военных сухопутных дел; 2. Военных морских дел; 3. Внутренних дел и полиции; 4. Финансов и Государственной экономии; 5. Юстиции и Герольдии; 6. Ревизии счетов. Учитывая, что Гурьев предлагал сохранить восемь министерств: Иностранных дел, Военных сухопутных дел, Морских дел, Народного просвещения и иностранных исповеданий, Внутренних дел и полиции, Финансов и государственного хозяйства, Юстиции, Ревизии государственных счетов, то становится очевидно, что Правительствующий Сенат по сути дела представлял Комитет министров. На Правительствующий Сенат и министерства Д.А. Гурьев предлагал возложить следующие полномочия: 1. предоставить им право составлять проекты законов; 2. издавать указы от своего имени в пределах своих полномочий; 3.

исполнение и надзор подведомственных дел. Столь малое количество министерств объяснялось необходимостью экономии ресурсов. Таким образом, касательно организации исполнительной власти Гурьев не предлагал ничего нового. Кроме, пожалуй, заметного повышения роли исполнительной власти по отношению к другим сферам⁷⁶. На структуре судебной власти автор проекта подробно не останавливался.

Как уже указывалось выше, свой проект Гурьев составлял по заданию императора Александра I. Он достаточно точно определил слабые стороны министерской реформы, однако, желая упорядочить верховное управление, он предложил еще более путанную схему. Ценность данного проекта сводится, на наш взгляд, к следующему. Министр финансов Д.А. Гурьев одним из первых государственных деятелей поставил вопрос о необходимости удешевления государственного аппарата. Он был сторонником разделения властей в целях взаимного контроля различных ветвей власти. Правда, реально его проект не предусматривает такого разделения: и в «законодательную», и в исполнительную должны были бы войти те же чиновники. Более того, указание на необходимость разделения властей свидетельствует о том, что такой подход к организации верховной власти стал аксиомой для государственных служащих. Кроме того, Гурьев в своем проекте обрисовал необходимость четкого и реального влияния верховной власти на местах. Он доказывал, что без организации стройной системы взаимодействия между центром и провинцией никакие реформы верховной власти не принесут пользы.

Таким образом, из довольно масштабно планируемых политических преобразований сделано было смехотворно мало. Исследователи предлагали различное объяснение этому: слабохарактерность и двуличие Александра I, разочарование монарха в реформах после Отечественной войны 1812 года, несвоевременность и тому подобное. Нам сложно согласиться с тем, что император Александр был столь безволен – в течение всего своего царствования он не прекращал разработку проектов политических преобразований. Едва ли это делалось «на публику», пусть даже заграничную. Нам представляется, что Александр I и его ближайшее окружение прекрасно понимали, что невнимание к нуждам и потребностям своей страны привели Людовика XVI на плаху. Однако проводить пусть даже нужные стране преобразования, не советуясь с окружением, монарх не мог. Подавляющее же большинство высших государственных постов в России занимали весьма консервативно настроенные государственные служащие, составлявшие сильную оппозицию проводимым преобразованиям, император не мог не учитывать их мнение. Именно это было главной причиной незавершенности и половинчатости фактически всех проводимых преобразований. Планируя и проводя реформы, дабы не допустить революционных потрясений, Александр I также не желал себе и участи своего отца, поэтому и умело лавировал между различными политическими течениями. Однако те, пусть минимальные преобразования государственного аппарата, реально усилившие исполнительную власть, позволили Александру Павловичу провести ряд действительно либеральных преобразований, пользуясь при этом всей силой самодержавной власти. Прежде всего, необходимо отметить ряд подвижек в крестьянском вопросе, в экономической сфере, о чем ниже и пойдет речь. Особенно серьезные либеральные преобразования наблюдались в сфере образования и народного просвещения, но мы считаем, что это отдельная большая проблема, на формирование и развитие которой повлияла не только собственно политика Александра I, поэтому она требует самостоятельного исследования вне рамок данной монографии.

II ПРОБЛЕМА КРЕПОСТНИЧЕСТВА И ПРОЕКТЫ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

1. Формирование подходов к вопросу об отмене крепостного права

Отношение власти к податному сословию в целом и к крестьянству в частности всегда являлось важнейшим элементом внутренней политики правительства страны. Повышение в XVIII веке политической роли и значения дворянства заставило верховную власть более четко определиться со статусом крепостного крестьянства. Так, согласно определению, вошедшему в Свод Законов «к крепостному состоянию принадлежали: 1) крестьяне помещичьи; 2) дворцовые люди»⁷⁷. По законам Российской империи конца XVIII века положение крепостных крестьян было следующее: они во всем, что не противоречило законам, обязаны были повиноваться своему владельцу; они не могли переселяться в другое место, к другому владельцу или записываться в иное состояние без специального разрешения их владельца; не могли также вступать в брак. Крепостные не могли иметь в собственности недвижимое имущество. Помещик же, в свою очередь, мог переселять и продавать своих крестьян, как целыми селениями, так и по одиночке; наказывать провинившихся, но не причиняя им увечья и безопасно для их жизни. Кроме того, помещику предоставлялось право отдавать своих крепостных в рекруты, отправлять в Сибирь и на каторгу, а позднее и в смиренные дома. Единственное, что обязаны были помещики по отношению к крестьянам, так это заботиться об их пропитании в голодные годы⁷⁸. Иными словами, положение крепостных крестьян в конце XVIII века мало чем отличалось от рабства. Долгое время такое положение крестьян считалось нормой. На протяжении двух первых третей XVIII века только в работах И. Посошкова мы встречаем некоторые намеки на недопустимость существующего положения крестьян. Так, он писал, что «крестьянам помещики не вековые владельцы». Также он первый отметил, что от богатства крестьян зависит богатство государства, а, следовательно, необходимо на государственном уровне регламентировать их повинности.

В 60-х годах XVIII века произошли события, поставившие крестьянский вопрос на злобу дня. Во-первых, с этого времени в России появляется, а затем получает достаточно широкое распространение философия Просвещения. Напомним, что это философское направление базировалось на следующих основных принципах: ответственность власти перед обществом после заключения «общественного договора», в котором обозначались неотъемлемые (т.е. определяемые фактом рождения) права человека. Во-вторых, в указанный период повышается уровень образованности среди дворянства, особенно аристократии. После указа 1762 года «О вольности дворянства» многие представители этого сословия предпочитали после нескольких лет службы, получив офицерские звания, выйти в отставку. При этом дворяне не только предавались праздности, но и занимались самообразованием. Поэтому к концу XVIII века общий уровень образованности среди правящего сословия заметно вырос. В-третьих, значительно увеличилось количество издаваемых книг, начали появляться периодические журналы, в которых высмеивалось невежество. Конечно, это были лишь «первые ласточки» просвещения, но здесь важен сам факт. Наконец, значительно расширились отношения с Европой. Представители российской элиты отправляли своих детей учиться в Европейских университетах, в Россию чаще стали приезжать образованные иностранцы.

Все это, конечно, не означает, что проблема крепостничества начала волновать всех повсеместно. Подавляющее большинство российского дворянства было убеждено в неизбежности подобного состояния крестьян. Тем не менее, сама императрица Екатерина II, получившая европейское образование, основанное тогда на философии Просвещения, которое она существенно расширила самообразованием, поклонница Вольтера и Монтескье, поставила вопрос о вреде крепостного права. Однако, будучи обязанной своим престолом российскому дворянству, первоначально Екатерина II не была свободна в реформаторской деятельности, особенно по крестьянскому вопросу. В первые годы ее правления крепостное право только ожесточается. Прав-

да, позднее, «с подачи» императрицы Екатерины II несколько шагов в этом направлении все-таки было предпринято.

Не имея объективной возможности в начале своего царствования даже затрагивать крестьянский вопрос применительно к великорусским землям, императрица Екатерина II обратила свой взор на Остзейский (Прибалтийский) край. Эта территория вошла в состав Российской империи после завоеваний Петра I, поэтому местные феодалы обладали большими, по сравнению с русскими, правами⁷⁹. В свое время шведы принимали энергичные меры для ограничения в этом крае крепостного права, которого не было в самой Швеции. Российские власти, естественно, перестали уделять этому вопросу внимание, и в первой половине XVIII века в Остзейском крае происходит значительное усиление крепостного гнета. Такое положение уже при императрице Елизавете Петровне начало вызывать раздражение русского дворянства, не имевшего всех привилегий остзейского. Поэтому желание Екатерины II несколько ограничить права дворян в Прибалтике встретило одобрение российского правящего сословия.

Во время путешествия Екатерины II по России в 1764 году, она посетила и Остзейский край. После этой поездки императрица направила лифляндскому генерал-губернатору графу Броуну записку, в которой требовала поставить на открывающемся ландтаге вопрос об ограничении помещичьего произвола. Броун составил документ для ландтага, который открылся во второй половине января 1765 года. Третий пункт был посвящен крестьянскому вопросу: «Ея Императорское Величество, – писал Броун, – с неудовольствием узнала, в каком великом угнетении живут лифляндские крестьяне и решила оказать им помощь и особенно положить границы тиранской жестокости и необузданному деспотизму (таковы были собственные выражения нашей великой императрицы), тем более что таким образом наносился ущерб не только общему благу, но и верховному праву короны». Броуном, вероятно, по прямому указанию императрицы были сформулированы предложения для решения этого вопроса, которые затем вошли в постановление ландтага, опубликованное 12 апреля 1765 года. Они заключались в следующем: крестьяне, исправно платящие подати и не должные помещику, вправе самостоятельно распоряжаться своим имуществом (кроме продажи крупнорогатого скота и лошадей); помещики, в свою очередь, однажды назначившие крестьянам норму работы, не должны ее увеличивать. Кроме этого была сделана попытка регламентировать наказания крестьян: за легкие проступки можно было наказывать плетью, за тяжкие – не более 10 пар розог по три раза каждой. Но по сути дела, все эти требования так и остались на бумаге. Единственным достижением было предоставление крестьянам права, хотя и не полного, распоряжаться своим движимым имуществом.

Несмотря на всю незначительность, попытка регламентации отношений помещиков и крестьян вызвала резкий отпор среди остзейского дворянства. Екатерина II столкнулась с довольно жестким, хотя и пассивным сопротивлением и вынуждена была отступить. Реформа крепостного состояния в Прибалтике, пусть и не совсем удачная, не прошла даром. Во-первых, она наглядно показала императрице, насколько сложно поднимать крестьянский вопрос и регламентировать отношения помещиков и крестьян. Стало очевидно, что любую, даже самую незначительную меру в этой области необходимо тщательно готовить и очень осторожно проводить. Во-вторых, попытка ограничить права остзейских дворян нашла полную поддержку и понимание среди дворян великорусских, и увеличила популярность самой Екатерины II. Остзейцев не любили, их даже не считали равными российским дворянам по происхождению.

Впервые самостоятельно аграрный вопрос в России был поставлен в рамках деятельности Вольного Экономического общества. В июне 1765 года ряд известных государственных деятелей гр. Р.И. Воронцов, гр. Г.Г. Орлов и другие организовали «Патриотическое общество для поощрения в России земледельчества и экономии». Т.к. в него вошли первоначально только лица из числа высших сановников, приближенных ко двору, императрица Екатерина сразу же утвердила его устав и взяла под свое покровительство. При этом было решено поменять название на «Вольное экономическое общество для приращения в России земледельчества и домоводства». Вполне вероятно, учитывая, что были членами этого Общества, инициатором его создания была сама императрица, хотя указаний на это и не найдено.

Первоначально Общество поставило себе целью изучить положение крепостного крестьянства в России. Однако Екатерина II направила его деятельность в другое русло. Как известно, она анонимно обратилась к членам Общества с предложением объявить конкурс по написанию работы на тему: «В чем состоит собственность земледельца, в земле ли его, которую он обрабатывает, или в движимости, и какое он право на то или другое для пользы общественной иметь может». Кроме того, для организации конкурса и на призы она прислала 1000 червонцев.

В Вольное экономическое общество поступило 162 сочинения, из которых всего семь было на русском языке. Все представленные проекты были тщательно изучены, и часть из них была опубликована в «Трудах» общества в переводе и в оригинале. Конечно, все публикации осуществлялись только с разрешения императрицы, но все-таки это была попытка публичного обсуждения крестьянского вопроса, что не прошло даром. Большой интерес представляет работа Поленова, одна из семи, написанная на русском языке и занявшая второе место на конкурсе. Правда, она не была тогда опубликована, но в то время зачастую подобные труды ходили в списках. Поэтому вполне можно предположить, что образованное общество знало о ней.

А.Я. Поленов получил хорошее юридическое образование в европейских университетах в Страсбурге и в Геттингене. По возвращению в 1767 году в Россию он направил на конкурс в Вольное экономическое общество свое сочинение «О крепостном состоянии крестьян в России». В небольшом предисловии к своей работе автор разъясняет слово «крестьянин», который «в общем знаменовании означает человека, имеющего постоянное жилище и пребывание в деревне». Главная тема труда Поленова – осуждение крепостного состояния с экономической и морально-этической точек зрения. Аргументируя свой взгляд, автор подробно описывает причины появления «рабов», положение их в современной России и пути к исправлению этой ситуации. Крепостное право сложилось вследствие бедственного положения крестьянства, которое из-за нищеты предпочло «рабское состояние благородной вольности» в поисках покровительства или вследствие обремененности долгами. Такое положение несет мало выгод и правительству, и народу, который протестует против нечеловеческого обращения. Освобождение крестьянства должно провести без насилия, иначе правительство может быть сметено волной возмущения. Чтобы должным образом подготовить перемену, необходимо «просветить народ учением». Начать реформу следует с дворцовых и государственных крестьян, а затем уже обратиться к помещичьим. При этом Поленов полагал, что дворяне, увидев на деле выгоду ограничения «самовольства», поддержат правительство. Освобождать крестьян от «рабства» необходимо поэтапно: вначале самых предприимчивых, трудолюбивых, ленивых же держать за помещиком, пока не исправятся. Поэтому, уже в заключение своего труда, Поленов выдвинул предложение, что считает вполне возможным «даровать богатым [а значит, по его логике, трудолюбивым – Н.К.] крестьянам право под известными условиями записываться в мещанство, заплатив государю или господину, что будет назначено по закону за каждую душу, которую выведет с собой из деревни»⁸⁰.

Взгляды А.Я. Поленова весьма своеобразны – это и попытка опереться на старорусские традиции, и применить, не всегда к месту, европейский опыт, но главная ценность этой работы состоит в том, что фактически впервые столь остро был представлено крепостное право, как неизбежное зло, от которого необходимо искать «лекарство».

Семидесятые годы XVIII века вошли в историю как время расцвета политики «просвещенного абсолютизма» Екатерины II. Считая себя наследницей Вольтера и Монтескье, русская императрица неоднократно планировала и пыталась проводить в жизнь, особенно до пугачевского восстания, преобразования в духе идей своих учителей. Наиболее ярко это проявилось в созыве «Комиссии для сочинения проекта нового Уложения», а также в «Наказе» императрицы к этой комиссии. «Наказ» был отражением взглядов Екатерины II на идеальное устройство общества, в нем она наметила контуры необходимых реформ, а также, хотя и косвенно, поставила вопрос о вреде крепостного состояния крестьян.

Екатерина II с восхищением писала о земледельцах и их труде: «земледелие есть самый большой [то есть важный – Н.К.] труд для человека; чем больше климат приводит человека к избежанию сего труда, тем больше законы к оному побуждать должны». И, конечно, государ-

ству следует заботиться о земледельцах: «не худо было бы дать награждение земледельцам, поля свои в лучшее пред прочими приведшими в состояние». Правителя подталкивать к «улучшению быта» крепостных должно еще и то соображение, что «весьма же нужно, чтобы предупреждены были те причины, кои столь часто приводили в непослушание рабов против господ своих». Однако прежде чем планировать какие-либо преобразования в этой сфере, необходимо узнать причины недовольства крепостных, т.е. «спокойствие одних и других от этого зависит». Поэтому императрица подчеркивала, что какие-либо изменения области сословного строения общества, а тем более касающиеся крепостных крестьян, необходимо проводить очень осторожно, что и советует будущим составителям Уложения в «Наказе»: для «введения лучших законов необходимо умы людские к тому приуготовить». Очень опасно и, следовательно, «не должно вдруг и через узаконение общее делать великого числа освобожденных», считает императрица. Тем не менее эти соображения не должны стать препятствием для каких-либо изменений вообще: «законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества», потому что «не может земледельство процветать тут, где никто не имеет ничего собственного»⁸¹. Подобная мысль зародилась у императрицы, без сомнения, под влиянием широко распространившегося в то время либерального по своей сути мнения, что наличие частной собственности и свобода торговли необходимы для процветания и увеличения доходов личности и государства.

Все эти предложения по крестьянскому вопросу, в общем-то не выходящие за рамки общих рассуждений, вызвали горячие споры, причем в большей степени осуждающие проекты императрицы в рамках ее предложений по крестьянскому вопросу. Тем не менее члены Уложенной комиссии не могли обойти стороной данную проблему. В многоголосице Уложенной комиссии отчетливо прозвучали суждения, близкие к идеалам просветителей и императрицы. Так, депутат от Козловского дворянства Г.С. Коробьин, осудив жестокое обращение с крепостными, предложил ограничить власть помещиков над имуществом крестьян. Несмотря на радикальность проекта (а он был вполне в русле «Наказа» императрицы), он получил несколько голосов в поддержку. Сходная идея была высказана в одном из наказов «от присутственных мест»: предлагалось издать закон об ответственности душевладельцев, забивших крестьян до смерти. В речах депутатов постоянно, пусть нечетко и неосознанно, всплывала проблема царившего в стране беззакония, правовой анархии, требующей немедленного вмешательства⁸². Однако все эти предложения потонули в стремлении основной массы депутатов получить возможность иметь крепостных или расширить над ними свои права.

Вопросам экономических преобразований много внимания уделял князь Дмитрий Алексеевич Голицын, русский посол в Париже, поклонник физиократов. Свои идеи он изложил в письмах кузену вице-канцлеру князю Александру Михайловичу Голицыну. Несмотря на специфичность жанра, в этих посланиях содержалась вполне стройная программа реформ. Достоверно известно, что Екатерина II читала и даже рецензировала письма своего французского посла, поэтому десять ответов вице-канцлера А.М. Голицына можно считать отчасти мнением и самой императрицы. Переписка велась с 1765 по 1771 год – время написания «Наказа» и работы Комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Мнение одного из образованных людей своего времени не могло быть безразлично Екатерине II. К тому же императрица, которая не скрывала своего участия в переписке, стремилась таким путем донести свои идеи до парижских салонов, куда был вхож ее посол.

Основная идея программы Д.А. Голицына – необходимость правового регулирования отношений между помещиками и крестьянами, что можно было достигнуть дарованием крестьянам собственности, под которой он понимал: «1) их освобождение, то есть собственность на их собственную личность, без которой не мыслимы все другие виды собственности; 2) собственность движимую, то есть на их пожитки и пр.; 3) позволение тем, кто в силах, покупать землю на собственное имя и владеть ею подобно нам, господам, что со временем образовало бы их поземельную собственность. Однако при существующих законах и порядках в России невозможно защитить крестьянина от тирании помещика, собственность первого осталась бы призрачной даже в случае ее признания. Потому, размышляя Голицын, за дарованием права собственности должно последовать учреждение контролирующего института «странствующих судей», обязан-

ности которых будут состоять «единственно в том, чтобы защитить крестьян от тирании помещика». Д.А. Голицын задумывался и о практической реализации своих идей. Правда, он считал, что для успеха начинания пример должна подать сама императрица, освободив своих собственных крестьян. Тогда и многие дворяне, по различным причинам, за ней последовали бы⁸³.

Итак, Голицын предлагал безземельное освобождение крестьян с тем, чтобы они, арендуя землю, которую, собственно, и обрабатывали до того, продолжали работать на помещика или платить ему арендную плату, бывший оброк. Екатерина II, устами вице-канцлера, усомнилась в практической осуществимости этой идеи. Она высмеяла своего посла, предложив осуществить подобные преобразования на его собственных землях. Д.А. Голицын отвечал, что в одной частной вотчине невозможно произвести серьезные изменения, а тем более освободить крестьян. Он видел этому три препятствия. Первое – необходимость отменить взыскания беглых у такого помещика. Второе – освобождение от поставки рекрут. И третье – предоставление возможности расширения свободы торговли произведениями такой земли. Он заверил своего кузена, что постарается сделать так, чтобы его крестьяне могли не только обеспечивать себя и исправно платить подати, но и получать с земли прибыль. И он, Голицын, был бы счастлив, если бы разбогатевшие крестьяне выкупились на волю. Конечно, программа преобразований Голицына едва ли была приемлемой для тогдашней России. Скорее, это не более чем размышления образованного русского аристократа, почти всю жизнь прожившего в Париже. Мы столь подробно остановились на идеях Голицына, так как в дальнейшем проекты безземельного освобождения крестьян получили дальнейшее развитие и рассматривались как один из возможных направлений преобразований крепостного состояния.

О вреде крепостничества или же необходимости некоторого «улучшения быта» крепостных говорили не только либерально настроенные государственные и общественные деятели. Огромное влияние на думающих людей того времени оказала книга А. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», в которой были ясно показаны злоупотребления помещиков. Много внимания экономической нецелесообразности, даже абсурдности крепостного права уделил в своих журналах Н.И. Новиков. Так, в статье «Рецепт для г. Безрассуда» Новиков писал: «Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки; а что такое крестьяне, о том знает только по тому, что они крепостные его рабы ... Бедные крестьяне любить его как отца не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут». Чтобы излечить Безрассуда Новиков предлагает следующий рецепт: «Безрассуд должен всякий день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, пока не найдет он отличия между господством и крестьянством»⁸⁴.

Более того, наиболее дальновидные консерваторы также прекрасно понимали, что ничем не ограниченная власть помещиков над крестьянами может иметь негативные последствия для самих же землевладельцев. Так, М.М. Щербатов считал необходимым устранения тех элементов крепостничества, которые делали его похожим на рабство, по его мнению, необходимо было «узаконить запрещение продавать людей по одиночке без земли».

Достаточно противоречивой была крестьянская политика императора Павла I. Им был издан ряд указов, регламентирующих отношения помещиков и крестьян. В манифесте от 5 апреля 1797 года запрещалось отправление барщины по воскресным дням, а также помещикам рекомендовалось ограничиться тремя днями барщины в неделю. Казалось, этот указ должен был хоть немного улучшить положение крестьян, но на деле оказалось все наоборот. Там, где барщина была более трех дней в неделю, помещики проигнорировали указ. На Украине же, где практиковалась двухдневная барщина, помещики повысили повинности. Декларативными остались указы о запрещении продавать дворовых и безземельных крестьян «с молотка или подобного сего продажу торга», а также дробить крестьянские семьи при переходе имения к другому владельцу⁸⁵. Император Павел стремился хотя бы законодательно устранить элементы рабства из крепостнических отношений, но ему не удалось добиться каких-либо позитивных результатов. Более того, хотя в целом курс Павла I был нацелен на усиление крепостного права (он раздал 530 тыс. государственных крестьян в частные руки), тем не менее, именно император Павел поставил крестьянский вопрос в ранг государственной политики. Известно, что при вступлении на престол Павел I потребовал, чтобы крепостные крестьяне присягали ему лично, по суще-

ствующей же традиции за них это делали помещики. Он, конечно, признавал в целом различия и обязанности, права и привилегии сословий, но считал, что монарх в России стоит настолько высоко, что для него это не имеет принципиального значения. Другими словами, перед императором все равны в обязанности подчиняться его безусловной воле, в бесправии перед ним. Тем самым император Павел окончательно отказался от идеи «просвещенного абсолютизма» незыблемости сословных прав (т.е. дворянских прав), что само по себе являлось в глазах российской аристократии примером крайнего деспотизма. Так, в письме, отправленном в начале 1801 года, С.Р. Воронцов писал Н.Н. Новосильцову: «Дворянство является ближайшим посредником между государем и народом. Оно помогает обуздать народ и является естественной поддержкой трона. Нужно вернуть народу самое глубокое уважение к дворянству ... Только унижением и уничтожением дворянства жирондисты и якобинцы сумели ниспровергнуть монархию во Франции ... оскорблять дворянство, значит подкапывать под основание трона»⁸⁶. Аналогичную мысль высказал Я.И. де Санглен в своих записках, анализируя царствование Павла I: император «хотел сильнее укрепить самодержавие, но поступками своими подкапывался под оное. Отправляя в первом гневе в одной и той же кибитке генерала, купца, унтер-офицера и фельдъегеря, научил нас и народ слишком рано, что различие сословий ничтожно»⁸⁷. Все это стало одной из причин организации заговора против императора Павла I и цареубийства. В целом же вмешательство верховной власти в вопросы взаимоотношений крестьян и помещиков вызвали глухое недовольство всего дворянства.

Таким образом, в конце XVIII века при Екатерине II и даже при Павле I в правительственных сферах был, хотя и неоднозначно, поставлен вопрос о вреде крепостного права. До «Наказа» Екатерины и дискуссий на заседаниях Уложенной комиссии не подвергалось сомнению повсеместно принятое тогда убеждение, что крестьяне всегда были за помещиками и иного сами не мыслят. Императрица очень осторожно попыталась провести в общественное сознание мысль о ненормальности такого положения. «Помог» ей в этом Е. Пугачев. Крестьянская война под его предводительством очень напугала и власть, и дворянство, но в то же время наглядно показала, что крепостничество – это «пороховая бочка» под государственным строем Империи, хотя подавляющее большинство дворян далеко не сразу осознали это.

2. Проекты реформ крепостного положения в первое десятилетие правления Александра I. Указ «О вольных хлебопашцах»

Сын Павла I, великий князь Александр Павлович, совершенно иначе, нежели его отец, смотрел на крестьянский вопрос. Еще в конце царствования Екатерины II вокруг великого князя сложился кружок «молодых друзей», в который входили великий князь Константин, князь А. Чарторижский, Н.Н. Новосильцов, П.А. Кочубей и П.А. Строганов. Они обсуждали наиболее животрепещущие государственные проблемы и пытались выработать план будущих реформ. Естественно, они не могли проигнорировать крестьянский вопрос, хотя и не ставили его в качестве самостоятельного.

Вероятнее всего, достаточно серьезно проблема крепостничества обсуждалась только один раз. В конце 1796 года цесаревич Александр Павлович попросил кн. А. Чарторижского составить проект манифеста, «которым он желал бы объявить свою волю, когда верховная власть перешла бы к нему»⁸⁸. К сожалению, документ не сохранился, и мы вынуждены судить об этом уникальном проекте манифеста о восшествии на престол по скудным описаниям его в мемуарах Чарторижского. «Я излагал, – писал князь Адам, – неудобства государственного порядка, существующего до сих пор в России, и все преимущества того устройства, которое хотел ей дать Александр. Я разъяснял блага свободы и справедливости, которыми он будет наслаждаться, после того, как будут удалены все преграды, мешавшие ее благополучию»⁸⁹. В документе речь шла о необходимых политических преобразованиях в России, ограничивающих всевластие монарха. При этом, чтобы воплотить все это на практике, А. Чарторижский считал необходимым «удалить препятствие». По всей вероятности, здесь речь идет именно об отмене крепостного права. Он, как впрочем и Александр Павлович, обосновывал ту мысль, что говорить, а тем более пла-

низовать провозглашение политических свобод в стране, где подавляющее большинство населения фактически является рабами, невозможно.

Как сказано выше, проблема крепостного права начала волновать образованное общество уже в 70-х годах XVIII века, причем представителей всех общественно-политических направлений. При этом консерваторы утверждали, что государственная, императорская власть не должна касаться такого вопроса, как взаимоотношения помещиков и крестьян. С их точки зрения регламентация этих отношений есть проявление тирании, с которой необходимо бороться. На помещиков, которые не исполняют свои обязанности по отношению к крестьянам необходимо воздействовать исключительно моральными методами.

Став императором, Александр I не отказался от своих планов по крестьянскому вопросу, хотя затрагивать его было куда опаснее, чем даже говорить о конституции. Буквально сразу по восшествию Александра на престол, 6 мая 1801 года, генерал-прокурор по повелению государя внес на рассмотрение только что созданного Непременного (Государственного) Совета записку царя, в которой прилагалось рассмотреть четыре варианта проекта указа о запрещении продавать крестьян без земли. Причем не вызывает сомнений, что инициатива обращений в Совет исходила от самого монарха – в то время у него фактически не было рядом советников, лиц, которым он мог бы доверять. В самой записке говорилось, что в задачу верховной власти должна входить охрана «помещичьих крепостных людей [...] от злоупотребления над ними власти господской, не только противного человечеству, но и общей пользе». Другими словами, Александр I мотивировал необходимость проведения реформ не стремлением правительственными мерами ограничить власть помещика, а, прежде всего, экономической целесообразностью, так как в результате розничной продажи «земледельцы от семьи и домов их отлучаются и обращаются со всем последующим родом их, в состояние людей, большею частью бесполезных, а праздных и развратных». Необходимость этой реформы Александр I подкрепил выдержками из Соборного Уложения 1649 года, формально следуя декларированным принципам строгого соблюдения законности.

Члены Непременного Совета, благосклонно выслушав записку и приложенные к ней проекты указа, сочли принятие их несвоевременным. Они не выступали против самой идеи подобного закона, однако напомнили императору, что в начале всех царствований, например, при вступлении на престол Екатерины II и Павла I резко увеличивалось число крестьянских волнений в связи с надеждами на скорое освобождение от крепостной зависимости, хотя правительство и не давало поводов к таковой. Поэтому, утверждали члены Совета, существует реальная опасность, что «толпы праздных и по большей части буйных и развратных дворовых людей, приняв установление сие за уменьшение или совершенное уничтожение прав помещичьих, не возмечтали, что сим сделались они вольными». Был приведен и еще один аргумент против принятия подобного указа: запрещение продавать крестьян без земли может сильно затормозить процесс колонизации и переселения на окраины, что уменьшало земельный голод в центре страны. Поэтому императору было высказано предложение, если он все-таки решит принять подобный указ, то необходимо исключить из общего правила покупку крестьян по одному для переселения на окраины. Кстати сказать, генерал-прокурор остался при своем, «особом мнении», полностью поддерживая Александра I.

Конечно, после такой реакции Александр Павлович не мог своим волевым решением принять этот закон, однако от намеченной реформы он не отказался. Александр I посетил следующее заседание Совета (что он делал крайне редко), для которого подготовил новый вариант указа по данному вопросу. В нем, как вероятно казалось монарху, были учтены все пожелания членов Непременного совета. Император Александр I предлагал издать указ о запрещении продавать людей без земли за исключением тех случаев, когда это требовалось для переселения крестьян на окраины. Причем для этого необходимо было требовать специальное разрешение губернской администрации. По проекту предлагаемого императором указа вновь разгорелись жаркие споры. Как указал А.Р. Воронцов в письме к своему брату, «дебаты носили бурный характер и можно с уверенностью утверждать, что ничего подобного не было в России со времен Петра I»⁹⁰. От членов Совета к заседанию тоже была подготовлена записка, в которой доказыва-

лась преждевременность и не разумность принятия подобного указа. Вероятно, ее обсуждали на заседании Совета, хотя протокол об этом и молчит⁹¹. Автор записки утверждал, что введение в действие обсуждаемого указа не только будет сопровождаться «некоторым неудобством для дворян», но и может принести вред самим крестьянам. Во-первых, зажиточные крестьяне (основные налогоплательщики) не смогут вместо своих детей покупать рекрутов. Во-вторых, крестьяне не способны понять истинную цель этой реформы и вообще перестанут повиноваться помещикам. Настоящим бедствием этот указ, по мнению автора записки, обернется для тех дворян, которые владеют очень малым количеством земли или не имеют ее вовсе, ибо, продавая «неудобного слугу», они вынуждены будут продать и свой дом⁹².

В свою очередь главным аргументом Александра I за принятие названного указа было возвращение к историческим традициям, восстановление справедливости, но российские аристократы остались глухи к этим призывам монарха. Таким образом, несмотря на эти аргументы, члены Непременного совета остались непреклонны, а Александр I вынужден был отступить, на что сухо указано в протоколе того заседания: «вновь рассуждаемо было по сему предмету с подтверждением прежнего о нем положения»⁹³. Правда, через 12 дней после него император дал именное указание президенту Академии наук барону Николаи о запрещении печатать в газетах объявления о продаже людей. Эта мера, которая больше походит на жест отчаяния монарха, к сожалению, своей цели не достигла. Предложения продажи были заменены объявлениями об «отдаче в услужение». В дальнейшем, правда, Александр I издал указ от 1808 года о запрещении продавать крестьян на ярмарках и с публичного торга.

Итак, обсуждение и подготовка указа о запрещении продавать крестьян без земли наглядно показали, что реформирование крепостного состояния в России было делом очень сложным и даже опасным: ни генерал-прокурор, ни император не смогли поколебать мнение по этому вопросу дворянской аристократии.

Большинство исследователей в предложении императора Александра I принять такой, как они считали, малозначительный проект, а также после казалась бы легкого сопротивления отказаться от начала реформирования крепостного состояния, усматривали двуличие Александра Павловича и слабость его характера. Однако мы не можем с этим согласиться. Во-первых, император не отступил от своих планов и работа по этому вопросу продолжалась. Во-вторых, перед ним был пример кончины императора Павла I, который как раз проводил преобразования, не считаясь с чьим бы то ни было мнением, в том числе и по крестьянскому вопросу.

Неудача с принятием указа о запрещении продавать крестьян по одиночке показала императору, что любое, даже самое незначительное преобразование в рамках данной проблемы необходимо тщательно готовить, планировать и только тогда выносить на обсуждение Непременного совета или Сената. Причем к подготовке проекта реформы по крестьянскому вопросу император вынужден был подключить верховных сановников империи. После образования «Негласного комитета», личного, доверенного «правительства» Александра, рассмотрение крестьянского вопроса и обсуждение проектов его реформирования было перенесено на его заседания. После 16 мая в «Негласном комитете» постоянно обсуждались проекты по крестьянскому вопросу, причем первоначально – проекты представителей российской аристократии, а уже затем «молодых друзей» императора.

Одним из первых был зачитан и обсужден проект князя П.А. Зубова, названный им «Манифест по крестьянскому вопросу». К сожалению, источники не дают ответа на вопрос, что побудило Платона Зубова составить этот документ, действительно ли он был его единственным автором. Тем более что уже говорилось, что последний фаворит Екатерины II не был реформатором и крупным государственным деятелем, а на заседании Непременного совета выступил против предложенных Александром I вариантов решения крестьянского вопроса.

«Крестьянский проект» князя Зубова был подан на Высочайшее рассмотрение не позднее 23 июля 1801 года⁹⁴. Его трудно назвать цельным, логически стройным документом, скорее это перечень мер по облегчению положения крестьян. В небольшой преамбуле Зубов разъясняет, что он в своем проекте ни в коей мере не собирается затрагивать «священное право собственности владетелей», но с другой стороны, защита законов ограждать должна каждого. Исходя из

этого, он предлагает следующие меры на рассмотрение Александра I. Статья 1 давала право помещикам, живущим в городах, продавать [видимо, государству – Н.К.] имеющихся у них дворовых, которые должны быть причислены к сословию мещан и расписаны по цехам. Подати за них следовало взимать как с мещан цеховых по городскому положению. Данная статья, конечно, не проект указа, а предложение законодательно закрепить уже имеющуюся практику. К тому же она носила рекомендательный характер. Статья 2 запрещала помещикам под любым видом переводить крестьян в дворовые. Этот пункт серьезно затрагивал интересы помещиков, но был вполне оправдан с экономической точки зрения, кроме того, наиболее просвещенные помещики, особенно аристократы, понимали необходимость подобной меры. Статья 3 устанавливала порядок распределения крестьян при разделах и продажах имущества: «не токмо дворы и семьи при наследственных разделах не делить и не дробить меж собой, но и при продажах делить строжайше запрещается. Если двор или семья достаются двум или более наследникам, то старший обязывается удовлетворить прочих из своих доходов, полагая по 5 рублей с каждой наличной мужской души. Но, тем не менее, без прочих старшему запрещается продавать или закладывать крестьян». В случае достижения соглашения о продаже выручка делится между всеми наследниками. На вид эта гуманная идея совершенно утопична для российской действительности. Во-первых, Зубов ни слова не пишет, как проверить исполнение этого указа; а во-вторых, он не мог не понимать, что дворяне - помещики будут оказывать всяческое сопротивление такому правилу. Следующий, 5 пункт, запрещал покупать и продавать дворовых, «расписанных по цехам». Когда же помещик продавал имение и крепостных, то их должно покупать государство. Н. Новосильцов, которому Александр I поручил охарактеризовать этот проект, верно отмечал, что исполнение одного этого пункта потребует от государства огромных затрат. В статье 6 предлагалось разрешить крестьянам приобретать личную свободу за выкуп, но без земли. Это имело место в России и без указов и постановлений. 7 статья характеризовала порядок выкупа. Согласие помещика в данном случае было не обязательно, что принципиально. Сама сделка совершалась через губернское правление. Действительно, так могла бы выкупиться та незначительная часть разбогатевших крестьян? Но встает вопрос: кто заседал в губернском правлении? Какого-либо общего вывода, заключения документ не содержал.

Проект Зубова любопытен как одна из первых попыток урегулировать отношения между помещиками и крестьянами. Он, на первый взгляд, не затрагивает основ крепостного права, а пытается исключить из этих взаимоотношений те элементы (причем, далеко не все; например, в проекте ничего не сказано о запрещении ссылать крестьян или посылать их на каторжные работы), которые делали положение крестьян фактически рабским. В целом, в этом проекте «манифеста» нет ничего, что бы противоречило законодательной деятельности Александра I в это время. Умелый царедворец тонко уловил настроение императора и старался следовать в русле его политики, чтобы удержаться у власти. При этом по ряду вопросов в нем предлагались гораздо более радикальные меры, чем предложения самого Александра I. Император благосклонно отнесся к инициативе князя Зубова, но это не спасло последнего от отставки. На заседаниях «Негласного комитета» были высказаны замечания к этому проекту, дальнейшая его судьба неизвестна.

Тогда же, 23 июля 1801 года, а также периодически в течение всего 1801 года в «Негласном комитете» обсуждались проекты по крестьянскому вопросу, автором которых был Н.С. Мордвинов. Это был весьма незаурядный человек. Морской офицер, дослужившийся до адмирала; российский аристократ, почитавший И. Бенгтама и А. Смита; видный экономист. В своих экономических трудах он выступал за ускоренное развитие крупной промышленности в России, государственное регулирование экономики, протекционистский таможенный тариф, развитие инфраструктуры, введение подоходного и поземельного налогов, упорядочение бюджета.

Н.С. Мордвинов осуждал крепостное право и с морально-этических, и с экономических позиций. Он считал, что крестьяне доведены до самого «ничтожного состояния» и не имеют никакого гражданского существования. Однако любые преобразования, по его мнению, необходимо проводить постепенно. Появление и развитие крепостного права шло постепенно и во многом следуя объективному ходу исторического процесса. Поэтому и отмирать оно должно таким

же способом – медленно и постепенно. Тем не менее, ряд мер, считал Н.С. Мордвинов, необходимо принять немедленно. По его мнению, первым шагом к освобождению крестьян должно было стать позволение недворянам покупать ненаселенные земли. Монополия дворянства на земли государству экономически не выгодна, так как, владея плодородными землями, которые к тому же им обрабатывают крестьяне, они совершенно не заинтересованы в усовершенствовании земледелия и, тем более, в обработке пустынных земель. В то время как даже в центральных губерниях скопилось немало земель, «требующих несколько лет приуготовления к употреблению для хлебопашества, скотоводства и прочего». По сути, эти земли не нужны дворянам, поэтому, разрешив их покупать купечеству, мещанам и черносошным крестьянам, правительство ни в коей мере не ущемит права правящего сословия. Более того, и им, и государству это должно быть выгодно, так как «когда право покупать земли распространено будет и на другие состояния податные, цена оных в пользу казны и дворянства вознесется много». Иными словами, разрешение покупать земли недворянам – это первый шаг к естественному освобождению крепостных крестьян⁹⁵.

В рамках аграрного вопроса Н.С. Мордвинов предлагал постепенное безземельное освобождение помещичьих крестьян за выкуп и немедленное освобождение казенных крестьян. Он считал, что крепостное право отомрет естественным путем с развитием «буржуазных» отношений в деревне. Однако идеалистом он не был и прекрасно понимал, что покупательная способность этой категории населения достаточно низка. Для поддержки при покупке земли необходимо создать специальный банк, названный в проекте Н.С. Мордвинова трудопоощрительным. Конечно, его задачи задумывались шире, но цель создания была именно эта. Как указал Мордвинов в проекте устава банка: «намерение учреждения сего есть всеми образами вспомоществовать, поощрять и возбуждать охоту к трудолюбию, яко источнику, из которого проистекает богатство, изобилие, сила и благосостояние народов; а потому всякий искусный в хозяйственных заведениях, но не имеющий довольного достатка к производству умозаключений своих в действо, прибегнет с просьбой к главному оному правлению и получит от него руку помощи». Несмотря на некоторую цветастость языка, свойственную тому времени, Мордвинов достаточно четко выделил главное – необходимо максимально поощрять деловых и предприимчивых людей не из дворян. Во многом необходимость этого автор проекта видел несколько идеалистически. Он считал, что помещики, когда увидят процветающие хозяйства, основанные на наемном труде, отпустят своих крепостных. Несмотря на всю наивность этой идеи, в ней было рациональное зерно: дворянство беднело и для нормального развития экономики его монополию на землю необходимо было ликвидировать. Поэтому предложение Мордвинова было одобрено императором и его «молодыми друзьями»: 12 декабря 1801 года Александр I издал указ Сенату «о предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам права приобретать покупкою земли»⁹⁶.

Довольно интересный проект освобождения крестьян представил В. Малиновский, генеральный консул России в Яссах. В конце 1802 года он направил В.П. Кочубею «Записку об освобождении рабов» в качестве приложения к своему письму. Среди прочего Малиновский писал, что «во время службы в Яссах, препроводив в отечество более трех тысяч человек беглых, большею частью помещичьих крестьян, я испытывал каждого о причинах бегства и нашел оные общими и с состоянием рабства в России неразлучными, как-то: тягостные работы сверх определенного числа дней, большие оброки, недостатки угодий, побои и другие самовольные поступки помещиков и приказчиков». Постоянное общение с беглыми крестьянами и заставило Малиновского задуматься о положении крепостных и составить вышеназванную записку. Главная причина, по которой правительство должно непременно провести крестьянскую реформу – это наличие реальной опасности повторения Пугачевского бунта. Он предложил монарху довольно замысловатый план: пожаловать казенные земли в собственность помещиков с тем, чтобы они, отказавшись от прежних методов управления (то есть, вмешательства в личную жизнь крестьян и снятия всех повинностей) заключили с ними договор аренды земли, переселив частично на бывшие казенные земли. Такое освобождение, по его мнению, решило бы и проблему малоземелья, периодически всплывающую в центральной России. При этом «для сего великого предприятия» должна быть учреждена специальная комиссия, которая будет призвана наблю-

дать за соблюдением установленного порядка заключения договоров и не допускать злоупотреблений⁹⁷. Таким образом, В. Малиновский фактически предлагал проект безземельного освобождения крестьян, да еще и через «передачу» крестьян помещикам. Проект был отвергнут правительством Александра I, хотя заставил задуматься о необходимости предоставления крестьянам достаточного для пропитания количества земли и вопрос о массовом переселении периодически поднимался реформаторами.

В рамках «Негласного комитета» среди «молодых друзей» Александра было решено, что каждый из них, а также бывший наставник Александра Павловича Ф.Ц. Лагарп, высказали свое мнение по крестьянскому вопросу.

Развернутая программа действий по вопросам реформирования крепостного состояния была предложена П.А. Строгановым. Свое мнение он высказал на заседании «Негласного комитета» 18 ноября 1801 года. Павел Александрович начал с утверждения, что нынешнее дворянство не представляет той политической силы, с которой монарху стоило бы считаться: «оно составилось из множества людей, приобретших дворянство только службою и не получивших никакого воспитания, которых все мысли направлены к тому, чтобы не постигнуть ничего выше власти императора; ни право, ни закон, ничего не может породить в них идеи о самом малейшем сопротивлении. [...] Чего не было сделано в прошедшее царствование [при императоре Павле I – Н.К.] против этих людей, против их личной безопасности? Если когда-нибудь представлялся повод бояться чего-либо, то именно в эту эпоху. Пришло ли им это на мысль? Напротив, всякая мера, клонившаяся к нарушению прав дворянства, выполнялась с изумительной точностью, и именно дворянин приводил в исполнение меры, направленные против его собрата, противные выгоде и чести сословия». Такое достаточно пренебрежительное отношение аристократа к среднему и мелкому дворянству в целом было характерно для России того времени. Точно также к этому сословию относился Александр I, да и возможно некоторые члены Непременного Совета и Сената. Правда, Строганов как будто забыл о судьбе императора Павла I, чего не мог себе позволить Александр Павлович, особенно, если учесть, что в Непременный (Государственный) совет тогда входили П.А. Пален, П.А. Зубов и другие участники заговора против императора Павла. Гораздо более разумен другой аргумент Павла Александровича о необходимости немедленно приступить к крестьянской реформе. Он утверждал, что если государю и нужно чего-либо опасаться, так это крестьянского бунта. Крестьяне «с самого детства преисполняются ненавистью к помещикам, своим притеснителям». Вместе с тем русские крестьяне, по мысли Строганова, наделены достаточно предприимчивым умом. Однако они не могут его реализовать во благо увеличения своих доходов, поэтому «они везде одинаково чувствуют тяжесть своего рабства; везде мысли о неимении собственности подавляют их способности». Другими словами, Строганов, прежде всего предлагал наделить крестьян собственностью, владение которой не зависело бы от помещиков, а затем уже заняться постепенной разработкой реформы об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Эта мысль была не нова, она достаточно детально разрабатывалась еще при Екатерине II, о чем говорилось выше. Новизна идей Строганова заключалась, пожалуй, в самом подходе к проблеме крепостничества. В отличие от большинства своих предшественников Павел Александрович мотивировал необходимость проведения реформ экономической целесообразностью и опасностью крестьянских выступлений: «их [т.е. крестьянская – Н.К.] промышленная деятельность для народного благосостояния ничтожна, [поэтому] их способность не получает должного развития, но дает им чувствовать вполне тягость бремени, их гнетущего». То есть для дальнейшего спешного развития страны, по мысли Строганова, необходимо дать крестьянам возможность богатеть, умножая свою собственность. От этого большая польза будет и владельцам крестьян, помещикам, так как состоятельные крестьяне смогут платить больше. Причем данная мера должна была стать лишь первым шагом к дальнейшим преобразованиям в этой сфере. Напомним, в екатерининское время главным аргументом в пользу необходимости реформирования крепостного состояния крестьян были соображения морали.

К сожалению, кроме программы Строганова, в целом довольно схематичной, мнения других членов «Негласного комитета» не были отражены в протоколах. По имеющимся данным можно сказать, что все члены этого комитета достаточно негативно относились к существую-

щему положению крестьян. Однако, Н.Н. Новосильцов указывал, что регламентировать отношения помещиков и крестьян едва ли своевременно. Он был против даже такой меры, предлагаемой другими членами «Негласного комитета», как планомерный выкуп дворовых в казну. Он считал, что это может породить необоснованные надежды всех крепостных на скорое освобождение. Поэтому он предлагал пока ограничиться мерами морального характера, а именно: запретить присутствовать на дворянских собраниях помещикам, которые жестоко обращаются со своими крепостными. Правда, он не уточнил, кто будет это определять.

Князь Адам Чарторижский никогда не составлял собственной программы по крестьянскому вопросу. Однако он всегда был противником крепостного права, считая, что «право помещиков на крестьян столь ужасно», поэтому не следует «ничем удерживаться при нарушении его, да и все опасения по этому предмету неосновательны»⁹⁸.

В.П. Кочубей по крестьянскому вопросу сходил в мнениях с императором. Свою позицию он изложил в письме С.Р. Воронцову (ноябрь 1801 года). Он писал, что по проблемам государственного реформирования и в том числе по вопросам крепостничества он во многом согласен со своим дядей А.А. Безбородко. Поэтому он считал необходимым повсеместно «запретить продажу крестьян без земли, запретить обращение крестьян в дворовые; дозволить купцам, мещанам и казенным крестьянам приобретение ненаселенных земель, а помещикам – дозволить покупать земли целыми обществами с тем, чтобы помещик не мог эти земли отчуждать; дворовых оставить пока в прежнем положении, чтобы не вызывать жалоб со стороны дворян»⁹⁹. Кочубей понимал, что все преобразования необходимо проводить «с надлежащей осторожностью», но в то же время не откладывая надолго.

Кроме «молодых друзей», свое мнение по крестьянскому вопросу высказал бывший учитель Александра Павловича Ф.Ц. Лагарп, который прибыл в Россию по приглашению своего бывшего ученика и пробыл здесь с августа 1801 по май 1802 года. Прекрасно понимая разницу между обучением великого князя и консультированием императора, Лагарп советовал Александру I не торопиться с проведением каких-либо реформ, особенно в отношении крепостных крестьян. Лагарп считал необходимым, чтобы любые преобразования в этой сфере не затрагивали право собственности дворян на землю. В то же время очень опасно и едва ли целесообразно готовить безземельное освобождение крестьян. Поэтому на сегодняшний день проведение масштабной крестьянской реформы ему не представлялось возможным. Тем не менее, начинать реформировать эту сферу необходимо. Как считал Лагарп, прежде всего, нужно ввести в ранг закона существующее на практике право крестьян самостоятельно выкупаться из крепостной зависимости. Кроме того, вполне допустимо, по мнению Лагарпа, разрешить недворянам, не включая крепостных крестьян, покупать ненаселенные земли.

Итак, Лагарп и «молодые друзья» с теми или иными оговорками поддержали императора Александра I в его начинаниях по крестьянскому вопросу. Были определены основные стратегические направления реформирования этой сферы. Во-первых, было решено, что нельзя предпринимать каких-либо кардинальных мер, к которым тогда относились любые, даже самые незначительные, ограничения власти помещиков над крестьянами. Во-вторых, несмотря на достаточно негативное и пренебрежительное отношение к дворянскому сословию императора Александра и его «молодых друзей» (по крайней мере, П. Строганова и А. Чарторижского), они считали, что все мероприятия по крестьянскому вопросу должны проводиться с согласия помещиков. То есть, вводимые меры не должны жестко требовать от землевладельцев облегчения положения крепостных, а лишь побуждать их к этому. Тем не менее, Александр I был убежден, что все эти весьма разумные соображения не должны стать препятствием для реформирования этой сферы вообще. Однако для проведения более-менее серьезной реформы нужен был толчок, и он не заставил себя ждать.

В ноябре 1802 года С.П. Румянцев, сын известного фельдмаршала, подал императору записку с предложением мер, которые могли бы привести «к постепенному уничтожению рабства». Сергей Петрович Румянцев был весьма образованным для своего времени человеком. Он получил образование в Германии, в Лейденском университете, по направлению «история и право». Был знаком с бароном Гриммом, одним из корреспондентов Екатерины II. Румянцев указал

Александр I, что «многие помещики находят выгодным для себя давать свободу некоторым крестьянам за известную плату; они охотно уволили бы целое селение, если бы это оказалось выгоднее продажи крепостных. Поэтому можно было бы позволить помещикам освобождать целые селения, утверждая крепостным порядком участки или угодья за каждым крестьянином особливо, или же всю дачу за обществом на условиях, согласных с государственными законами и обоюдною пользою».

Нельзя сказать, что до обращения Румянцева не было практики освобождения помещиками крестьян от крепостной зависимости по ряду условий, так и без них. Однако, как правило, это касалось выслужившихся дворовых, которых, естественно, освобождали без земли. Были случаи, крайне редкие, если не сказать единичные, самовыкупа крестьян. Причем выкупали себя разбогатевшие или так называемые капиталистские крестьяне, которые либо отходили к моменту выкупа от сельского хозяйства и занимались промышленным, мануфактурным производством, либо через помещика уже прикупили себе землю. То есть их освобождение не ставило вопроса: выделять ли им землю и если это делать, то каким образом. Среди помещиков практиковался также отпуск крепостных на волю по завещанию, то есть объявление, что после смерти крепостные получают свободу и перейдут в разряд черносошных крестьян. Однако на законодательном уровне данная проблема не была решена и судебные учреждения, а также Сенат были завалены просьбами об отмене завещаний. Кроме того, при отсутствии общего правила освобождения крестьян ничего не мешало им снова попасть в крепостную зависимость при очередной раздаче земли. С.П. Румянцев же предложил издать указ, в котором предлагал узаконить и упорядочить отпуск и самовыкуп крепостных на волю. В проекте указа, представленном С.П. Румянцевым императору, предлагалось ввести следующие меры. Во-первых, Румянцев считал необходимым подчеркнуть, что только благородному дворянству принадлежит исключительное право владения крепостными крестьянами. Во-вторых, он указал, что «людям благородным [следует] отпускать крестьян на волю целыми селениями, заключая с ними крепостные условия». В-третьих, напоминая, что указом от 12 декабря 1801 года землей владеть было дозволено не только дворянам, то Румянцев предлагал утвердить «за каждым уволенным» участок земли по выбору помещика. Благодаря выполнению всех этих условий, «селения могут выкупаться на свободу, внося требуемую господином сумму». Далее автор записки приводит некоторые меры, которые можно было бы применить к той или иной стороне в случае неисполнения обязательств.

Император Александр отнесся к записке С.П. Румянцева весьма внимательно. Уже 12 января 1803 года проект указа по записке Румянцева рассматривался на заседании Государственного совета. Несмотря на то, что законопроект был предложен человеком, не входящим в близкий круг Александра I, он во многом перекликался с предложениями членов «Негласного комитета». Вероятно, этот документ не обсуждался в комитете, который к этому времени собирался редко, а почти все его члены занимали государственные посты.

Члены Государственного совета настороженно встретили проект, однако не отвергли его с порога, а решили детально разобраться и утвердить предложенные меры в наиболее выгодном для всех варианте, т.к. «издание общего закона об освобождении крестьян по условиям может произвести превратные толки и многие помещики усмотрят в нем первое потрясение их собственности, а крестьяне возмечтают о неограниченной свободе». Другими словами, члены Государственного совета поддержали императора и занялись разработкою предложенного законопроекта.

Согласно разработанному и принятому 20 февраля 1803 года указу помещикам разрешалось освобождать своих родовых и благоприобретенных крестьян по одному или целыми селениями с обязательным закреплением за ними земельного участка или «целой дачи». Помещик, желавший освободить своих крестьян, заключал с ними договор о механизме освобождения и сумме, которую крестьяне должны были ему заплатить. Договор с этими условиями через губернского предводителя дворянства и министра внутренних дел предоставлялся государю на утверждение. После чего договор вступал в законную силу. В указе было также указано, как поступать в том случае, если одна из сторон нарушит взятые на себя обязательства. Так, «крестья-

нин или целое селение» не выполнившие своих обязательств, например, не выплатившие к установленному сроку сумму выкупа, возвращались обратно помещику. Что же касается ответственности помещика, то она четко прописана не была. Однако предполагалось, так как каждый случай отпуска крестьян должен быть доложен императору, то он лично, а также министр внутренних дел, будут контролировать подобные сделки и наказывать провинившихся помещиков.

После освобождения бывшие крепостные крестьяне могли записаться в другие сословия (мещанство, купечество) или остаться земледельцами, составив «особое состояние свободных хлебопашцев». Если же волю в рамках данного указа получал дворовой крестьянин, не имевший ранее земли, то после приобретения земельного надела он также становился «вольным хлебопашцем». Главное отличие освободившихся по указу крестьян было в том, что они никогда не могли быть переданы в частные руки. «Вольные хлебопашцы» должны были платить подушную подать наравне с помещичьими крестьянами (естественно, исключая оброк помещику). Продолжали они нести и рекрутскую повинность как казенные крестьяне. Земля, которая выделялась «вольным хлебопашцам», переходила в их полную собственность. Они могли использовать ее и распоряжаться ей по своему усмотрению. Было лишь одно ограничение: запрещалось дробить участок менее восьми десятин земли. «Вольные хлебопашцы» получали также право переселяться из одной губернии в другую, продавая и покупая земли, уведомив при этом губернское начальство¹⁰⁰.

Кроме непосредственно самого указа 20 февраля 1803 года «О вольных хлебопашцах» императором были утверждены правила, регламентирующие порядок действия этого указа. Они предназначались, прежде всего, для министра внутренних дел, который непосредственно рассматривал все подобные сделки, после чего они для окончательного утверждения попадали на стол к императору. Согласно этим правилам, законными признавались три условия договора. Согласно первому, помещик за определенную сумму денег, которую крестьянин выплачивал сразу же, предоставлял ему личную свободу, с закреплением в собственность земли. Второй вариант условий предусматривал заключение договора между помещиком и крестьянином о выплате определенной суммы в течение длительного срока, то есть на нескольких лет. В течение этого периода крестьяне, согласно правилам, должны были выполнять прежние повинности. Наконец, третий вариант правил возможного освобождения крестьян предусматривал, что при любом механизме выплаты отпускной суммы, крестьяне получали свободу только после смерти их помещика, а при его жизни продолжали нести прежние повинности. Эти правила снимали главный вопрос, который встал после издания указа: с какого момента считать крестьян свободными, когда они только начнут выплачивать деньги для освобождения или с момента окончания выплат. Если крепостные оказывались неплатежеспособными, они теряли право на освобождение.

Названные правила возлагали на министра внутренних дел контроль за ходом подобных сделок. Он должен был следить за тем, чтобы помещики не отрезали землю крепостных в пользу выкупающихся на волю, что легко было сделать, так как в то время господствовало общинное землевладение. Были и другие требования, которые сводились к контролю за тем, чтобы не происходило обезземеливание крестьян при выкупе. В период царствования Александра I была совершена 161 сделка по освобождению крестьян, при этом 17 помещиков отпустили своих крепостных без всякой платы. Всего было освобождено около 47 тыс. душ мужского пола¹⁰¹.

Серия реформ, проведенная правительством Александра I, не могла не вызвать негативной реакции консерваторов. Сразу после издания указа консерваторы, такие как Г.Р. Державин, Ф.В. Ростопчин и другие выступили категорически против него. Причем они считали, что издание данного указа абсолютно недальновидно: он не принесет никакой пользы крестьянам и без толку разозлит помещиков. Да и Румянцев, по их мнению, подготовил проект, руководствуясь не желанием облегчить жизнь крестьянам, а единственно для того, чтобы выслужиться при дворе: «ему, верно, захотелось или четвертый раз в службу, или двух аршин голубой ленты. Но, увы, отправлен табакеркою!»¹⁰², зло заметил Ф.В. Ростопчин. Кроме того, указывали консерваторы, указ «О вольных хлебопашцах» мог вызвать толки среди крепостных крестьян о всеобщем освобождении, а так недалеко и до бунта! Кстати сказать, Александр I учел это обстоятельство и

через министра внутренних дел В.П. Кочубея дал распоряжение о пресечении малейшего неповиновения крепостных крестьян. Как показало время, такая предосторожность оказалась излишней. Вышеназванный указ не вызвал сколько-нибудь серьезных крестьянских волнений, как отмечал в своем годовом (за 1804 г.) докладе В.П. Кочубей.

Главным аргументом консерваторов против крестьянских реформ, в первую очередь указа «О вольных хлебопашцах», было утверждение, что «ни один честный и добродетельный человек не захочет отказаться добровольно от драгоценного права быть благодетелем части людей, под защитой его живущих». Наиболее полно и обобщенно позиция консерваторов по крестьянскому вопросу изложена в работах Н.М. Карамзина. По его мнению, отмена крепостного права была бы вредна в первую очередь для самих крестьян, затем для государства, а уже потом для помещиков. Крестьяне, по его мнению, ленивы от природы и только помещик может заставить их работать, поэтому без принуждения они работать просто не станут. Вступал Карамзин даже против такого указа как запрещение торговли рекрутами. Он считал, что от этого запрета пострадают, прежде всего, трудолюбивые, «крепкие» крестьяне: «дотоле лучшие земледельцы трудились охотно 10-20 лет, чтобы скопить 700 или 800 рублей на покупку рекрута и тем сохранить целостность семьи своей; ныне отнято у них сильнейшее побуждение благодетельного трудолюбия, промышленности и жизни трезвой». Далее в своей записке о «Древней и Новой России» Карамзин размышляет о причинах «рабства». Он приходит к выводу, что крестьяне не имели собственной земли, «которая есть неотъемлемая, законная собственность дворян». Кроме того, многие нынешние крепостные произошли из холопов, и являются «законной собственностью дворянской и не могут быть освобождены лично без некоторого удовлетворения помещика». Разобраться же кто из крепостных произошел от холопов, а кто из вольных крестьян не представляется возможным. Итак, освобождать крестьян с землей незаконно и несправедливо. Следовательно, если правительство и отважится отмену крепостничества, то крестьяне должны получить только личную свободу, а это приведет к печальным последствиям. Крестьяне станут наниматься в работники к помещикам, которые «доколе щадили крепостных как свою собственность», теперь же «захотят взять с них все возможное для сил физических». Возможен и другой вариант: бывшие крепостные, получив свободу, поедут в город, где станут пьянствовать и злодействовать, а земледелие придет в запустение. Что же касается указа «О вольных хлебопашцах», то Карамзин считал его просто бесполезным. Он писал: «Не осуждаю Александра указа, дающего права селениям откупаться от господ с их согласия, но многие ли столь богаты, многие ли захотят отдать последнее за вольность? Крестьяне человеколюбивых владельцев довольны своей участью; крестьяне худых – бедны: то и другое мешают успеху сего закона»¹⁰³.

Конечно, в высказываниях Н.М. Карамзина, как и других консерваторов, например, А.С. Шишкова, И.В. Лопухина и др. много спорного. Так, почему бы крестьянам, скопившим 700-800 рублей, не выкупиться на волю вместо приобретения за одного члена семьи рекрута? Далее, показывает опыт, в том числе и западный, аренда земли не столь страшна, как ее пытается представить Карамзин. В целом же наибольшую критику вызывает главный лозунг консерваторов, что крепостное право – это основа Российского политического строя, и любые изменения в этой сфере неизбежно приведут к катастрофе. Правда, они забывали, что невнимание и отсутствие преобразований в этой сфере уже приводили к такой «катастрофе» во времена Пугачевщины. Однако активная позиция консерваторов по этому вопросу, их аргументы против реформ сыграли свою позитивную роль. Во-первых, критикуя проводимые преобразования, консерваторы очень четко и рельефно показывали их слабые стороны, что было необходимо для дальнейшего успешного реформирования. Во-вторых, консерваторы ясно показали опасность освобождения крестьян без земли. В-третьих, они достаточно убедительно доказали, что крепостное право – это часть государственного строя и все преобразования в этой области необходимо проводить крайне осторожно и в течение длительного времени. Во многом под весом аргументов консерваторов либерально настроенные политические деятели во главе с императором Александром I вынуждены были несколько ослабить «напор» крестьянских реформ, хотя и не отказались от них совсем.

Указ «о вольных хлебопашцах» на проверку оказался весьма неоднозначным и противоречивым. С одной стороны, как верно заметили некоторые исследователи, им мало кто воспользовался¹⁰⁴. С другой стороны, этот указ имел большой общественный резонанс, и царское правительство постоянно возвращалось к нему, дополняя и изменяя¹⁰⁵. Так буквально сразу же возник вопрос об освобождении крестьян из родовых имений. Уже в 1804 году два помещика попросили разрешения освободить своих крестьян по правилам указа «О вольных хлебопашцах», но только после своей смерти. Государственный совет счел, что это будет освобождение по завещанию, что недопустимо применительно к родовым имениям и отказал этим помещикам. Такое разъяснение указа достаточно серьезно его ограничивало и уменьшало число освобожденных крестьян. И это было не единственное противоречие нового указа существующим тогда законам и традициям.

Несмотря на то, что указ «О вольных хлебопашцах» не имел достаточно высокой эффективности, нельзя отрицать его большое значение. Это был первый указ об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Конечно, он имел сугубо рекомендательное значение и учитывал, прежде всего, интересы помещиков. Тем не менее, крепостные получили законную возможность обрести свободу, пусть с согласия своих владельцев и за плату. По сути дела был сделан первый шаг в сторону освобождения крестьян, тогда как до того власть лишь расширяла права помещиков в этом вопросе. Названный указ также определил направление будущего освобождения крестьян – с выделением им в обязательном порядке земельного надела. Если до этого постоянно шли споры с землей или без нее необходимо готовить освобождение крепостных крестьян, то после указа «О вольных хлебопашцах» эта дилемма уже не стояла, что для крестьянской России было объективно необходимо. Кроме того, еще раз подтвердилось мнение, что даже самые незначительные преобразования в крестьянском вопросе вызовут бурное сопротивление помещиков.

3. Крестьянская реформа в Остзейском крае

В 1804 году правительство Александра I провело в Лифляндии крестьянскую реформу. Она имела некоторую предысторию. Проведенные еще в 1765 изменения в сфере взаимодействия прибалтийских помещиков и крестьян исполнялись довольно плохо и заставляли последних постоянно жаловаться на своих владельцев. Поэтому еще в конце правления Екатерины II Фридрих Сиверс¹⁰⁶ с согласия императрицы на очередном Ландтаге в 1795 году предложил создать комиссию по рассмотрению крестьянских жалоб, что и было сделано. Был даже составлен проект нового указа «об улучшении быта крестьян». Со смертью Екатерины деятельность комиссии была приостановлена. Правда, Павел I, узнав из дошедших до него жалоб о жестоком обращении прибалтийских помещиков со своими крестьянами, издал в 1800 году указ о запрещении требовать с крестьян выплаты податей более чем это требовалось по указу 1765 года, под страхом конфискации имений. Но и это грозное распоряжение не принесло желаемого результата.

После воцарения Александра I продолжила свою работу созданная при Екатерине II комиссия. В самом начале правления Александра Павловича Ф. Сиверс через В.П. Кочубея, с которым он был лично знаком, передал императору записку с предложениями по улучшению крепостного состояния. Кроме того, вопрос о необходимости проведения преобразований в сфере взаимодействия помещиков и крепостных крестьян был поставлен на Ландтаге 1803 года. Он вызвал много споров: горячую поддержку одной части лифляндского дворянства и не менее горячее негодование другой. Поэтому Александр I счел за благо учредить в Петербурге особый комитет для выработки положения о лифляндских крестьянах. В этот комитет вошли главным образом русские, либерально настроенные государственные деятели: комитет возглавил В.П. Кочубей, его членами стали П.А. Строганов, сенатор О.П. Козодавлев¹⁰⁷ и другие. От лифляндского дворянства вошли члены Ландтага Анрепа и Буденброк. Почему членом этого комитета не был назначен Сиверс, не до конца ясно, тем более что Кочубей часто советовался с ним по вопросам реформирования положения лифляндских крестьян.

В результате работы этого комитета было выработано «Положение для поселян Лифляндской губернии»¹⁰⁸, утвержденное указом императора Александра I Сенату 20 февраля 1804 года. Согласно этому Положению, во-первых, крестьяне без своего согласия не могли быть лишены земли и переведены в дворовые. Правда, их владельцы могли переселять их в рамках уезда и своего поместья. Во-вторых, запрещались продажа, заклад и уступка (т.е. дарение) крестьян без земли. Было также введено ограничение на продажу дворовых людей, их разрешалось продавать только один раз и только дворянам, имеющим земельное владение. В-третьих, крестьянам предоставлялись некоторые гражданские права. Крестьянам было дано самоуправление, утверждено право собственности и наследования: крестьяне могли быть лишены своего хозяйства только по приговору суда за долги и «дурное поведение», то есть поведение, ведущее хозяйство к разорению. При этом управление хозяйством передавалось старшему сыну или ближайшим родственникам. Расширялись личные права крестьян: было отменено требование обязательного письменного согласия помещика на брак его крепостных крестьян. Правда, последние были обязаны поставить в известность своего владельца о предстоящем браке. В рамках крестьянского самоуправления был создан специальный крестьянский суд, которому было передано право суда над крестьянами-домохозяевами и назначения рекрут. Сами же крестьяне-домохозяева от этой повинности были полностью освобождены. Поэтому по новой системе рекрутчина легла на плечи главным образом батраков и бобылей. В-четвертых, господская барщина была строго ограничена двумя днями в неделю. Причем, крестьяне-домохозяева могли нанимать за себя батраков. Поэтому реально относительно состоятельные крестьяне, имеющие достаточные земельные наделы, вообще не несли этой повинности, а батраки работали по шесть-семь дней в неделю. В-пятых, помещики были ограничены в наказаниях своих крепостных крестьян. По новым правилам они самостоятельно могли наказывать только безземельных крестьян: дворовых, батраков и бобылей. Причем и здесь вводились ограничения: крестьян в случае пьянства, грубости, ослушания и лености допускалось наказывать до 15 ударов палками или розгами, а также арестовать и держать на хлебе и воде до двух дней. Более того, в названных правилах оговаривалось, что самих жестоких и четыре раза уличенных во взыскании податей свыше установленной меры помещиков отдавать под опеку. Крестьяне-домохозяева полностью выходили из помещичьей юрисдикции.

Одним из наиболее значимых нововведений по реформе 1804 года в Лифляндской губернии было учреждение крестьянского суда, о чем уже говорилось. Его первую инстанцию составлял сельский или низший суд. Он состоял из трех судей-крестьян: одного из них назначал помещик, второго избирали крестьяне-домохозяева, а третьего – батраки. Этот суд призван был разрешать вопросы, возникающие среди крестьян. Все его решения в обязательном порядке утверждались помещиком. Судом второй инстанции был приходской суд. Председательствовал в нем один из местных помещиков, а его членами были трое крестьян по выбору.

Следующие шаги по реформированию положения крестьянства в Остзейском крае были предприняты уже в 1816-1819 годах: указы «О Эстляндских крестьянах» 25 мая 1816 года, «О Курляндских крестьянах» 25 августа 1817 года и «О Лифляндских крестьянах» 26 марта 1819 года¹⁰⁹. Основой проведенных преобразований являлись два основополагающих постулата: во-первых, все крестьяне получали личную свободу без какого-либо выкупа; во-вторых, земля полностью оставалась за помещиком. Указами устанавливался 14-ти летний переходный период, во время которого крестьянин должен был либо полностью отказаться от земледелия и записаться в мещане, либо просто наняться на работу к землевладельцу батраком, либо арендовать землю у бывшего помещика, либо купить земельный участок в свою собственность. Иными словами, реформа в Остзейском крае была проведена по европейским образцам: крестьяне получили свободу без земли. Правда, они еще долго, гораздо более официально отведенных 14-ти лет, фактически находились под властью бывших помещиков в связи с тем, что реально могли поменять место жительства только в том случае, если «удовлетворят всем требованиям, какие мирское общество, в коем он состоял, и прежний помещик к нему имеют». И все-таки, несмотря на все оговорки, прибалтийские крестьяне были освобождены от крепостной зависимости.

Проведение крестьянской реформы в Остзейском крае стало важным шагом по пути реформирования крепостничества в целом. Эти мероприятия не вызвали сколько-нибудь значимого недовольства в дворянской среде: ни среди великорусского, ни среди прибалтийского. На последних в стране всегда смотрели как на «иностранцев» и ни в коей мере не допускали, что проведенные в Остзейском крае преобразования каким-то образом отразятся на центральной России. Нельзя забывать, что здесь сохранились многие традиции дворянского самоуправления, и многие представители этого сословия придерживались достаточно либеральных взглядов. Впрочем, и сами прибалтийские дворяне не ассоциировали себя с великорусскими, они всегда испытывали на себе достаточно сильное влияние Запада, поэтому проведение преобразований в крестьянском вопросе встретили с пониманием.

В результате проведения вышеназванных преобразований были отработаны те теоретические постулаты, которые обсуждались и прорабатывались в «Негласном комитете». У нас нет данных, собирался ли Александр I распространить те нововведения, которые были проведены в Прибалтике, на всю Россию. Учитывая, что несколько лет до них в Государственном совете даже не захотели обсуждать предложение о запрещении продавать крестьян без земли, едва ли император рассчитывал на скорое проведение подобной реформы в центральной России. В то же время абсолютно очевидно, что преобразования в Остзейском крае носили ярко выраженный буржуазный характер. Они были выгодны, прежде всего, тем землевладельцам, которые вели хозяйство на «новый лад», а также для крестьян-домохозяев, собственников земли. Поэтому, несмотря на территориальную ограниченность, проведенная реформа была необходима и прогрессивна. Император Александр I также придавал большое значение проведенным преобразованиям. Доказательством может служить тот факт, что и после реформы, образованный для ее проведения так называемый Лифляндский комитет не был упразднен, а во главе его остался министр внутренних дел.

После крестьянской реформы в Остзейском крае Александр I и его ближайшее окружение несколько лет не занимались внутриполитическими проблемами и, в частности, вопросами, касающимися положения крестьян. Причины здесь две. Во-первых, после нескольких лет масштабных реформ во всех сферах государственного управления необходимо было время проанализировать их результаты. Во-вторых, в этот период 1805-1810 года правительство Александра I вынуждены были большое внимание уделить внешнеполитическим вопросам.

4. Проекты «улучшения быта» крепостных крестьян в 10-20 годы XIX века

Возвращение к внутриполитическим вопросам, в том числе проблемам крестьянства, произошло во многом благодаря началу активной политической деятельности М.М. Сперанского. Он никогда не занимался специально разработкой проектов по крестьянскому вопросу, однако ряд его программ государственных реформ прямо или косвенно этот вопрос затрагивали. Кроме того, реформаторская деятельность М.М. Сперанского в целом оказала большое влияние на развитие страны, и в том числе на оформление либеральной общественно-политической доктрины, поэтому мы считаем необходимым кратко остановиться на его взглядах и по этому вопросу.

Дело в том, что автор наиболее полных и продуманных либеральных проектов государственного устройства не связывал данные преобразования с реформированием, а тем более отменой крепостного права. Однако полностью обойти в своих работах эту проблему он не мог. Свою позицию по крестьянскому вопросу Сперанский изложил, анализируя понятие «гражданская свобода». В своем трактате «Введение к уложению государственных законов», а также некоторых других документах Михаил Михайлович выступает как сторонник постепенного ограничения, а затем отмены крепостного права. Первоначально автор определил, что он понимает под крепостным правом или «рабством», как тогда было принято говорить. По его мнению, «рабство» бывает двух родов: политическое и гражданское. Крепостные в России пребывают во втором положении, ибо они «не только не имеют никакого участия в силах государственных», но и «не располагают лицом [то есть, своей личностью – Н.К.] и собственностью». Такое состо-

яние крепостных – безусловное зло, которое необходимо искоренять. Правда, освобождать крестьян от крепостной зависимости необходимо крайне осторожно и постепенно. Причина этой осторожности кроется в понятии гражданская свобода, которую и необходимо предоставить крестьянам. По мнению Сперанского, гражданская свобода человека должна включать личную и вещественную свободу. Первую, то есть свободу личную, крестьянам вполне можно даровать немедленно: «без всякой постепенности и отлагательства». Далее необходимо «установление четкого законодательного определения размера крестьянских повинностей и объявления крестьянам разрешения на приобретение недвижимой собственности». Сам процесс освобождения крестьян, по терминологии Сперанского, требуется разделить на «две эпохи». В первой нужно четко определить количество крестьянских повинностей. При этом одновременно «установить какую-либо судебную власть между ними [то есть, помещиками – Н.К.] и земледельцами [...] Таким образом, и без особого формального закона из крепостных или рабов, каковы они теперь, сделают только прикрепленными к земле. Это будет первая степень их освобождения». Во вторую эпоху, то есть в качестве полной отмены крепостничества, крепостным крестьянам будет возвращено их древнее право перехода от одного земледельца к другому».

Таким образом, концепция Сперанского, касательно решения крестьянского вопроса, сводилась к признанию необходимости четкой регламентации крестьянских повинностей, отмены права помещиков суда над своими крепостными крестьянами, что должно было исключить возможность первых вмешиваться в личную жизнь вторых. Наконец, итогом реформы должно было стать возвращение крестьянам права менять своих владельцев. Сперанский однозначно выступал против безземельного освобождения крестьян, а также против идеи, что освобождению крепостных должно предшествовать их просвещение¹¹⁰.

Хотя М.М. Сперанский не составлял специальной программы по крестьянскому вопросу, многие его идеи значительно превосходили существующие тогда проекты. Кроме того необходимо учитывать, что концепция политического устройства страны, предложенная М.М. Сперанским, в том числе и по крестьянской проблеме, оказала большое влияние на дальнейшую разработку правительственного курса, проектов и планов реформ, а также на формирование либеральной общественно-политической доктрины.

Важным фактором, ставшим катализатором в критике крепостничества и подготовке проектов реформы крепостного состояния крестьян, стала Отечественная война и заграничные походы 1812-1813 годов. Непосредственное знакомство с западноевропейской жизнью, а также героизм своего народа заставил многих дворян задуматься о положении российских крепостных крестьян. Поэтому увеличивается число противников крепостного права, как, впрочем, и их оппонентов.

На период 1815-20-е годы XIX века, как уже говорилось выше, приходится новая волна преобразований. Ее началом условно можно назвать дарование Польше конституции, одной из самых либеральных в Европе, а также выступление императора Александра I на польском сейме в марте 1818 о проведении преобразований аналогичных польским в России. Несмотря на то, что речь шла, главным образом, о реформах политических, крестьянский вопрос, как один из основных, обойти было нельзя. В это время вновь составляется достаточно большое количество проектов реформирования крепостничества как по заданию императора, так и по собственной инициативе либерально настроенных государственных деятелей, российской аристократии.

Одним из первых после Отечественной войны проект освобождения крестьян составил П.Д. Киселев, тогда полковник и флигель-адъютант императора Александра, в будущем при Николае I – министр государственных имуществ. Павел Дмитриевич Киселев составил проект крестьянской реформы, названный им «О постепенном уничтожении рабства в России» и в 1816 году представил его Александру I. Свой проект Киселев начал с утверждения, что «гражданская свобода есть основание народного благосостояния». Далее он продолжал: «истина сия столь мало подвержена сомнению, что излишним считаю объяснять здесь, сколько желательно было бы распространение в государстве нашем законной независимости на крепостных земледельцев, неправильно лишенных оной». Однако автор проекта, повторяя своих предшественников, предостерегает от скоропалительной реформы крепостного права, так как это небезопасно и для

помещиков, и для самих крестьян, которые могут «захлебнуться свободой». Поэтому Киселев предложил следующий план освобождения крестьян. Во-первых, «дозволить капиталистам всякого звания покупать от дворян поместья, с тем, чтобы в таких имениях права и обязанности, как крестьян, так и новых помещиков были определены законом»¹¹¹. Во-вторых, необходимо коренным образом изменить положение дворовых крестьян. Киселев предлагал окончательно запретить помещикам брать во двор из земледельцев, а из нынешних дворовых создать «особое сословие, которое приписать к домам или поместьям и обязать владельцев платить за них подати: это приведет постепенно к их уменьшению, а затем и к совершенному уничтожению дворовых». Не совсем ясно, что здесь имеет в виду автор проекта. Вероятнее всего, он считал необходимым выделить дворовых в отдельную категорию крестьян, которую требуется освободить по специальным правилам, а именно он предлагал ввести для помещиков особый налог на содержание дворовых, что-то вроде указа Петра I об особом сборе для тех, кто не хотел брить бороды. В-третьих, по мнению автора проекта, необходимо дополнить указ «О вольных хлебопашцах» тем, что разрешить создание майоратов тем помещикам, крестьяне которых становились вольными хлебопашцами. Это должно, по его мнению, уменьшить число мелкопоместных дворян, «от скудности и невежества отягощающих непомерным образом рабов, им принадлежащих». В-четвертых, правительство должно активно влиять на процесс постепенного освобождения крестьян от крепостной зависимости. В связи с этим Киселев предлагал официально определить, какое количество крестьян объективно необходимо для обработки помещичьих земель, а следовательно, определить количество «лишних» крестьян, которых правительство Александра I должно постепенно, по мере возможности, выкупать в казну с обращением их в вольных хлебопашцев и переселять на малонаселенные земли. При этом деньги, истраченные на выкуп и переселение взыскать позднее с самих крестьян-переселенцев. Наконец, Киселев предлагал даровать «некоторую независимость» тем крепостным, которые работают на фабриках и заводах помещиков. К сожалению, он не конкретизировал, что здесь имел в виду. Конечно, приведенный проект П.Д. Киселева не является целью программой решения крестьянского вопроса. Скорее перед нами набор неотложных мер по данной проблеме, которые облегчили бы положение крепостных, не меняя коренным образом существующего порядка вещей. При этом автор проекта подчеркивал, что проведение предложенных им мероприятий необходимо, прежде всего, самим помещикам, так как доведенные до разорения непомерными податями крепостные очень опасны. Он доказал, что доведенные до отчаяния крестьяне вполне могут за себя постоять, достаточно вспомнить Пугачевщину и героическое сопротивление французам во время войны 1812 года. Кроме того, он доказывал, что крепостное хозяйство куда менее экономически выгодно для страны, нежели основанное на вольном труде. Он, да и другие участники заграничного похода русской армии, смогли воочию в этом убедиться¹¹².

Тогда же, в 1816 году, 65 достаточно богатых и знатных помещиков Петербургской губернии составили петицию на имя императора Александра I. В этом документе они просили императора, зная его заботу и стремление к улучшению быта крепостных крестьян, разрешить провести в их землях некоторые преобразования в этом направлении и «обратить их крестьян в “обязанных поселян” на основании существующих тогда по этому предмету постановлений». Эта петиция была вручена Александру I князем И.В. Васильчиковым. Встречена она была императором с явным неодобрением, что заставило дворянство Петербургской губернии отказаться от своей идеи¹¹³. Не до конца ясно, на основании какого закона и какие именно преобразования хотели провести в своих землях помещики Петербургской губернии. Если речь шла об указе «О вольных хлебопашцах», то не было смысла просить какое-либо дополнительное разрешение монарха, да еще и в рамках коллективной петиции. Тем не менее, речь шла о преобразованиях именно на основании уже существующего закона. Нам представляется вполне вероятным, что помещики названной губернии предложили императору распространить на нее изменения, проведенные в 1804 году в Лифляндской губернии. Текст петиции до нас, к сожалению, не дошел, однако территориальная близость Петербургской и Лифляндской губерний, общность терминологии говорят в пользу данного предположения.

Вполне понятно, почему монарх столь негативно отнесся к инициативе петербургского дворянства: кардинальные изменения в одной российской губернии неумолимо повлекут взрыв недовольства в других губерниях государства. Кроме того, наученный горьким опытом неудачи первых реформ по крестьянскому вопросу, император Александр I решил действовать иначе. Как и прежде он поручил составление проектов освобождения крестьян от крепостной зависимости своим доверенным лицам. Причем такой проект освобождения помещичьих крестьян по указанию императора должен был «не заключать в себе никаких мер, стеснительных для помещиков и, особенно, чтобы меры сии не представляли ничего насильственного со стороны правительства. Напротив, чтобы они сопряжены были с выгодами помещиков и возбудили бы в них самих желание содействовать правительству в уничтожении крепостного состояния». Иными словами, почти через 15 лет после начала реформирования крепостничества император Александр пришел к выводу, что внедрение нововведений в этой сфере возможно путем добровольных соглашений помещиков и крестьян, без каких-либо жестких законов со стороны власти.

Разработку проекта монарх доверил графу А.А. Аракчееву, как одному из наиболее доверенных лиц монарха. Алексей Андреевич Аракчеев, безусловно, не относился к числу либерально настроенных деятелей александровского царствования. Однако, будучи верным слугой императора, он добросовестно выполнил возложенную на него задачу.

Проект Аракчеева, составленный в 1818 году, не отличался принципиально от предшествующих документов по крестьянскому вопросу. Согласно данному документу, крестьяне должны были получить свободу в результате кредитной операции. Любой помещик, абсолютно добровольно, мог обратиться к правительству с требованием выкупить у него крестьян с наделом по два десятины на ревизскую душу (то есть на мужчину). Для этого выкупа необходимо было провести оценку поместья. Этим должна была заниматься специальная комиссия, состоящая из уездного предводителя дворянства, трех помещиков из этого уезда и двух уполномоченных от правительства. Оценке подлежала земля в имении, если крестьяне находились на барщине, либо оброк. После установления суммы, которую должны были заплатить крестьяне за свою личную свободу и две выделяемые им десятины земли, государство уплачивало за них эту сумму помещикам, а крестьяне потом должны были расплачиваться с государством. Для этих целей Аракчеев предлагал выделять ежегодно 5 миллионов рублей. В том случае, если у правительства не окажется требуемой суммы, что было вероятнее всего, то следует расплачиваться с помещиками выпущенными специально для этих целей особыми билетами государственного казначейства, которые бы приносили помещикам прибыль в 5% годовых.

Таким образом, мы видим, что Аракчеев куда более осторожен, чем его предшественники. Во-первых, он предлагал не проводить никаких мер правительственными указами, а лишь разработать программу добровольного соглашения помещиков и крестьян, причем только по инициативе первых. Во-вторых, он прекрасно понимал, что выделенной земли крестьянам явно будет мало, помещики же полностью сохраняют и даже приумножат «барскую распашку», поэтому многие крестьяне вынуждены будут арендовать помещичьи земли, либо продавать свои наделы и наниматься батраками. Конечно, это учитывало начинающуюся имущественную дифференциацию в деревне, однако Аракчеев предложил данную меру как наиболее выгодную для дворян, так как «уплатив полученными деньгами свои долги, не перестанут быть помещиками: в их владении останется более половины земель и угодий, которые крестьянам придется арендовать»¹¹⁴.

Конечно, проект А.А. Аракчеева нельзя назвать полным и законченным. Скорее, это идея возможного проекта реформирования крепостного состояния крестьян. Аракчеев не был реформатором. Весьма вероятно, что его проект – это изложение позиции Александра I по крестьянскому вопросу в 20-е годы XIX века. Данная позиция, в изложении Аракчеева, полностью исключает принятие каких-либо обязательных мер, регулирующих отношения между помещиками и их крепостными. По мнению монарха и его чиновника, отмена крепостного права должна быть длительным процессом, исключаящим любое насильственное воздействие на помещиков, которые сами должны понять экономическую невыгодность крепостного права.

Кроме Аракчеева, в том же 1818 году проект освобождения крестьян было поручено составить Е.Ф. Канкрину, позднее последнему министру финансов Александра I. Егор Францевич (Георг-Людвиг-Даниил) Канкрин был сыном немецкого ученого, геолога и инженера, приехавшего из Германии и назначенного управляющим Старорусскими солеваренными заводами. Канкрин получил прекрасное образование, он учился в гимназии в Ганау, затем поступил в Гессенский университет, откуда перешел в Магдебургский (изучал юридические и политические науки), который успешно закончил, защитив диссертацию в 1794. Тогда, в 1818 году, он был уже довольно видным государственным деятелем: генерал-лейтенантом и членом Государственного совета по Департаменту государственной экономии. Звание генерал-интенданта во время Отечественной войны, а также занимаемые позднее должности были сопряжены с многочисленными поездками по стране, давшими ему возможность реально увидеть положение крестьянства в различных регионах. Он нашел его совершенно ужасным и с морально-этической, и с экономической точек зрения. Канкрин писал, что «естественное последствие крепостного состояния, по самому свойству своему ничем не ограниченного, роскошь и разные другие причины, в особенности же не по силам предпринимаемые помещиками винокуренные операции, необдуманное устройство разного рода фабрик, тягот подворной повинности привели, наконец, нашего крестьянина в ужасное положение». Однако проводить какие-либо преобразования в этой области необходимо крайне осторожно. При этом, по мнению Канкрин, нельзя опираться на западный опыт. Для доказательства этой мысли автор записки провел обзор процессов освобождения крестьян в странах Европы. Как известно, там это произошло одновременно и без наделения крестьян землей, что не столько улучшило, сколько ухудшило положение некоторых категорий крестьян. Подробного разъяснения этого факта потребовало то обстоятельство, что многие офицеры и одновременно русские помещики, вернувшиеся из заграничного похода, взялись за составление проектов освобождения крестьян по западноевропейскому образцу: сразу и без земли. По мнению Канкрин, это «несправедливо, неосторожно и даже невозможно», так как внезапный переход крестьян из одного состояния в другое «расстроил бы крестьянскую производительность», что негативно отразилось бы на государственной политике. Не следует брать за образец и реформу в Остзейском крае, подчеркивал Канкрин, так как русские и остзейские традиции весьма сильно отличаются друг от друга.

Е.Ф. Канкрин еще в начале своей записки подчеркнул, что освобождение крестьян от крепостной зависимости не должно стать исключительно самоцелью, так как неизвестно, какие могут быть последствия этого. Необходимо проводить постепенные преобразования в русле облегчения положения помещичьих крестьян, «подрывать и разрушать мало-помалу крепостное право, так как здесь речь идет не о том, чтобы определить меру зла, но чтоб вырвать его с корнем». Иными словами, подготовку и проведение реформы необходимо строить не на базе морально-этического отношения к крепостному праву, а исключительно на социально-экономической основе. Руководствуясь этими идеями, Канкрин и составил собственный проект ликвидации крепостничества, рассчитанный на несколько десятилетий. Данную реформу он предлагал разложить на три этапа. Первый этап начинался в следующем за написанием проекта 1819 году и заканчивался в 1825. Первоначально было необходимо императору учредить специальный секретный комитет по разрешению крестьянского вопроса. После чего через этот комитет назначить «тайных попечителей» над крестьянами во всех губерниях. Данный институт создавался с целью организации контроля со стороны правительства за помещиками, чтобы воспрепятствовать нарушению прав крестьян. Тайну же необходимо было соблюдать с той целью, чтобы не вызвать волны возмущения со стороны дворянства, и в то же время не дать повода крестьянам думать о скором освобождении. После этого предлагалось предпринять следующие шаги: объявить через Сенат и широко распространить сведения, что в России нет закона, запрещающего крестьянам приобретать собственность. Дом и все движимое имущество уже принадлежат крестьянам, поэтому их владельцам и «землепашцам» ничего не мешает приобрести в собственность еще и землю, которую они обрабатывают. Конечно, такого права в Российской империи не было и Канкрин, фактически, предлагает принять соответствующий закон. Итак, после оглашения вышеназванного положения крестьяне, по мнению автора проекта, начнут ску-

пать земли, и через два года общинное землепользование превратится в подворное. После этого необходимо запретить переделы земли, так как земля стала бы собственностью конкретной крестьянской семьи. После этих изменений подушный налог следовало заменить подворным.

Следующий этап должен начаться в 1825 году и продлиться 25 лет, то есть до 1850 года. Главная задача в этот период – четко обозначить и определить повинности крестьян относительно помещиков. Контроль за исполнением этих мер возложить на «тайных попечителей», которые с этого времени смогут действовать открыто. Необходимо также принять серию законов по крестьянскому вопросу: закрепить за крестьянами право наследования их дворов, урегулировать положение дворовых, определить размер выкупа крепостных на волю и некоторые другие. Третий этап начинался, соответственно, в 1850 году и заканчивался в 1880. Начало этого периода знаменуется объявлением, что земельные наделы крестьян являются их собственностью «при условии оплаты соразмерной повинности». Всем крестьянам вновь возвращается «древнее право перехода» от одного помещика к другому. Крепостные выводятся из-под юрисдикции помещиков – впредь судить их должны только правительственные чиновники¹¹⁵.

Таким образом, несмотря на то, что Канкрин критикует западную модель освобождения крестьян, представленный им проект показывает, как мало он понимает общинные традиции русского крестьянства. Вероятно, Александр I отверг этот проект, так как мы не встречаем указаний на его использование или хотя бы доработку. Использована, пожалуй, только главная идея проекта: освобождение крестьян должно быть длительным и экономически обусловленным процессом. Канкрин в своей записке ясно объяснил и показал, что отмена крепостного права повлечет за собой изменения во всех, абсолютно во всех, сферах жизни государства. Поэтому такая реформа должна сопровождаться преобразованиями по иным направлениям государственной политики, а потому менее чем за пятьдесят лет освободить крестьян не представляется возможным. Кроме того, Канкрин впервые заявил, что подготовка такой реформы должна проводиться в тайне, дабы не волновать излишне общество. Мы не знаем, как оценил данную записку Александр I, но очевидно, что его преемник, Николай I воспользовался советами министра финансов своего предшественника¹¹⁶.

В 1820 году крестьянский вопрос вновь обсуждался на заседаниях Государственного совета. Причем снова, как в самом начале царствования обсуждался вопрос о запрещении продажи крепостных крестьян без земли. Поводом послужило то обстоятельство, что до правительства дошли сведения о совершенно вопиющих, но, в общем-то, достаточно обыденных для крепостной России фактах. Так, по сведениям, дошедшим до министра внутренних дел В.П. Кочубея, а через него и до Александра I, коллежский асессор Лупандин продал из своей вотчины 20 женщин, штабс-капитан Раздеришин покупал по одиночке девушек и составил из них у себя гарем, статская советница Полонская продала своего дворового с женой и малолетней дочерью, оставив у себя старшую дочь и тому подобное. 28 сентября 1820 года на заседании Государственного совета было оглашено требование монарха представить ему экстракт о том, какие были приняты законы и указы относительно запрещения продавать людей без земли. Этот документ было поручено подготовить статс-секретарю департамента законов Государственного совета А.И. Тургеневу. Само это поручение уже говорило о настроениях императора. В то время департамент законов был очень пестрым по составу, туда входили и либерально настроенные государственные деятели, и консерваторы. Председательствовал в нем В.С. Ланской. Он происходил из польского рода, правда, уже давно находящегося на русской службе. О его взглядах сведений до нас не дошло. Членами были И.Б. Пестель, человек достаточно прогрессивных взглядов, отец известного декабриста¹¹⁷; А.И. Тургенев и его брат¹¹⁸, известные своими либеральными убеждениями; ярый консерватор А.С. Шишков, в будущем с 1824 года – министр народного просвещения и другие.

Составление названного документа было поручено либералу. А.И. Тургенев начал с указания, что «по нашим законам никогда не дозволялось продавать крестьян приписанных к вотчинам, по одиночке и без земли; [...] это вошло в обычай от неправильного понимания или превратного толкования закона, которым позволялось продавать таким образом старинных полных или докладных холопей». Однако нет и правила, запрещающего продавать по одиночке крестьян

ян. Еще Петр I хотел издать подобный закон. Указом от 1721 года он велел своему статс-секретарю создать специальную комиссию и подготовить проект подобного закона. К сожалению, это благородное дело не было доведено до конца. В заключении своей записки А.И. Тургенев писал, что если законодательство XIX века не может идти далее законодательства XVIII столетия, то оно, по крайней мере, «не должно отставать от него». Вывод, который делает автор, однозначен: единого закона нет и его необходимо принять. Неудивительно, что консерватор А.С. Шишков отнесся к этому проекту критически, составив «особое» мнение. Он задался вопросом: «почему продажа нескольких человек вместе предпочтительнее одного человека, и по каким причинам первая свойственна духу нынешнего времени, а вторая несвойственна и равняется продаже бессловесных животных?». Кроме того, зачастую продажа «в розницу», указал он, бывает полезна и для самих крестьян, «если малоземельный помещик продаст их такому, которому не хватает рук для обработки земли». Полезна продажа одного и без земли для отбывания рекрутской повинности, так как дает возможность «заменить отца семейства купленным одиноким человеком». Не видит Шишков ничего страшного и в разлучении членов семьи при продаже. Разлука родственников составляет необходимое зло в жизни, размышлял он, когда, например, дочь выходит замуж и оставляет отца.

Менее чем через месяц, 20 октября, состоялось заседание Государственного совета, на котором была оглашена записка А.И. Тургенева и «особое» мнение А.С. Шишкова. Сам проект был одобрен большинством членов Совета, мнение Шишкова, напротив, вызвало недоумение и насмешку. Тем не менее, решение об окончательном принятии закона, разрешающего продавать крепостных только целыми селениями, было отложено до следующего заседания. Хотя объяснялось это необходимостью доработки самого проекта, собственно говоря, не совсем ясно, что требовалось от этого документа: подготовить проект нового закона или доказать на основании существующих прошлых постановлений, что это уже запрещено и такой закон уже есть? Разгорелся горячий спор «за» и «против» этой меры. Тогда слово взял министр внутренних дел В.П. Кочубей и вынес, казалось бы, компромиссное решение. С одной стороны, он высказался за принятие закона о запрещении продавать крестьян без земли: «либеральные идеи, принятые по всей Европе, показывают, что прежний образ мыслей во многом изменился, что в XIX веке нельзя держаться правил старого времени». Но в то же время он предложил не торопиться с принятием окончательного решения, так как он считает необходимым рассмотреть этот проект еще раз в министерстве. Вероятнее всего, Кочубей хотел получить окончательное согласие императора Александра I. Это подтверждает его позиция, высказанная в письме к М.М. Сперанскому, написанном в апреле 1819 года: «Я составил давно по сему предмету [то есть по вопросу издания указа о строгом запрещении продавать крестьян поодиночке и без земли – Н.К.], которую должен представить государю, и ожидаю только чтобы он назначил мне для сего час, который уличить чрезвычайно трудно»¹¹⁹. Однако император молчал, и указ снова не был принят. Вероятно, император не решился издавать такой указ, а члены Совета не решились настаивать, что такой закон уже существовал.

5. Обсуждение проблемы крепостничества в Вольном экономическом обществе и общественное мнение России по данному вопросу

Во время царствования Александра I крестьянский вопрос не единожды поднимался правительством и всякий раз вызывал горячие споры. Естественно, эти споры вышли за стены правительственных учреждений и получили свое отражение в печати, а также в одной из немногих существующих тогда негосударственных организаций – Вольном экономическом обществе. Еще при Екатерине II в печати публично был поднят крестьянский вопрос. Однако, как известно, судьба общественных деятелей, отважившихся на это, была плачевной, вспомнить хотя бы Н. Новикова и А. Радищева. Общественным деятелям и литераторам, стремившимся поднять данную тему при Александре I, также приходилось бороться с цензурными ограничениями. Тем не менее, в начале XIX века тема крепостного права и положения крестьян постоянно присутствовала в печати.

После воцарения Александра I в общественном мнении довольно долго господствовала эйфория, печать на все лады прославляла молодого императора и все его начинания. Более-менее реальное осмысление происходящего начинается года через два-три, когда становятся видны первые результаты начатых императором и его ближайшим окружением преобразований. Вольное экономическое общество, которое молчало последнее десятилетие (конец царствования Екатерины II и правление Павла I), одно из первых отреагировало на начавшиеся александровские реформы, касающиеся положения крестьян.

В самом конце 1802 года и на следующий 1803 год Вольное экономическое общество предложило для общественного рассмотрения следующую задачу: «Какие надлежит принять меры, чтобы дух деятельности, ревности и прилежания к трудам для вящей пользы в нижних состояниях людей, а особливо жен и детей крестьянских, так возбудить можно было, чтобы оный сделался напоследок необходимою для них привычкою?». За наилучший ответ на данный вопрос была учреждена медаль в 50 червонцев, предоставленная сенатором Д.П. Трошинским. В отличие от екатерининского времени, участниками конкурса главным образом были русские, а не иностранцы. Победа была присуждена профессору Гарду из Берлина и помещику С.С. Джунковскому. Работа Джунковского была на следующий год опубликована в трудах Вольного экономического общества. Основное внимание в этой работе уделено вопросу, что служит «главным побуждением к трудолюбию» крестьян. По мнению Джунковского, таковым фактором является уверенность крестьян в спокойном использовании результатов своего труда. Однако многие крепостные лишены и этого, так как помещики ради своей выгоды постоянно изменяют размеры повинностей. Поэтому, по мнению автора, было бы весьма разумно четко определить размеры повинностей на длительный срок, не менее десяти лет. Кроме того, и для блага помещиков, и для блага крестьян, последних необходимо обязательно перевести на оброк. Наконец, отвечая непосредственно на поставленный вопрос, когда же для крестьян ревностный труд станет привычкою, он дает простой, но далеко не общепринятый тогда ответ: когда крестьяне будут работать на себя, а не на помещика¹²⁰.

Вольное экономическое общество ежегодно, начиная с 1803 года, выдвигало на обсуждение задачи, так или иначе затрагивающие крестьянский вопрос и проблемы крепостного права. При этом наиболее интересные работы публиковались в Трудах Общества, и образованная публика имела возможность ознакомиться с ними. Наиболее интересная и важная в этом смысле задача была поставлена на 1812 год – сложный и судьбоносный для России. По желанию графа Н.П. Румянцева (инициатора принятия указа «О вольных хлебопашцах»), было предложено ответить на вопрос, что выгоднее: крепостной или вольнонаемный труд¹²¹? За первое место им была предложена медаль в 30 червонцев. В январе 1812 года объявление о конкурсе было опубликовано в «Петербургских ведомостях», на что уже через месяц отреагировал тогдашний министр внутренних дел О.П. Козодавлев. Он заявил, что предложенные к обсуждению задачи «могут содействовать успехам не только частного, но и государственного хозяйства», поэтому он доложил о конкурсе императору. По решению монарха для привлечения к конкурсу максимального количества опытных дворян-помещиков Обществу от кабинета министров выделяется еще две награды по 100 червонцев. Первое место было присуждено профессору Людвигу Якобу¹²², а также две «малые» медали доктору философии Меркелю и генерал-майору Комарову. Эти сочинения были в 1814 году опубликованы в трудах Общества. Конечно, наибольший интерес представляет работа Л. Якоба. В предисловии он несколько расширяет поставленную перед собой задачу. По его мнению, необходимо исследовать, какой вообще труд выгоднее для помещика – свободный или принудительный. Фактически сразу он дает ответ, а затем последовательно доказывает свою мысль. Л. Якоб писал: «главная цель моего сочинения состоит в том, чтобы показать практически возможность для русского землевладельца поставить крестьян в такое положение, что они будут охотно и добровольно заниматься земледелием, а владельцы будут получать при этом еще большие доходы, чем при принудительном труде». Однако в современной России в широких масштабах невозможно использование вольнонаемного труда, так как «мало свободных земледельцев». По его мнению, «этим именем можно назвать однодворцев и колонистов, но они, так как заняты обработкой собственной земли, едва ли могут наниматься

на господские работы». Вывод напрашивался сам собой: для масштабного привлечения вольнонаемного труда необходимо «изменить быт помещичьих крестьян». Л. Якоб предложил план изменения крестьянского быта исходя, в первую очередь, из величины имения помещика. Он предложил всех землевладельцев разделить на три разряда по количеству имеющейся у них земли: первый – до 100 десятин, второй – от 100 до 1000 десятин и третий – более 1000 десятин. Помещики первого разряда должны были забрать все крестьянские земли себе, перевести всех крестьян на оброк, выдать паспорта и предложить желающим искать работу на стороне. Далее помещики должны за свой счет усовершенствовать бывшие крестьянские хозяйства и передать их в аренду наиболее трудолюбивым. Средним и крупным помещикам предлагалось оставить «в свою пользу» 200-300 десятин, а остальную землю, разделив на участки, раздать в аренду¹²³.

Фактически перед нами проект безземельного освобождения крестьян, к тому же составленный иностранцем, который плохо знал и понимал русское крестьянство. Однако, на наш взгляд, ценность этой работы в другом. Л. Якоб, благодаря задаче Вольного Экономического общества, смог публично заявить и достаточно логично обосновать, что для самих же помещиков вольнонаемный земледелец куда более экономически выгоден, чем крепостной. Поэтому, хотя крепостное право и существует издревле, оно непременно должно быть серьезно трансформировано в силу объективных экономических обстоятельств, так как постепенно становится невыгодным, прежде всего, для самих же землевладельцев. Эта работа – достаточно большой шаг к осознанию и в правительственных кругах и среди образованного общества, что крепостное право, пусть со временем, неизбежно должно быть ликвидировано. К сожалению, после задачи, какой труд выгоднее: вольнонаемный или крепостной, более Вольное экономическое общество не ставило на обсуждение серьезных проблем по крестьянскому вопросу.

Русская публицистика и журналистика первой четверти XIX века также не оставалась в стороне от проблемы крепостничества. Естественно, журнальные статьи появлялись в ответ на те или иные мероприятия правительства и, в силу жанра, в них обличались негативные морально-этические стороны крепостного права. Так, достаточно активно пресса отреагировала на указ 1804 года о запрещении торговли рекрутами. Тон задал официальный «Санктпетербургский журнал». Автор статьи «Письмо к издателям из Москвы» напоминал читателям, что еще Радищев в конце прошлого столетия в книге «Путешествие из Петербурга в Москву» затронул вопрос «постыдного торга». Далее в статье были приведены способы покупки рекрутов помещиками и казенными крестьянами: «люди, желающие поставить вместо себя рекрута, приходили в дом, где торжище сие открыто было, смотрели, выбирали, торговались и заключали, наконец, продажу. Помещик получал деньги, а казенный крестьянин рекрута. Таким образом, в две минуты было кончено. Бумаги и весь обряд лживости и подлога совершался вслед за тем и совершался именем самого закона, который столь бесстыдно был попираем»¹²⁴.

Понятно, что после такого официального «разрешения» многие столичные журналы стали активно поднимать крестьянскую тему, как правило, более жестко осуждающе пороки крепостничества, потому порой выражаясь иносказательно. В том же 1804 году в «Периодическом издании вольного общества любителей словесности, наук и художеств» появилась статья В.В. Попугаева «Негр», якобы переведенная с испанского. Сюжет заключался в самом пафосе продажи, и статья заканчивалась словами проданного негра: «Кто позволил вам делать невольниками собратьев ваших? Воля не есть продажная; цена золота всего света не в силах оной заплатить, и никакой тиран ею располагать не должен»¹²⁵. Даже такой консервативный по своей направленности журнал как «Вестник Европы» поместил в 1807 году статью, ободряющую указ «О вольных хлебопашцах». Повествование ведется от лица «добротного помещика», который доказывал читателям, что «злые помещики заставляют и крестьян быть злыми. Угнетаемый крестьянин ненавидит господина своего, ибо почитает его орудием своего несчастья. [...] Вот источник многих беспорядков, опасных для целого государства...»¹²⁶. В 1815 году в ряде журналов появилась серия статей, сравнивающих положение крестьян в России и за границей. Так, автор журнала «Сын отечества» утверждал, что «первое важнейшее право иностранного крестьянина состоит в том, что он сам себе принадлежит и не переходит посредством мены, продажи, дара, наследства и других сделок»¹²⁷.

Кроме исключительно публицистических статей в печати и в журналах, отдельными изданиями появилось достаточно большое количество произведений, повествующих о печальной судьбе крепостных крестьян, особенно талантливых. Выбор темы определялся, конечно, не только господством сентиментального направления в литературе того времени. Так, В.А. Жуковский в одном из журналов поведал грустную историю об одном крепостном художнике. Он получил хорошее образование, жил на воле, работал в свое удовольствие, но его хозяин умер, а его наследник сделал живописца простым слугой, отчего тот запил и умер. Или вспомнить хотя бы небезызвестную повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза». Показывая наиболее гнусные стороны крепостного права, и консерваторы, и либералы были едины в его негативной оценке: только выход из сложившейся ситуации они видели разный. Однако талантливый и красочный рассказ, показывающий крепостных крестьян такими же людьми, как и их владельцы, не мог не сыграть своей положительной роли в формировании общественного мнения. В образованном обществе к концу первой четверти XIX века достаточно глубоко укрепилось убеждение, что крепостное право есть зло, с которым необходимо бороться.

Подводя итог, необходимо отметить, что крестьянский вопрос оказался своего рода «лакмусовой бумагой», по которой можно было отличить либералов от консерваторов в первой четверти XIX века. При этом и представители либерального, и представители консервативного общественно-политических направлений видели в крепостном праве безусловное зло. Однако пути борьбы с ним либералы и консерваторы предлагали совершенно различные. По мнению консерваторов, причина столь ужасного состояния российского крестьянства, живущего «за помещиками», в неоправданно жестокое обращение с ними некоторых несознательных представителей землевладельцев. Консерваторы размышляли, что может ли разумный помещик принести вред своим крестьянам, если от их благополучия зависит, в конечном счете, и благополучие его самого. Более того, крестьяне по природе ленивы и склонны к пьянству, они не смогут самостоятельно вести хозяйство. Поэтому необходимо с помощью выборных дворянских должностей и мер морального осуждения бороться с «недальновидными» помещиками, жестоко обращающиеся со своей «крещеной собственностью».

Либералы же считали, что крепостное право необходимо постепенно, очень медленно отменять. Здесь главное не ускорять, но в то же время и не останавливать преобразований. Дело в том, что крепостное право, как это абсолютно верно заметили представители либеральной мысли, являлось частью государственного аппарата, а потому его быстрая отмена может привести к крушению государственного порядка. Отсюда вывод: необходимо делать незначительные и очень осторожные шаги к намеченной цели – освобождению крестьян. При этом либерально настроенные государственные деятели предлагали два основных пути решения крестьянского вопроса: освобождение крестьян с землей и без нее. В первом случае предполагалась необходимость обязательного наделения освобожденных крестьян земельным участком, пусть даже очень маленьким. В данном случае процесс освобождения от крепостной зависимости должен был растянуться на годы, и даже десятилетия, и за это время земледельцы должны были бы (с той или иной долей помощи властей) выкупить свою личность и участок земли. Проекты безземельное освобождения, предлагаемые, как правило, иностранцами, предполагали немедленное дарование личной свободы, без каких-либо четко оговоренных законом дальнейших прав и обязанностей бывших крепостных крестьян и их бывших владельцев. Правда, для проведения такой реформы требовалась некоторая подготовка. Этот путь был близок к европейскому варианту освобождения крестьян, поэтому неудивительно, что правительство Александра I воспользовалось этим способом для освобождения остзейских крестьян, но в то же время не могло ни под каким предлогом распространить это положение на всю страну.

Подавляющее большинство проектов освобождения крестьян остались на бумаге, и почти все правительственные мероприятия, затрагивающие положение крепостных крестьян собственно в России, оказались неудачны. Фактически, правительство Александра I не смогло провести ни одного указа, каким-либо образом ограничивающего права помещиков на их крестьян. Напомним, что единственный до конца доведенный указ «О вольных хлебопашцах» носил ис-

ключительно рекомендательный характер. О причинах такого положения существует несколько мнений. В историографии наиболее распространенной точкой зрения было утверждение, что Александр во второй половине своего царствования «обратился к реакции», разочаровавшись в реформах. Другие писали, что Александр I и не собирался проводить серьезных реформ, а лишь «заигрывал с либерализмом», для того чтобы «достойно выглядеть» перед Западом и удовлетворить свои собственные амбиции. Наконец, некоторые современные авторы утверждали, что крестьянская реформа не удалась, так как готовилась втайне, кулуарно, и образованное общество не принимало участия в разработке и обсуждении преобразования в этой сфере. Однако, как мы видим, факты противоречат этим теориям. По нашему мнению, крестьянская реформа не удалась по следующим причинам. Во-первых, проведение кардинальных изменений в положении крестьян, возможно, было только в рамках масштабной реформы всего государственного строя (как это было через пятьдесят лет). Причем об этом говорили сами же авторы проектов реформ, но они не слушали своего же совета. Во-вторых, необходимость крестьянской реформы не была оправдана экономически: у крепостного хозяйства были еще достаточно мощные ресурсы для развития. Хотя в перспективе крепостничество и отсутствие рынка труда отразились на российской экономике и обусловили ее отставание, но тогда это невозможно было спрогнозировать. В-третьих, реформы в России всегда носили «персональный» характер: их проводил конкретный реформатор, с помощью ближайшего к нему окружения. Александр I в силу многих причин не смог им стать, но и не позволял никому реально возглавить проведение реформ. Наконец, проведение крестьянской реформы встретило очень сильное противодействие как со стороны образованных консерваторов, вполне разумно и логично аргументирующих слабые стороны планируемых преобразований, так и «господ простаковых», боявшихся потерять власть над «крещеной собственностью».

Там не менее, все мероприятия касающиеся положения крепостных крестьян, проводимые при императоре Александре I, не прошли бесследно. В первой четверти XIX века был четко поставлен вопрос о необходимости отмены крепостного права как крайне негативного, хотя и неизбежного явления российской действительности. Было создано немало проектов по отмене крепостного права, которыми в дальнейшем воспользовались реформаторы середины века. От крепостной зависимости было освобождено, правда, с оговорками, остзейское крестьянство. Указом «О вольных хлебопашцах» было законодательно закреплено правило выхода крестьян из крепостной зависимости по взаимной договоренности с помещиком, и был определен статус выкупившихся крестьян.

Фактически с самого начала правления Александра I крестьянский вопрос не снимался с повестки дня. Можно сказать, что реформа 1861 года была подготовлена, в том числе, и благодаря тем проектам и преобразованиям, которые проводились в первой четверти XIX века. Тема крепостничества и необходимости реформирования и отмены крепостного права была одной из основных для либерально настроенных государственных общественных деятелей, и стала необходимой составной частью либеральной общественно-политической доктрины.

III ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

1. Экономическая составляющая Российского либерализма: становление и первые шаги

Становление и развитие либеральной общественно-политической доктрины базировалось не только на политических, но и экономических преобразованиях. Еще со второй половины XVIII века разработка экономического направления стала необходимой составной частью общеполитической доктрины, как в Европе, так и в России. Как известно, XVIII век был временем создания макроэкономических программ А. Смита, Д. Рикардо и физиократов, определивших не только собственно экономическое развитие ряда европейских стран, прежде всего Англии и Франции, но и оказавших огромное влияние на формирование либерального общественно-политического направления в этих странах. В России этот процесс, с рядом национальных особенностей, также имел место.

Первоначально экономическая политика российского государства проявлялась в издаваемых властью торговых уставах и таможенных тарифах. Еще в середине XVII века с принятием торговых уставов 1653 и 1667 годов, в которых были отменены торговые привилегии английских купцов и установлена единая пошлина с иностранцев в размере 5%, впервые можно рассмотреть четкое направление в государственной политике: поворот к меркантилизму. Время Петра I стало периодом наибольшего воздействия государственной власти на экономику. Власть, несмотря на максимальное распространение всевозможных льгот для иностранцев, сделала попытку и экономически поддержать собственных товаропроизводителей. Так, введенный в 1724 году таможенный тариф поставил размер пошлин с иностранных товаров в прямую зависимость от способности отечественных производителей удовлетворить потребности внутреннего рынка. В том же году Иваном Посошковым был создан первый известный трактат по экономике «Книга о скудности и богатстве».

И все-таки данные экономические мероприятия и работы носили частный характер и слабо отражались в реальной экономической политике. Ситуация изменилась во второй половине XVIII века, когда и в Европе, и в России власти стали понимать, что для успешного развития экономики в государстве частными мерами, например, только регулированием таможенных пошлин, не обойтись. Этому в немалой степени способствовала философия Просвещения, в рамках которой вопросы экономики, перспективы экономического развития занимали не последнее место. На формирование отечественной либеральной общественно-политической мысли огромное влияние оказало учение Адама Смита и французских физиократов.

Становлению отечественной экономической мысли способствовало также развитие нашей страны в целом во второй половине XVIII века. Во время правления императрицы Екатерины II в стране наблюдался экономический подъем. Не менее чем на 40% увеличилось число фабрик; в торговле и промышленности были сняты стеснительные ограничения; экспорт возрос с 13 до 57 млн. рублей, импорт – с 8 до 39 млн. рублей, то есть имел место активный торговый баланс¹²⁸. Что интересно, иностранцы, работавших или живших тогда в нашей стране, также отмечали достаточно высокий экономический потенциал России. А. Шторх, автор многотомного статистического исследования о России, писал, что «может быть в мире нет государства, где внутренняя торговля была бы подвержена меньшему числу ограничений и препонов, чем в России»¹²⁹. В 1774 году на заседании английской палаты общин было заявлено, что без русского полотна, ввозимого в Англию, бедные классы обойтись не смогут, и что сырые материалы, получаемые из России «сущностно необходимы» для английского флота и английской торговли¹³⁰. Нуждалась в русских товарах и Франция. Посол этой страны Л.Ф. Сегюр приложил немало усилий, чтобы добиться составления договора о непосредственной торговле России и Франции без английского посредничества¹³¹. Такой договор был подписан в конце 1786 года. Достаточно высоко иностранцы характеризовали и русскую промышленность. Шторх отмечал, что в XVIII веке

«возникло множество новых фабрик и мануфактур, из которых многие превосходно процветают, дух индустрии распространяется повсеместно в самых отдаленных частях огромного государства»¹³². Весьма лестно о русской промышленности отзывался француз Левек, что особенно ценно при общем достаточно негативном взгляде этого автора на российскую действительность. Он писал: «... Русская шерсть была слишком груба, чтобы можно было фабриковать из нее тонкие сукна, но некогда [в России – Н.К.] получали все сукно для обмундирования войск, а теперь иностранцы начали сами получать его из фабрик этой страны»¹³³.

Однако подъем промышленности, к сожалению, не сопровождался столь же успешным развитием финансовой системы страны. В начале правления Екатерины II финансы находились в весьма плачевном состоянии: при вступлении императрицы на престол Сенат ей доложил, что необходимо произвести неотложных расходов на 15 млн. рублей, а казна – пуста. Императрица все время своего правления пыталась стабилизировать финансовую систему страны. Первоначально принимаемые меры были достаточно успешными. Снижение налога на соль привело к резкому увеличению ее потребления и, соответственно, к увеличению доходов казны. Кроме того, при Екатерине II при помощи ассигнационного банка был начат в 1769 году выпуск бумажных денег, то есть был сделан своего рода внутренний заем. К сожалению, в течение правления императрицы курс ассигнаций по отношению к серебряному рублю все время падал и концу царствования был менее 70 копеек. Весьма негативные последствия имело достигшее при Екатерине II просто небывалых размеров казнокрадство на всех уровнях, а также тот факт, что императрица была щедра на подарки для своих фаворитов.

Достаточно бурное экономическое развитие страны и, в то же время, постоянные финансовые проблемы, с которыми сталкивалось правительство Екатерины II, заставило власть задуматься о создании своего рода экономической программы развития страны. Тем более, что к этому времени в России начали распространяться философско-экономические идеи А. Смита и физиократов.

Учение А. Смита получило распространение в России благодаря деятельности С.Е. Десницкого, который был его учеником. В основе теории происхождения власти и государства у А. Смита лежала идея о роли собственности, экономических отношений между людьми, как универсальных, справедливых и необходимых для любого государства. Основой политико-экономической системы С.Е. Десницкого стала концепция о четырех состояниях рода человеческого, из которых «первоначальными почитаются состояния народов, живущих ловлей зверей и питающихся плодами, самородящимися в земле; вторым – состояние народов, живущих скотоводством и пастушеством, третьим – хлебопашеское, четвертым и последним – коммерческое». Критерием деления у Десницкого выступает экономическое развитие: «по оным четвертям народов состоянием мы должны выводить их историю, правление законы и обычаи и измерять их различные представления в науках и художествах». В современном Десницкому обществе большинство народов, как он считал, находятся «в коммерческом состоянии», так как «художества и рукоделия начали производиться особливими и нарочительными мастерами»¹³⁴.

Определенное влияние как на экономическую мысль, так и на реальную политику России оказала французская школа физиократов. Труды ее представителей практически не издавались в России, но многие российские аристократы были знакомы с ними, так как получали образование за границей. Главой школы физиократов был, как известно, Ф. Кенэ, а наиболее известными сторонниками – А. Тюрго и Ж. Неккер. По мнению физиократов, главным и единственным источником богатства должна быть земля и только земледелие должно богатство умножать. Именно по отношению к земледелию можно разделить общество на «три класса граждан»: производительный класс (земледельцев, которые создают чистый продукт); класс собственников (землевладельцы, чиновники и т.п.) и бесплодный класс (торговцы, ремесленники и т.п.). Для успешного развития экономики необходимо, прежде всего, с помощью корректировки налогообложения поощрять производительный класс, что должно привести к экономическому процветанию.

Русским последователем учения физиократов был Дмитрий Алексеевич Голицын¹³⁵, екатерининский посол в Париже. Его взгляды на необходимые экономические закономерности раз-

вития любого, в том числе и Российского государства нашли отражение в капитальном труде, названном автором «О духе экономистов, или экономисты, оправданные от обвинения в том, что их принципы легли в основу Французской революции»¹³⁶. Исходя из названия видно, что Голицына побудило написать ее желание опровергнуть начавшее распространяться тогда мнение, что именно учение физиократов (или экономистов, как они сами себя называли), стало причиной Великой Французской революции. Естественно, он не ограничился только доказательством этой идеи, но и высказал собственное мнение о необходимом для процветания страны пути экономического развития. Кроме бушевавшей во Франции революции написать данную книгу Голицына заставило достаточно сложное экономическое положение в самой России.

По мнению Голицына, для процветания страны, роста ее богатства и культуры, необходимо всячески поддерживать земледелие. Для этого, прежде всего, следует повысить производительность труда, что возможно сделать только предоставлением личной свободы и права собственности непосредственному производителю. Причем наиболее важным здесь является именно собственность: «свобода распоряжаться избытками или, точнее, богатством, является движущей причиной плодородия полей, разработки недр, появлением изобретений, открытий и всего того, что может сделать нацию цветущей»¹³⁷. Иными словами, Голицын советовал четко определить, то такое «собственность» и в обязательном порядке закрепить право собственности за непосредственными землепользователями, то есть государственными и крепостными крестьянами.

Безусловно, проблема крепостничества и крепостного права постоянно поднимались авторами различных проектов реформ, в том числе и по вопросам экономического развития нашей страны как в конце XVIII века, так и в первой четверти XIX века. Однако верховной власти в начале XIX века не удалось провести даже закон о запрещении продажи крестьян без земли и в розницу, поэтому говорить о ближайшей отмене крепостного права не приходилось. Кроме того, критические замечания консерваторов, противников отмены крепостничества заставили задуматься либералов, сторонников отмены или хотя бы ограничения крепостного права о ее экономической целесообразности. Тем не менее, экономика как в России, так и за рубежом не стояла на месте, и властям необходимо было решать, каким образом способствовать этому развитию, не затрагивая проблем крепостного состояния крестьян.

Император Александр I, вступив на престол, получил в наследство далеко не процветающую в экономическом отношении страну. Многие проблемы, прежде всего, финансовые, стоявшие еще перед Екатериной II, а затем Павлом I, так и не были решены. Причины здесь следующие: постоянные войны, отсутствие единой экономической политики и, главное, отсутствие понимания в необходимости специальной экономической политики. Единичные, бессистемные меры, предпринимаемые правителями России, зачастую просто не могли привести к какому-либо прогнозируемому результату.

В начале своего царствования Александр I отменил ряд ограничительных мер Павла I, в первую очередь, снял эмбарго и восстановил нормальные торговые отношения с Англией. Также в полном мере был восстановлен запретительный тариф 1797 года. Благодаря этим мероприятиям, курс ассигнаций заметно возрос (с 50, как был в конце правления Павла, до 80 копеек за серебряный рубль), но этого было явно недостаточно, чтобы стабилизировать экономику.

Вопросы экономических преобразований, как и иные вопросы текущей политики, рассматривались первоначально на заседаниях «Негласного комитета», а затем перешли в ведение министерства внутренних дел, первым которое возглавил В.П. Кочубей. В отчетном докладе за 1803 год он изложил основные принципы внутренней политики нового царствования, в том числе и по экономическим вопросам. В своем докладе Кочубей указал, что «земледелие в собственном смысле не может быть предметом управления. Приемля начало свое в необходимости и частной пользе, оно возникает, растет и усиливается теми же частными и личными побуждениями. Правительство не может действовать в сей части непосредственно: оно должно ограничить себя теми распоряжениями, кои вообще принадлежат к благоустройству, к удобствам сообщения и торговле и к ограждению собственности действием правосудия». Иными словами, Кочубей изначально подчеркнул, что правительство не должно напрямую вмешиваться в эконо-

мику. Однако оно должно «иметь об успехах земледелия сколь можно вероятнейшие примерные сведения, очищать с пути его все препятствия, ему представляющие, обращать внимание частных лиц на некоторые его отрасли, менее других известные, в сем состоят главные начала, принятые в управление сей части, и с сей только стороны земледелие относится к предметам экспедиции хозяйства». Далее министр внутренних дел развивает свои мысли совершенно в духе французских физиократов, классиков либеральной экономической мысли: «Пространство земли, несоразмерное числу жителей, и сравнительное состояние удобностей нашей торговли с другими народами, запрещает нам думать о предпочтительном благоприятстве фабрики над другими отраслями труда народного. Тщетны все умствования против истины сей от мнимого недостатка земли и прочих сообразностей заимствованные. Опыт всех государств доказывает, что фабрики, особенно фабрики роскошных и утонченных произведений, там только на твердом основании существовали, где был избыток рук. Россию природа и все обстоятельства призывают предпочтительно к земледелию»¹³⁸. Все эти выводы поддерживал и одобрял император, однако и Александр I, и Кочубей прекрасно понимали, что успехи в сельском хозяйстве не смогут напрямую способствовать экономической стабилизации. Для поддержки курса рубля, особенно в то время, необходимо было стимулировать развитие торговли и, прежде всего, внешней.

Программа правительства по вопросам внешней торговли была представлена тогда же министром коммерции Н.П. Румянцевым. В своем докладе он указал, что «три правила входят в попечение об изобилии торга: 1) уменьшение числа привозных товаров не запрещением или стеснением каким, а выделением того же рода оных внутри государства; 2) умножение товаров отпусковых, чего иначе и достичь невозможно, как отвращением внутренних неудобств и помех, и разведыванием, в какой чужой стране можно им открыть новое поприще; 3) распределение транзита». Румянцев предлагал пересмотреть таможенный тариф 1797 года в сторону снижения пошлин на ввозимые товары¹³⁹. То есть он предлагал ослабить государственное вмешательство в экономику в духе европейского фритредерства. Однако в Российской империи наибольшую выгоду от уменьшения таможенных пошлин получили бы помещики, которые экспортировали за границу зерно и другие продукты сельского хозяйства, а не промышленники и мануфактуристы. Кроме того, таможенные платежи были достаточно весомой частью бюджета страны, поэтому любые изменения в этой сфере требовали тщательной подготовки. Вполне логично, что после подставленного доклада, анализ тарифной политики и был поручен Н.П. Румянцеву.

Министр коммерции в течении двух лет собирал материал по вопросу таможенного тарифа и 30 сентября 1804 года представил Александру I записку «О разуме тарифа». В этой записке Румянцев указал два возможных направления реформирования таможенного тарифа. В рамках первого предполагалось увеличить государственный доход без дополнительных затрат на развитие торговли. По второму – отрегулировать импорт товаров в зависимости от потребностей внутреннего рынка «в виду прямого государственного расчета, когда привозные вещи, будучи необходимы и никем не заменяемы, или становясь со своими в соперничестве, стесняются налогом»¹⁴⁰. Таким образом, в представленной записке Н.П. Румянцев предлагал значительно снизить таможенные пошлины и установить единую для всех товаров тарифную ставку в 20%. Это при том, что на ряд товаров в то время пошлина была 50%, 100%, а на некоторые предметы роскоши – 130%. Министр коммерции считал, что тариф в 20% был бы вполне достаточен для нормального развития отечественной промышленности. При этом он подчеркивал, что если некоторые предприятия не выдерживают конкуренции, то и охранять их деятельность не имеет смысла.

Для рассмотрения и подробного анализа записки министра коммерции Н.П. Румянцева была создан «Особый комитет по рассмотрению нового тарифа» в составе А.Б. Куракина (председатель), самого Н.П. Румянцева, министра финансов А.И. Васильева, министра внутренних дел В.П. Кочубея, товарища министра внутренних дел А. Чарторижского, члена Непременного совета А.Я. Будберга и Северина-Потоцкого¹⁴¹. Члены комиссии в общих чертах согласились с предложениями Румянцева. Было решено товары и сырье, которые имелись в стране в достаточном количестве, обложить высокими пошлинами; товары и сырье, которых в России мало или

нет совсем – низкими; а для машин и различных механических приспособлений установить и вовсе беспошлинный ввоз.

Таким образом, названный комитет подошел к проблеме тарифа «по-европейски». Фактически его члены, за исключением председателя, предлагали провести в России таможенные преобразования в духе Адама Смита и фритредерства. Однако базовые постулаты европейского либерализма, проповедовавшие свободу торговли и низкие таможенные пошлины, в нашей стране были не выгодны мануфактуристам, которые не могли на должном уровне конкурировать с Западом. Объективно подобный таможенный тариф был выгоден, главным образом, помещикам, экспортирующим за границу продукты сельского хозяйства. Тем не менее власть тогда больше доверяла европейским теориям, чем реальной практике, поэтому новый тариф в 1805 году был утвержден. Однако вступить в силу он не успел, так как Россия вступила в войну. Более того, правительство вынуждено было принять ряд мер для поддержке отечественных купцов и промышленников, а права иностранцев были значительно урезаны. Так, 20 июля 1806 года был разрешен беспошлинный ввоз машин для сельского хозяйства и промышленности; 16 января 1807 года принят указ о льготах для промышленников, занятых на выплавке чугуна и меди; 1 июня и 23 июля указами предоставлялись денежные ссуды купцам при основании суконных фабрик. В свою очередь иностранным купцам было запрещено записываться в российские купеческие гильдии и заниматься на территории Российской империи розничной торговлей.

2. План финансов М.М. Сперанского

Серия реформ, прежде всего в сфере просвещения, открытие новых университетов, участие России в войне против Франции, и особенно континентальная блокада окончательно расстроили финансовую систему нашей страны. Так, в 1808 году доходы казны были равны 111 млн. рублей ассигнациями, а расходы – 248 млн. рублей ассигнациями. Дефицит покрывался исключительно выпуском новых ассигнаций, что привело, естественно, к резкому падению курса: к концу 1809 – до 35 коп. серебром за одну рублевую ассигнацию, а к концу 1810 – до 20 коп.¹⁴². Страна оказалась на грани банкротства.

М.М. Сперанский, вышедший тогда на политическую арену, одним из первых поставил вопрос о необходимости комплексных экономических преобразований. В день открытия Государственного совета 1 января 1810 года он представил императору подготовленный им план финансовых преобразований. Несмотря на то, что данный документ был написан непосредственно по поручению императора, Сперанский давно задумывался о необходимости экономических реформ как необходимого условия реформ политических. Сохранилось несколько черновых набросков М.М. Сперанского, посвященных экономическим проблемам. Он одним из первых заметил, что существует прямая связь между «силой правительства» и финансовой стабильностью в государстве¹⁴³. Для того, чтобы достичь финансовой стабильности необходимо проводить продуманную государственную политику в сфере торговли и промышленности. В ряде набросков Сперанский выстроил некую модель экономического развития. Он писал, что «потребляемый товар самим потребителем его производит новую потребность, следовательно, рождает новый труд, питает промышленность»¹⁴⁴. В свою очередь, «дух промышленности есть дух предприятий, основанных на расчете вероятностей [т.е. прибыли – Н.К.]. Он предчasten к расчету и нечувствительно вдается во все классы во все соображения жизни. Расчет становится постоянным, и, понятно, постепенно объемлет весь уровень состояний»¹⁴⁵. Отсюда суть экономического развития заключается в том, что происходит накопления капитала, «когда нация, покупая на деньги в одном месте, продает на деньги же, но с большей выгодой [в другом – Н.К.]», образуя, таким образом, «выгоду» или, как позднее назовет К. Маркс, прибавочную стоимость¹⁴⁶.

Исходя из вышесказанного понятно, что работа и составление М.М. Сперанским «Плана финансов» не являлась чем-то экстраординарным. План состоял из двух частей: характеристики финансового положения на 1810 года, схемы необходимых действия для стабилизации этого положения, а также программы долгосрочных мероприятий¹⁴⁷.

Во введении к первой части документа Сперанский подробно анализирует причины финансового кризиса в стране. Они довольно очевидны: резкое падение курса ассигнаций и невыгодный торговый баланс. Он писал: «Государство наше вступает в 1810 год с 577-ю млн. внутреннего долга, составлявшегося в ассигнациях. Присоединив к сему около 100 млн. долгу иностранного, масса долгов наших составляет около 677 млн. рублей. Расходы наши в 1810 году составят не более 193 млн. рублей, а все доходы простираются с предлагаемыми налогами до 127 млн. рублей. Недостаток составляет более 65 млн. рублей». Выпуск новых ассигнаций для покрытия этого бюджетного дефицита только увеличит финансовую проблему, а не решит ее. Поэтому прежде всего, указывал Сперанский, необходимо прекратить выпуск ничем не обеспеченных бумажных денег, а уже выпущенные ассигнации официально признать государственным внутренним долгом.

После чего следует принять серию мер по их постепенному выводу из оборота. Главная проблема здесь заключалась в том, что для этой операции необходимы были немалые средства. М.М. Сперанский предложил следующие финансовые источники реформы. По его мнению, необходимо было до минимума сократить государственные расходы, в том числе, например, воздержаться от строительства новых школ. Далее, он считал необходимым произвести внутренний заем под залог государственных имуществ и рассмотреть возможность продажи его части, главным образом, казенных земель. Однако эти меры были явно недостаточны, да и результаты их внедрения в жизнь не могли проявиться сразу, поэтому Сперанский предложил ввести целевой временный налог, собираемый специальной комиссией, исключительно для выкупа излишних ассигнаций, а также произвести единовременный сбор с помещичьих и удельных имений по 50 коп. с души. Наконец, чтобы все предложенные меры привели к положительным результатам необходимо было установить должный контроль за денежными потоками, а также за целевым использованием дополнительно полученных средств. Для этого Сперанский предложил сделать открытой финансовую политику государства. Другими словами, установить строгую отчетность и гласность введении государственного хозяйства.

Однако Сперанский понимал, что падение курса ассигнаций было лишь одной из причин финансового кризиса. Второй причиной кризиса стали последствия континентальной блокады и невыгодный для российской экономики таможенный тариф. Сперанский остроумно заметил, что, предлагая России континентальную систему Наполеон предполагал разорить Англию, а не Россию, поэтому они вместе с Мордвиновым разработали концепцию нового таможенного тарифа, который был введен в 1810 году. По новым правилам русские гавани объявлялись открытыми для всех судов под нейтральными флагами, вне зависимости от того, товары какой страны они привозили. Естественно, одними из первых этим воспользовались англичане, отправив свои суда под тенерифским флагом. Кроме того, по новому тарифу был запрещен ввоз в Россию предметов роскоши, а многие иностранные промышленные изделия были обложены высокими таможенными пошлинами.

Меры, предложенные М.М. Сперанским, были направлены на достижение немедленных результатов по стабилизации экономики, что, отчасти, и было сделано. Тем не менее, эти успехи не снимали потребности в разработке долговременной экономической программы, определяющей экономическую доктрину страны в целом.

Тем не менее, анализируя предложения М.М. Сперанского, становится очевидным, что они едва ли могли быть эффективными и реально стабилизировать финансы страны. Достаточно ясно, что первая из предложенных мер прямо противоречила третьей. По сути дела, названные мероприятия были направлены на борьбу с казнокрадством и непрактичной тратой государственных средств. С этим пытался бороться еще император Павел I, причем весьма безуспешно.

Тем не менее ряд финансовых мероприятий, направленных на стабилизацию ситуации, был проведен. 2 мая 1810 года был принят указ о продаже части казенных имуществ для покрытия ассигнационного долга¹⁴⁸. Однако этого было явно мало для финансовой стабилизации. В рамках стабилизационных мер Сперанский предложил организовать центральный акционерный банк с правительственной долей акций не менее 1/3. Целью деятельности данного банка должно было стать кредитование для содействия развитию торговли и промышленности. Причем

Михаил Михайлович указывал, что поддерживать необходимо частные промышленные предприятия, а казенные, особенно малоприбыльные, продать в частные руки.

Министр финансов Д.А. Гурьев, недолголюбивавший лично Сперанского, высоко оценил предложенные им мероприятия: «План финансов, [...] заключаая в полном виде все части, до сего предмета относящиеся, основан на совершенной теории экономии политической и может служить верным руководством к введению правильной системы управления нашими финансами»¹⁴⁹. Именно, согласно предложениям М.М. Сперанского и развивалась дальнейшая экономическая политика.

3. Экономическая политика правительства Александра I во втором десятилетии XIX века

Несмотря на все негативные последствия континентальной блокады для дестабилизации финансовой ситуации в стране, причина экономического кризиса была не только в этом, да и проявляться он начал еще в конце XVIII века. Несоразмерность доходов и расходов, отсутствие экономических приоритетов в деятельности государства, а также осознание необходимости долговременной экономической программы для стабильного развития государства – все это и породило кризис.

В целях стабилизации положения прежде всего необходимо было создать максимально благоприятные условия для развития отечественной промышленности. Для обеспечения этого в 1810 году правительство Александра I устанавливает строго запретительный, протекционистский таможенный тариф, по которому резко повышались пошлины на ввозимые в Россию товары. Инициатором введения данного тарифа был Осип Петрович Козодавлев, товарищ министра внутренних дел, возглавивший с 28 января 1811 года это министерство¹⁵⁰. Свою позицию по вопросам экономического развития России О.П. Козодавлев высказал в составленном им в 1810 году по поручению императора Александра I проекте учреждения Министерства внутренних дел и наказе этому министерству.

По мнению Козодавлева, главной задачей Министерства внутренних дел должно быть распространение «поощрения в земледелии и промышленности», потому что экономическое процветание России, как он считал, возможно лишь при постоянной и энергичной поддержке правительства в этой сфере. Поэтому основными департаментами при данном министерстве должны стать хозяйственный департамент, департамент мануфактур и внутренней торговли. Главной заботой хозяйственного департамента должна быть разработка системы мер для поднятия сельского хозяйства. В первую очередь необходимо бороться с невежеством, распространяя просвещение по вопросам ведения хозяйства. Департамент мануфактур и внутренней торговли должен вести учет действующих в Российской империи мануфактур, собирать данные и информировать промышленников о новых изобретениях и открытиях, а также, в случае необходимости, субсидировать их сырьем и деньгами. При этом Козодавлев подчеркивал, что правительство ни в коем случае не должно строго предписывать, как необходимо вести хозяйство или руководить мануфактурой, а только лишь рекомендовать, как лучше получить хорошую прибыль. Автор проекта подчеркивал, что излишний и мелочный надзор и контроль могут только повредить экономике.

Надо сказать, что введение в 1810 году покровительственного таможенного тарифа оказалось весьма своевременным. В результате колоссальных затрат, потребовавшихся на Отечественную войну и заграничные походы в 1812-1813 годах, финансовая ситуация в стране оказалась в крайне плачевном состоянии. Краха удалось избежать во многом благодаря тому, что все это время во внешней торговле сохранялся активный торговый баланс: ввозили товаров на 88700 тыс., а вывозили – на сумму 147 млн. рублей. Так, в середине 1812 года, весьма сложного в политическом положении для России, когда всю шла Отечественная война, русско-английская торговля набирала обороты через порты Архангельска и Петербурга, кроме того, курс рубля на лондонской бирже неуклонно рос в течение всего года, причем был особенно высок во время вступления Наполеона в Москву¹⁵¹!

Именно эти успехи позволили правительству Александра I задуматься о возможном возвращении к более либеральному свободному таможенному тарифу. Инициатором этого, а также главным оппонентом Козодавлева был граф (с 12 декабря 1819 года) Дмитрий Александрович Гурьев. Он был сторонником свободы торговли и фритредерства, поэтому он был против покровительственного таможенного тарифа. Однако в 1813 году это было явно преждевременно и вопрос был отложен. К нему вернулись вновь в 1815 году: год триумфа России на международной арене, финансовой стабилизации и начала реального выхода из экономического кризиса, вызванного войной.

Летом этого же года была создана комиссия по разработке нового таможенного тарифа. В этой комиссии разгорелись нешуточные споры между министром финансов Гурьевым и министром внутренних дел Козодавлевым

О.П. Козодавлев представил обстоятельную записку «Мнение министра внутренних дел о проекте нового тарифа». Козодавлев напомнил, что введение протекционистского таможенного тарифа в 1810 году было вызвано не только негативными последствиями континентальной блокады, но и рядом глубинных причин, корни которых уходят в экономическую политику России еще в начале XVIII века. Он подробно рассказывает, что со времен Петра I тарифная политика царского правительства строилась на системе ограничения ввоза зарубежных товаров: «запрещение [ввоза] иностранных мануфактурных изделий было издавна принято правительством за постоянное правило» и «следственно, не есть ложное начало, противное здравой теории и опытам... А здравая теория принимает за неоспоримое начало, что чем менее государство принуждено для удовлетворения своих потребностей заимствовать оные у других и чем более, следственно, необходимых вещей производить собственным трудом, тем оно богаче и независимее». Далее Козодавлев по пунктам доказывал крайнюю невыгодность введения свободного таможенного тарифа. Первое, он подчеркнул, что Европа не представляет собой «одно государство», как это многим могло показаться в свете достаточно слаженной коалиции против наполеоновской Франции. В реальности же «каждое государство находится в непосредственной или относительной противоположности с другими». Второе, «величайшее благо государства есть его независимость», которая должна обеспечиваться не только военной силой, сколько развитием промышленности. Третье, все государства стремятся обеспечить независимость своей промышленности и «наше правительство с древних времен поступало также». Четвертое, глубочайшим заблуждением является утверждение, что «наша промышленность разовьется в конкуренции с иностранной». Иностранные изделия, как известно, дешевле и выше качеством. Пятое, высокие пошлины не остановят полностью ввоз зарубежных товаров, а сделают его тайным, что не раз уже бывало. С этим бороться пока не получается, поэтому конкуренция все равно будет существовать. Шестое, Россия не является земледельческой страной и поэтому развитие промышленности для нее жизненно необходимо. Последнее, седьмое, запрещение ввоза иностранных товаров послужит стимулом для накопления капиталов в стране, которые в дальнейшем, возможно, будут использованы для развития отечественной промышленности¹⁵². Именно исходя из этих соображений, Козодавлев настаивал на запретительном таможенном тарифе.

Аргументы Козодавлева были далеко не бесспорны, чем и воспользовались его оппоненты. В пользу его предложений говорили, прежде всего, реальные цифры развития экономики страны и темпы роста производства. Например, в 1804 году в стране было 7 сахарных заводов, в 1812 – 30, в 1814 – 51. Кроме того, Козодавлев напомнил, что условия развития промышленности во всех государствах различное. На развитие российской экономики, безусловно, влияет крепостное право и, как следствие, практически полное отсутствие рынка рабочих рук. Поэтому нельзя ставить русского и, например, английского мануфактуриста в равные условия при реализации товаров, так как у них изначально неравные условия его производства.

Против запретительного тарифа в то время оказались два весомых фактора. Во-первых, на Венском конгрессе император Александр I фактически пообещал союзным державам открыть границы своей страны для иностранных товаров. Во-вторых, ярким сторонником свободного тарифа был Д.А. Гурьев, пользовавшийся тогда поддержкой всемогущего А.А. Аракчеева. Тем не менее, позиция и аргументы О.П. Козодавлева были учтены, и 1816 году был принят компро-

мисный вариант таможенного тарифа. В первую очередь были снижены пошлины на ввоз сырья, которое не вырабатывалось в России, а также были отменены все существующие запреты на ввоз иностранных товаров. Первоначально данный тариф не отразился на развитии отечественной промышленности, поэтому правительство пошло не еще большую либерализацию внешней торговли. В 1819 году принимается новый таможенный тариф, существенно снизивший пошлины на ввозимые товары и сырье. Это сразу сказалось на развитии фабрик и мануфактур. Так, из существующих 51-го сахарного завода 22 были закрыты. Поэтому уже в 1820 году вновь были введены некоторые ограничения: повышены пошлины на шелковые и набивные ткани, сахар и некоторые другие товары. В 1822 году был снова введен запретительный тариф.

Несмотря на то, что тарифная политика во многом определяла направление в развитии экономики, необходима была и программа, направленная на помощь в развитии промышленности. Еще в 1811 году на заседании Государственного совета императором был поставлен вопрос о необходимости увеличения капиталовложений в промышленность. Тогда еще товарищем (заместителем) министра внутренних дел О.П. Козодавлевым было сделано предложение об отделеении капиталов, направляемых на поощрение развития промышленности, от денежных средств, предназначенных для других целей. Напомним, что отечественная промышленность во многом создавалась за государственный счет или для обслуживания государственных нужд. Например, тот же Козодавлев в одной из своих записок от 1813 года сообщал императору, что «ощутительный недостаток [в сукне – Н.К.] произошел от разорения неприятелем некоторых суконных фабрик...»¹⁵³. Это случилось, потому что поставкой сукна для армии занимались Павловская суконная фабрика в Московской губернии, Екатеринославская и Глушковская фабрики князя Долгорукого в Рязанской губернии и др. Именно поэтому Государственный совет поддержал О.П. Козодавлева и согласился с необходимостью выделить капиталы для поощрения развития промышленности. 27 января 1811 года Александр I своим указом утвердил предложение Государственного совета¹⁵⁴. Однако одного этого шага было явно недостаточно. Необходимо было разработать программу или план как текущего, так и перспективного экономического развития страны. Тогда, в 1811 году, а тем более в последующие Отечественная война, политические и внешнеполитические проблемы заслонили вопросы реформирования в экономической сфере. Применительно к указанному времени со стороны императора такого задания никому не было дано, а, следовательно, нет и цельной программы экономических преобразований. Тем не менее, определенный вклад в развитие экономической мысли России применительно к данному времени внесли работы, главным образом публицистические, О.П. Козодавлева.

Выше уже было отмечено, что О.П. Козодавлев был незаурядной личностью. Он был одним из немногих высших государственных деятелей, понимающих важность и необходимость стимулирования экономического роста в стране. Вполне можно утверждать, что он придерживался либеральных взглядов по вопросам государственного устройства. Так, еще в 1787 году Козодавлев, будучи членом «Комиссии об учреждении училищ», составил проект учреждения университетов в России, согласно которому доступ в университеты должен быть открыт всем желающим, «без всякого различия сословий». Козодавлев считал, что перед лицом науки «несвободные люди становятся свободными»¹⁵⁵. Кроме того, современники прозвали его «новым Гракхом», что говорит само за себя¹⁵⁶.

О.П. Козодавлев не составил единую, цельную программу по вопросам экономического развития. Однако представление о его взглядах можно составить по дошедшим до нас работам Козодавлева и публицистического, и юридического характера. Тем более что, занимая в течение многих лет высшие государственные посты, в том числе и более 8 лет будучи министром внутренних дел, он имел возможность реально участвовать в формировании правительственного курса и воплощать в жизнь свои идеи. Его взгляды нашли свое отражение в газете «Северная почта», официальном органе Министерства внутренних дел, бессменным редактором которой он был с 1809 года до смерти, а также в ряде проектов государственных преобразований.

Козодавлев считал, что правительство не должно пускать на самотек развитие промышленности в стране, тем более что большая часть мануфактур обеспечивает государственные нужды. Однако поддерживать и поощрять в развитии необходимо только те предприятия, кото-

рые работают на отечественном, а не на привозном сырье. К таким предприятиям он в первую очередь относил суконные, кожевенные, канатные, красочные и другие мануфактуры. Другими словами, он доказывал, что необходима выработка и проведение единой государственной политики в экономической сфере. Прежде всего, следует определить некие рычаги воздействия на предприятия для поощрения их развития или же наоборот, сдерживания в зависимости от государственных надобностей. Такими рычагами могли стать государственные субсидии конкретным предприятиям, а также создание системы льгот и привилегий. Козодавлев предложил учредить особые почетные награды для фабрикантов, такие как, например, пожалование звания мануфактур-советник, дарование ценных предметов мануфактуристам за наиболее успешное развитие собственного предприятия и т.п. Также много внимания было уделено необходимости поощрения разного рода изобретениям, пригодным для улучшения производства.

Одним из первых О.П. Козодавлев обратил внимание на проблему обеспечения фабрик и мануфактур как казенных, так и частных, рабочей силой. В свое время, в начале XVIII века, Петр I создал институт приписных крестьян, что первоначально сняло проблему обеспечения предприятий работниками при отсутствии рынка рабочей силы. Однако позднее, на рубеже XVIII-XIX веков стало ясно, что это порочная практика, и предприятия, на которых трудились приписные «рабочие», работали хуже, чем предприятия с вольнонаемной силой. Конечно, Козодавлев ни в коей мере не посягал на институт крепостничества, однако он указывал на необходимость расширения применения вольнонаемных рабочих на фабриках и мануфактурах. Козодавлев всегда поддерживал помещиков, желавших освободить своих крестьян по указу «О вольных хлебопашцах». Более того, он предлагал расширенно толковать данный закон. По его мнению, правительство не должно препятствовать помещикам, желающим освободить крестьян, даже если конкретная ситуация несколько выходит за рамки закона. Правда, его предложение в этом вопросе осталось не услышанным¹⁵⁷. Министр внутренних дел проявлял заботу и о вольнонаемных рабочих. В 1818 году предложил на рассмотрение в Государственном совете проект закона, предусматривающего освобождение рабочих от обязанности записываться в цеха. Он указывал, что это правило скорее стесняет рабочих, а не защищает их. В этом Государственный совет его поддержал: 31 августа 1818 года императором был издан соответствующий указ¹⁵⁸. Также цель более полного и беспрепятственного, по возможности, обеспечения предприятий рабочей силой преследовало предложение Козодавлева о замене для «фабричных крестьян» рекрутской повинности денежным взносом.

Выше уже говорилось, что Козодавлев был активным сторонником помощи отечественным промышленникам и некоторого ее ограждения от зарубежной конкуренции. При этом, однако, он считал, что внутри страны не должно быть никаких преград для торговой и промышленной деятельности. Причем, это должно было касаться всех аспектов хозяйствования: отсутствие внутренних преград в торговле, право беспрепятственно продавать частные предприятия, сдавать в аренду посессионные, право крестьян, помещичьих, казенных, удельных и вольных хлебопашцев, приобретать и основывать фабрики. Предложенный Козодавлевым проект предусматривал ряд правил для крестьян, желавших стать мануфактуристами. Во-первых, согласно данному документу организовать предприятие крестьяне могли не иначе, как с согласия помещика или контролирующих их чиновников. Во-вторых, они должны были получить специальные торговые свидетельства. Кроме того, крестьянам предоставлялась льгота по выплате пошлин: в течение 4-х лет после начала деятельности они освобождались ото всех платежей в казну. Этот проект получил силу закона 28 декабря 1818 года¹⁵⁹.

Итак, программа О.П. Козодавлева была направлена на создание системы оказания максимально возможной помощи со стороны правительства отечественным промышленникам, он был активным проводником политики протекционизма.

4. Проекты реформирования статуса государственных крестьян

Основными налогоплательщиками в стране были крестьяне и во многом от их благосостояния зависела экономическая ситуация в стране. О попытках реформирования крепостного

права уже говорилось. Не менее важным и актуальным в то время был вопрос о статусе государственных крестьян. Конечно, их положение было гораздо лучше, чем крепостных, поэтому вопрос о реформировании положения государственных крестьян стоял менее остро.

Окончательно государственные крестьяне были выделены в самостоятельную сословную группу при Петре I. Не будучи лично зависимы, как помещичьи крестьяне, они в то же время изначально не обладали какими бы то ни было гражданскими правами. Они также были связаны круговой порукой по выплате подушной подати, что находилось, в свою очередь, под бдительным контролем местной администрации. Переход государственных крестьян в другие сословия также был крайне затруднен. Так, чтобы перейти в купечество или мещанство государственным крестьянам было необходимо освободиться от всех долгов и недоимок, дождаться очередной ревизии, чтобы подтвердить это, после чего получить разрешение на переход в иное сословие губернатора, а затем Правительствующего Сената. При этом государственным крестьянам необходимо было доказать, что они «не оставляют впусе» землю и выплатить так называемый залог, равный трехгодичной подати. Иначе говоря, государственные крестьяне заключали своего рода договор с органами государственной власти, которые, кстати, могли отказать крестьянам перейти в иное сословие, и платили за это выкуп. Очень ограничено было передвижение государственных крестьян по стране¹⁶⁰. Наконец, государственных крестьян монарх мог пожаловать в частное владение и «вернуть» в казну, позднее, еще и обратить в военных поселян.

Повинности государственных крестьян мало чем отличались от повинностей крестьян помещичьих. Они платили государству продуктовую, отработочную или денежную ренту. Правда, первые две к началу XIX века в великорусских губерниях уже практически не встречались. Кроме того, на крестьян данной социальной группы были возложены и иные обязанности, такие как дорожная повинность по проведению и ремонту дорог, подводная – по перевозке казенных грузов и даже чиновников, строительная – по строительству всевозможных казенных зданий, постоянная и другие. Больше того, на государственных крестьян была возложена обязанность по конвоированию пересылаемых арестантов по территории их уезда. Наконец, они исправляли, наряду с другими податными сословиями, рекрутскую повинность. Для этого были созданы специальные рекрутские участки сначала по пятьсот, а потом по тысяче ревизионных душ¹⁶¹. Правда, государственные крестьяне могли почти официально откупиться от рекрутской повинности: крестьянин, у которого подошла очередь отбывать рекрутчину, мог купить так называемую зачетную квитанцию или выставить вместо себя «добровольца», тем самым освободившись от рекрутчины.

Итак, повинности государственных крестьян были достаточно велики и разнообразны, как и у крестьян помещичьих. Главное отличие состояло не в этом – они не находились в личной собственности частных лиц. Управляло и контролировало исправлением государственными крестьянами их повинностей государство в лице своих чиновников. Несмотря на существующий, в разных губерниях в разной степени произвол чиновников, личная жизнь государственных крестьян не подлежала мелочной регламентации, как помещичьих.

К началу XIX века управление государственными крестьянами было довольно сложным. По губернской реформе 1775 года, проведенной Екатериной II, полицейская, хозяйственная и судебная функции власти формально были разделены. Так, хозяйственные вопросы были отнесены к ведению Казенной палаты, которая назначала, в свою очередь, особых «директоров домоводства» для непосредственного управления на местах. Контрольно-полицейские функции были возложены на Нижний земский суд. Он избирался местным дворянством и был непосредственно подчинен губернатору и губернскому правлению. Этот орган должен был наблюдать за добросовестным исполнением крестьянами их повинностей, следил за их благонадежностью. Судебные функции были переданы вновь созданным особым крестьянским выборным учреждениям: Верхней земской расправе в губерниях и Нижней земской расправе в уездах. Эти суды имели права решать главным образом мелкие имущественные споры и мелкие кражи. Таким образом, на жизнь государственных крестьян очень большое влияние имело местное дворянство. Эти три «сферы управления» государственными крестьянами между собой практически не взаимодействовали. В силу чего крестьяне, по сути дела, оказались под двойным контролем: госу-

дарственных чиновников и местного дворянства. Павел I сделал попытку это исправить: в 1797 году была учреждена при Сенате «Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранцев и сельского домоводства»¹⁶². В ее задачи вошло комплексное развитие всех отраслей государственного хозяйства. Однако функции нового органа четко прописаны не были и все осталось по-прежнему. Наконец, с учреждением министерств функции Экспедиции в 1810 году были переданы в особый департамент Министерства внутренних дел, а в 1811 году в Министерство финансов, департамент государственных имуществ.

Таким образом, мы видим, что положение государственных крестьян было, несомненно, гораздо более выгодным, нежели крепостных. Это, кстати, не было аксиомой для современников. Так, один достаточно образованный человек искренне полагал, что «крестьяне считали милостью и преимуществом переход в частное владение»¹⁶³. В то же время, управление государственными крестьянами было далеко до совершенства. Чиновники, как правило, мало заботились о процветании государственной деревни и всеми силами стремились улучшить свое материальное положение. Власти понимали, что платежеспособность государственных крестьян весьма существенно влияла на состояние финансового благополучия страны. Именно эта мысль, прежде всего, и заставила монархов, государственных деятелей задумываться о необходимости изменения положения государственных крестьян.

Еще Екатерина II готовила проект реформирования статуса свободного сельского населения одновременно с Жалованными грамотами дворянству и городам в 1785 году планировалось издать и Жалованную грамоту русскому народу. Она так и осталась в проекте, хотя ряд его положений и нашли отражение в реальном законодательстве конца XVIII – начала XIX века¹⁶⁴. В этом документе были обозначены личные права государственных крестьян, упорядочена (по образцу городского уложения) структура этого сословия, а также определены общесословные, корпоративные права.

Согласно екатерининскому проекту отменялись все прежние разделения государственных крестьян на сословные группы и вводилось деление на 6 разрядов: 1. «настоящие сельские обыватели», то есть держатели земли; 2. статейные – сельские жители, обладавшие капиталом свыше 500 рублей; 3. ремесленники; 4. «чужеродные» или переселенцы; 5. остальные сельские жители. В зависимости от причисления к той или иной категории варьировались личные и хозяйственные права крестьян. Правда, таковыми обладали, главным образом, сельские жители, отнесенные к первому и второму разрядам. Так, в проекте провозглашалось право сельских обывателей владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом, отказываться от незаконных податей и нарядов. В дополнении к этому статейным поселянам дозволялось заводить «рукодельные станы», содержать постоянные дворы, харчевни, а также предоставлялось право торговли не только в деревне, но и в городах. Для нормального осуществления торговли крестьяне могли вступать в откупа и подряды, а также заниматься торговлей оптом. Кроме того, статейные крестьяне освобождались от натурального несения рекрутской повинности (они могли купить рекрутскую квитанцию или найти за себя охотника) и от телесных наказаний. По сути дела, статус статейных сельских жителей приближался к статусу купечества. Наконец, наиболее значимым положением этого проекта было предоставление гарантии государственным крестьянам сохранения их положения. По екатерининскому проекту доброе «состояние поселянина» сообщалось его жене и детям и лишиться его крестьянин мог только суд за ряд уголовных преступлений (измена, нарушение присяги, разбой и др.). Как известно, данный проект не был реализован. Тем не менее, его появление имеет большое значение: Екатерина II в указанном документе впервые достаточно четко обозначила проблемы, стоявшие перед казенной деревней.

Император Павел, раздавший за четыре года своего правления около 400 тыс. государственных крестьян в частные руки, был убежден, что крепостное состояние крестьян гораздо выгоднее и государству и им самим. Поэтому, естественно, и не пытался реформировать казенную деревню.

Сразу же после вступления на престол, 2 апреля 1801 года, Александр Павлович издал ряд манифестов, в том числе и манифест, обращенный к «народу», в котором он торжественно пообещал прекратить раздачу государственных крестьян в частные руки, что он выполнил. Кро-

ме того, были расширены права крестьян в сфере торговли. В том же 1801 году крестьянам было разрешено наравне с купцами торговать «с заморскими странами». Позднее, в 1808 году, последовало разрешение вести в Москве и Петербурге не только мелкую торговлю, но и открывать торговые заведения, например, харчевни, блинные, постоялые дворы и тому подобное. Позднее это разрешение было распространено и на другие города¹⁶⁵.

В рамках плана экономических преобразований, составленного в 1810 году М.М. Сперанским, в качестве одной из мер, должных способствовать стабилизации финансов в стране, было предложено частично распродать казенные земли. Естественно, подобное предложение поставило вопрос о статусе государственных крестьян, населяющих эти земли, на повестку дня. Первым обратил на это внимание князь Адам Чарторижский. На заседании Государственного совета он напомнил членам Департамента государственной экономии, что, вступив на престол, Александр I в одном из манифестов публично отказался от раздачи государственных крестьян в частные руки. Поэтому князь Чарторижский предложил перед продажей земель определить «право крестьян и охранить их свободу». Государственный совет проигнорировал его мнение, что и понятно, так как создание особого статуса для какой-либо категории крепостных крестьян поставило бы под угрозу весь институт крепостного права. С другой стороны изначальное ограничение прав помещиков над покупаемыми у государства крестьянами могло бы стать хорошим началом для появления «особого» крепостного крестьянства. Поэтому император Александр с помощью ближайших советников начал составление манифеста, гарантирующего продаваемым крестьянам личную и хозяйственную свободу¹⁶⁶. Вероятнее всего, что инициатором написания данного документа был сам царь, хотя точных данных, подтверждающих этот факт, у нас нет. Не исключено, что первоначальный текст был составлен М.М. Сперанским, как раз начавшим тогда свое стремительное восхождение. Не исключено также, что Александр I диктовал данный проект своим секретарям: документ составлен как бы частями, сам текст несколько размыт.

Начало документа, посвященного проблемам государственных крестьян, покупаемых частными лицами, было прописано достаточно основательно, как будто бы начисто. Но, как уже говорилось, текст был не только не завершен, но и ни разу не выносился на обсуждение Государственного совета. Впрочем, это и понятно: его содержание было достаточно радикальным. «Нашим намерением всегда было установить основы правильного управления, первое условие которого было определено законом, и чтобы оно [управление, или, иными словами, власть помещиков над крестьянами – Н.К.] меньше всего зависело от произвола частных лиц...» – так торжественно монарх начинал проект документа, провозглашая общий принцип будущего построения отношений между помещиками и приобретенными ими государственными крестьянами. Каждому бывшему государственному крестьянину выделялся участок земли, который мог бы обеспечить пропитание его семье и возможность платить налоги. При этом устанавливалось, что повинности, которые должны были отбывать крестьяне в пользу помещиков, не должны превышать трех дней.

Составители закона четко разъясняют, что они понимают под законодательным распределением обязанностей, а именно: «покупатели не приобретают сеньориальные права на крестьян». Иными словами, государственные крестьяне, попадая в частные руки, сохраняют бывшие у них гражданские права и обязанности. Они продолжали пользоваться правами и свободами, которые они имели до продажи их в частные руки. Сюда относятся такие права, как свобода в заключении брака, право на передвижение и смену состояния, при условии выплаты вознаграждения своей общине. В свою очередь помещики не имели права переводить крестьян в дворовые и продавать другим лицам. Единственное, что полностью оставалось за помещиком, – это вотчинная полиция. Однако крестьяне из выборных от общин составляли суд по гражданским и уголовным делам. Более того, все разногласия между помещиками, собственниками земли, и крестьянами должны были разрешаться особыми судами под председательством правительственного комиссара¹⁶⁷. К сожалению, данный документ, как уже говорилось, так и не был завершен. Рядом положений он напоминал Положение о лифляндских крестьянах 1804 года, особенно в части предоставления личных прав.

Не до конца удачной оказалась и задуманная реформа по продаже части казенных земель в частные руки. Для ее проведения в том же 1810 году были образованы специальные губернские комиссии. Однако уже в ходе первых проверок государственных земель выяснилось, что эти земли не межеваны, не имеют планов, и, соответственно, они не были оценены. Членам комиссий было дано указание назначать максимальные цены. Однако дворяне-помещики, будучи гораздо опытнее государственных чиновников в деле покупки и продажи земли, умудрялись за бесценок скупать казенные земли. Потому подобные сделки нередко отменялись министерством финансов, контролирующим продажу земель. В целом, опись государственных земель и выставление их на продажу проводилось вплоть до 1816 года. Всего было продано 37 имений, с ними 11686 ревизионных душ на сумму 1033490 рублей серебром и 757155 рублей ассигнациями. Из них позднее 1278 ревизионных душ вернулись в казну из-за отказа покупателей от сделки¹⁶⁸.

Таким образом, продажа казенных земель не принесла планируемой финансовой выручки. Правительство все больше приходило к выводу, что выгоднее оставить все в прежнем положении. Помимо малой экономической выгоды от продажи земель против данной операции активно выступили крестьяне, населявшие эти земли. На имя монарха посыпались жалобы государственных крестьян, как на неправомерные действия чиновников, так и помещиков, нередко самовольно захватывающих крестьянские земли. Поэтому в 1817 году продажа казенных земель была прекращена.

В следующем 1818 году Александр I дал официальное поручение министру финансов Д.А. Гурьеву составить проект масштабной реформы государственных крестьян и положение по отмене крепостного права.

Еще 23 декабря 1811 года Д.А. Гурьев выступал в Государственном совете с проектом закона об учреждении особой категории населения «торгующих крестьян», естественно, речь шла о черносошных крестьянах. В этом документе он доказывал, что многие крестьяне активно занимаются торговлей и заводят мануфактуры: «они [крестьяне] занимаются всякого рода торгами во всем государстве, вступают под именем и по кредиту купцов или по доверенности дворян в частные и казенные подряды, постоянные дворы и торговые бани, имеют речные суда и производят рукоделия и ремесла наемными людьми»¹⁶⁹. Однако, так как по закону им это делать запрещено, они не платят тех налогов, которые наложены на купцов и мещан, что могло бы стать ощутимым дополнительным доходом казны. Иными словами, Гурьев предлагал отказаться от сословных ограничений в торговых отношениях. Он одним из первых стал развивать и пропагандировать идею, что нельзя проводить четкой границы между крестьянской и купеческой торговлей. Государственный совет тогда этот проект не поддержал. Тем не менее ряд предложений Д.А. Гурьева были учтены. 29 декабря 1812 году именным императорским указом Сенату были введены «Дополнительные правила для дозволения крестьянам производить разными торгами торговлю с получением на сие право свидетельств и с платежом определенных пошлин»¹⁷⁰. По этим правилам крестьянам было разрешено самостоятельно, без каких-либо посредников, заниматься торговлей после получения специальных торговых свидетельств, стоимость которых колебалась от 40 до 2500 рублей. Несмотря на довольно высокие пошлины, указ имел прогрессивное значение: теперь крестьяне могли продавать значительно больше товаров, которые ранее вынуждены были перепродавать. Расширились и способы крестьянской торговли, по указу крестьяне могли «во время больших городских ярмарок в городах нанимать лавочки и шалаши и продавать в них мелочные товары и покупать оные для отвоза в селение». Наконец, необходимо подчеркнуть, что данная мера имела явную либеральную направленность, так как стала одним из первых шагов, стирающих сословные перегородки.

Д.А. Гурьев очень ответственно подошел к данному императором поручению. Для подготовки проекта он привлек двух специалистов: законоведа М.А. Балугьянского и директора Департамента государственных имуществ Я.А. Дружинина. Им было поручено собрать необходимые материалы и разработать текст предполагаемого закона. Они выполнили лишь часть возложенной на них задачи, подготовив для министра финансов материалы для составления проекта документа, названные ими «Очерк о законах, относящихся до земледельцев и крестьян в Западной Европе и России». Гурьев очень долго работал над проектом, а вероятнее всего, просто от-

ложил его в сторону после 1820 года – восстания Семеновского полка и сворачивания Александром I курса реформ. Однако император, отставляя 22 апреля 1823 его от должности министра финансов, но сохраняя за ним должность управляющего Кабинетом Е.И.В. и министром уделов, напомнил ему о поручении и велел завершить работу по составлению проекта реформы государственных крестьян. Д.А. Гурьев в июне 1824 года закончил указанный проект закона и представил его императору. Тогда же, летом 1824 года, проект Гурьева был вынесен на обсуждение в Государственный совет. Правда, смерть императора Александра I не позволила продолжить начатое дело и данный проект не получил дальнейшего развития, хотя некоторые идеи Д.А. Гурьева были использованы его последователями в деле реформирования в данной области.

Итак, Д.А. Гурьевым был представлен развернутый план реформирования статуса государственных крестьян. Указанный документ, достаточно логичный, последовательный и, можно сказать, безупречный с юридической точки зрения, содержал в себе пять разделов: «1. Учреждения для управления государственными имуществами и казенными поселянами; 2. Постановление о казенных поселянах и государственных имуществях; 3. Устав экономический для управления государственными имуществами; 4. Устав судебный по делам государственных имуществ и казенных поселян; 5. Сельский полицейский устав»¹⁷¹.

Первым делом в представленном документе определялся правовой статус государственных крестьян. По мнению составителя данного проекта, прежде всего необходимо было «даровать их сословию [то есть, государственным крестьянам] твердое гражданское бытие, подобно как таковое установлено для дворянства грамотою, всемилостивейше оному пожалованною, а для среднего состояния Городовым положением». Другими словами, Гурьев предлагал законодательно закрепить права государственных крестьян, предварительно соединив различные категории этого сословия в категорию «казенных поселян». Новому гражданскому сословию казенным поселянам предполагалось предоставить следующие права: свободный переход в другие сословия, право собственности на движимое и недвижимое имущество, свободу передвижения, полная свобода в частной жизни, при заключении брака и тому подобное. Но самое главное, данный документ гарантировал строгий запрет на передачу казенных поселян в частное владение.

Для обеспечения этих прав, прежде всего права собственности на землю, необходимо было изменить систему общинного землепользования, заменив его «бессрочным содержанием» земельного надела. В проекте было подчеркнуто, что сегодня все земли казенных поселян «под их усадьбами, дворами и всякими сельскими устройствами, а также под пашнею, сенокосами, лугами, оставались по-прежнему собственностью казны». После утверждения же предлагаемого постановления пашня должна была перейти в потомственное владение отдельных домохозяев. Остальные земли могли либо использоваться совместно общиной, либо быть разделены, как и пашенные земли. По мнению Гурьева, прекращение общинных переделов есть главное условие для «усовершенствования нашего землепашества», потому что «одна только полная уверенность в нерушимом и спокойном пользовании полем навсегда или надолго может заставить земледельца употребить значительный капитал и труды на усовершенствование пашни и отправлять свой промысел на истинно хозяйственных правилах, без чего никогда не достигнет полного успеха земледелие». Для обеспечения подобной уверенности крестьянина в его праве использования земли, в документе дается четкое определение, что такое «бессрочное содержание» казенной земли, которая должна быть предоставлена казенным поселянам. Проект закона под бессрочным содержанием земли понимает «наследственное право владеть, распоряжаться и пользоваться недвижимым имуществом, казне принадлежащем». Однако не каждый казенный крестьянин, имевшим земельный надел, мог быть переведен в бессрочное содержание. В проекте устанавливалась четкое требование – такой надел не мог быть менее 20 десятин. Кроме «бессрочного содержания» казенной земли, государственные крестьяне могли также купить незаселенные земли в полную собственность. Строго запрещалось также дробить наделы как арендуемые, так и купленные при наследовании имущества, они должны передаваться старшему сыну, а при их отсутствии – дочери. То есть младшие сыновья не получали земельного надела, что, безусловно, предполагало в будущем масштабное расслоение казенной деревни.

Д.А. Гурьев прекрасно понимал, к чему может привести планируемое им разрушение общинного землепользования и система наследования земель. Более того, он считал такое расслоение необходимым и стремился законодательно его закрепить. В предложенном проекте закона государственные крестьяне разделены на две категории: «хозяев», владеющих землей на правах собственности, и «работников», не имеющих собственного земельного надела или не занимающихся промыслами и торговлей. Такое четкое юридическое разделение было необходимо для решения вопросов управления казенными крестьянами.

В своем проекте Гурьев предложил довольно стройную, хотя и несколько громоздкую систему управления казенными поселянами. Во главе управления казенными крестьянами предлагалось по-прежнему оставить Департамент государственных имуществ при Министерстве финансов, а на уровне губерний – Казенную палату. Правда, последняя должна была быть несколько реорганизована. Так, хозяйственная экспедиция, непосредственно ведавшая государственными крестьянами, должна быть упразднена, а вместо нее образовано особое отделение из нескольких чиновников: советника, руководителя отделения, фортшмейстера, землемера, заведующего лесами и поверенного или юриста. Данное отделение получало название Окружного правления и возглавлялось окружным начальником. На уровне волости для непосредственного управления казенными крестьянами на местах создавалась еще одна структура, названная автором проекта Волостной приказ. Он должен был состоять из трех человек: председателя, обязательно дворянского происхождения, и двух его заместителей, чтобы реально руководить казенными поселянами конкретной волости. Как размышлял Гурьев, «вследствие определения управителя в казенную волость, правительство приобретает местного начальника, посредством которого может иметь лучший надзор над имуществами своими, сохранить безопасность и благополучие казенных поселян и надеяться скорейшего, порядочнейшего и точнейшего отправления со стороны поселян государственных, земских и мирских повинностей. Но дабы волостной управитель не мог неограниченную властью угнетать казенные поселения, для сего даны ему для совета два заседателя из поселян, с которыми он решает дела и принимает всякого рода меры по единогласию или большинству голосов»¹⁷². На местах органами управления по-прежнему должен был остаться мирской сход и вновь образованный Сельский приказ, состоящий из выбранных от крестьян. Таким образом, главной задачей в рамках предлагаемой системы управления государственными крестьянами было «повышение уровня доходности казенных поселян» и наиболее оптимальный сбор податей.

Однако Гурьев подчеркивал, что для решения поставленной задачи недостаточно было только создания стройной и взаимоконтролируемой системы управления казенными крестьянами. Требовалось также реформировать принципы налогообложения, а также организовать охрану государственных имуществ, которые не арендованы крестьянами: лесов, пашен, лугов, рыбных ловель и тому подобное, что и было предложено в проекте. Гурьев предлагал вместо подушной подати ввести уравнительное поземельное обложение, то есть налог необходимо взимать не с человека, а с земли, исходя из ее качества и количества. При этом особое внимание автором проекта в этой части документа было уделено вопросам контроля за сбором, хранением и расходованием получаемых от крестьян средств. Не менее важен был контроль за государственными имуществами. Еще при рассмотрении вопроса о продаже части казенных земель выяснилось, что они зачастую даже не имеют внешнего и внутреннего межевания. А как можно охранять собственность, точное количество которой неизвестно! Поэтому Гурьев предложил провести ревизию казенных земель, включающую их межевание, измерение и описание, нанесение на планы. Только это позволило бы создать эффективную систему охраны этих земель, в первую очередь, от самовольных захватов. Кроме того, государство могло бы организовать передачу в аренду, продажу таких земель, что было бы выгодно как самой власти, так и крестьянам, постоянно страдающим от малоземелья.

Таковы основные положения проекта реформирования положения государственных крестьян. Документ был явно направлен на ускорение развития капиталистических отношений в казенной деревне. Конечно, в рамках предложенного проекта Д.А. Гурьев не предлагал наделить казенных крестьян гражданскими правами в полном объеме. Так, крестьяне не могли передать в

аренду, подарить или заложить участки земли «бессрочного содержания», несмотря на предлагаемый слом общины, сохранялась круговая порука. Сугубо сословный характер носил Сельский полицейский устав. По нему строго регламентировался порядок жизни казенных крестьян. Сельский приказ в рамках полицейского устава мог осуществлять судопроизводство по незначительным делам, назначать и исполнять телесные наказания (от 1 до 20 ударов розог). Однако надо учесть, что все эти «пережитки» были естественны для того времени и многие дожили до конца XIX века. Куда важнее было то, что государственным крестьянам предоставлялась гарантия от закрепощения, передавался в аренду участок земли, не подлежавший общинному переделу.

Проект графа Д.А. Гурьева стал своеобразным итогом реформаторской деятельности во времена императора Александра I по крестьянскому вопросу. К сожалению, сам Александр уже не успел провести намеченные преобразования. Основные идеи этого проекта были учтены в дальнейшем П.Д. Киселевым при проведении реформирования положения государственных крестьян.

Подводя в целом итог, необходимо отметить, что экономической составляющей российского либерализма было понимание необходимости и доли участия государства в экономике. В отличие от Европы, в нашей стране самостоятельная, имеющая политический вес торгово-промышленная элита окончательно сформировалась уже на рубеже XIX-XX веков. Поэтому господствующий на Западе веком ранее идеал свободы торговли, выразившейся в лозунге «laissez faire laissez passer» (не мешайте действовать – франц.), не мог быть применим в России. В нашей стране изначально доля участия государства в экономике была очень велика. Достаточно большое количество частных фабрик и мануфактур работали только на обеспечение государственных, прежде всего, военных заказов; не мал был и собственно государственный сектор в экономике. Кроме того, отечественные товары и на внутреннем, и, тем более, на внешнем рынках с начала XIX века не могли конкурировать с западноевропейскими. Причиной тому было, первое, гораздо более медленное развитие техники. Так, в Англии в это время уже завершался промышленный переворот, тогда как в нашей стране он только начинался. Второе, отсутствие в России рынка рабочей силы, а тем более квалифицированных рабочих. Все эти факторы доказывают, что без государственной помощи отечественное производство не могло бы развиваться, а тем более выдержать конкуренцию с западом. Либерально настроенные государственные деятели понимали, что необходимо поддерживать отечественную промышленность, но не напрямую, как это делалось, например, при Петре I, а путем регулирования налогообложения и таможенных тарифов. Это и делалось при императоре Александре I, поэтому мы смело можем сделать вывод, что в первой четверти XIX века в России экономическая политика носила ярко выраженный либеральный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трудно найти в отечественной истории время столь ярких политических контрастов, как в первой четверти XIX века. Все переплелось воедино в правительственной политике Александра I: самый либеральный университетский устав и военные поселения; «Польская конституция» и жестокое подавление выступления Семеновского полка. Да еще при том, что все эти события происходили на фоне постоянно планируемых и проводимых реформ. Что же породило время правления императора Александра: «первых русских революционеров» декабристов, консерваторов в лице Трошинского, Державина и Карамзина или либералов, таких как Сперанский, Мордвинов и другие? Безусловно, и то, и другое, и третье. При этом очевидно, что эти три политических направления не следовали одно за другим. В историографии утвердилось мнение о разделении царствования Александра на два периода: «либеральный» с начала правления и до Отечественной войны 1812 года и «реакционный», соответственно, с 1813 до смерти. Однако реальные исторические факты опровергают такое деление. На протяжении всего царствования Александра I в сферах планировали и проводили в жизнь реформы, касающиеся фактически всех сторон жизни общества. Конечно, не все проведенные в первой четверти XIX века мероприятия обогатили историю либерального общественно-политического направления, да это было бы нереально применительно к любой исторической эпохе. Тем не менее, в течение всего правления Александра готовились и проводились мероприятия по усовершенствованию государственного аппарата, рассматривались и, пусть очень робко, проводились в жизнь реформы, затрагивающие крепостное право и отношения помещиков и крестьян. Много было сделано для распространения образования и просвещения. Поэтому говорить о том, что после 1812-1813 годов в стране произошло отступление от реформ начала царствования, просто не позволяют факты.

В исторической науке, особенно советского периода, бытовало мнение, что без ограничения абсолютной власти монарха не имеет смысла проводить никакие либеральные реформы. Однако применительно к первой четверти XIX века мы наблюдаем прямо противоположное явление. В этот период либеральное общественно-политическое направление получило силу и вес именно благодаря поддержке верховной власти. Ряд исследователей, в том числе В.В. Шелохаев, отмечали, что либерализм в России имел силу только тогда, когда он опирался на властные структуры. Причиной этому служит отсутствие достаточно широкой социальной опоры этого общественно-политического направления¹⁷³. Данное утверждение достаточно спорно, но оно полностью соответствует реалиям конца XVIII и начала XIX века: периоду зарождения и становления либерального общественно-политического течения. Более того, на наш взгляд, как раз «уход» либералов в оппозицию в николаевскую эпоху ознаменовал новый этап в формировании российского либерализма. Таким образом, одним из наиболее существенных факторов, определивших время зарождения российского либерализма и его сущностные черты, явилось влияние на этот процесс верховной власти. Иными словами, либерализм в России зародился «сверху», причем иного пути не было.

Зарождение в России либеральной общественно-политической доктрины было объективным процессом, имеющим российские корни и российскую почву¹⁷⁴. При этом становление либерализма в нашей стране имело ряд особенностей. Так, проводником либеральных идей оказалась верховная власть в лице императрицы Екатерины II и Александра I, а также ряда виднейших сановников того времени: Н.И. Панина, Н.П. Панина, А.А. Безбородко, Д.А. Голицына во времена Екатерины и П.А. Строганова, Н.Н. Новосильцова, В.П. Кочубея, А. Чарторижского, М.М. Сперанского, Н.С. Мордвинова и др. во время правления Александра. Либерализм в конце XVIII – первой четверти XIX века оказался влиятельной политической доктриной, которую верховная власть использовала для своего упрочнения.

Весьма важной характерной чертой русского либерализма в период его зарождения было не всегда четкое разграничение этой политико-философской доктрины от других. Дифференциация идейных течений в этот период была еще выражена слабо: либеральные идеи редко встречаются в «чистом виде». Также трудно найти в истории России на рубеже XVIII – XIX веков яр-

ко выраженных либералов.

Следующей особенностью либерального направления общественно-политической мысли можно считать особое внимание его представителей к политическим, а не социальным проблемам. В то же время, поддержка либеральных преобразований монархом сняла с повестки для либералов первой четверти XIX века вопрос об ограничении абсолютной власти монарха. Больше того, в начале царствования Александра проекты, призывающие к ограничению самодержавия, носили, скорее, консервативный характер. Главным же направлением либеральных политических реформ было создание такой системы управления страной, при которой деспотизм был бы невозможен. По своей сути эта идея была утопична. Тем не менее, именно под руководством либералов были проведены крайне необходимые тогда для страны реформы государственного устройства.

Большое внимание уделяли либерально настроенные государственные и общественные деятели начала XIX века экономическим вопросам. Это было новым направлением отечественного либерализма, зародившегося, как уже говорилось, в конце XVIII века. На рубеже XVIII-XIX веков, особенно после пугачевщины, очень остро свил вопрос о положении крепостного крестьянства. Надо сказать, что в начале XIX века крепостничество критиковали, хотя и с разных сторон, представители всех политических течений. В то же время отношение тех или иных общественно-политических сил к решению этого вопроса во много определяло их направленность. Так, либералы считали крепостничество злом, которое непременно должно быть искоренено, но только в результате длительных и постепенных реформ.

Помимо крестьянского вопроса, который все же поднимался еще и в конце XVIII века, начало нового века более остро поставило перед властью проблему разработки собственной целостной экономической доктрины, которая включала бы в себя вопросы, связанные с развитием торговли и промышленности в стране. Эта задача была во многом решена благодаря теоретическим разработкам и практическим мероприятиям по их воплощению в жизнь министра внутренних дел О.П. Козодавлева. Он обосновал необходимость достаточно активной помощи российским мануфактуристам со стороны правительства, так как «на равных» конкурировать с западом, где уже завершался промышленный переворот, они не могли. В то же время доктрина максимальной поддержки развития промышленности и торговли была неотъемлемой частью западноевропейского либерализма, получившего отражение и в России.

Итак, на конец XVIII – первую четверть XIX века приходится первый этап развития либерализма в России. Его, в свою очередь, можно разделить на три этапа. Первый – 60-70-е годы XVIII века – время появления «первых ростков» либерализма, теоретическое формирование основных постулатов этого общественно-политического течения. Второй – с 70-80-х годов XVIII до марта 1801 года – становление оппозиционного либерализма, появление нелегальных организаций либеральной направленности. Третий – март 1801 года до 20-х годов XIX века – время правительственного либерализма, разработки и попытки (удачные и не очень) проведения в жизнь либеральных преобразований. Характерными чертами третьего этапа являлись: формирование либеральной доктрины в правительственных кругах при почти полном отсутствии либеральной оппозиции; реформирование государственного аппарата, как попытка создания системы гарантий от возможного произвола; повышенный интерес к экономическим проблемам, разработка либеральной экономической политики.

Таким образом, на время правления императора Александра I приходится период окончательного оформления либерального общественно-политического направления, были выработаны его основные постулаты, оно окрепло и набрало силу. Известно, что после восстания декабристов до 60-х годов XIX века власть не возвращалась к либеральным реформам, тем не менее либерализм в России не исчез, а продолжал набирать силу в спорах западников и славянофилов. Дальнейшее развитие данного общественно-политического течения шло, главным образом, по совершенствованию форм и методов либеральной деятельности, но основные постулаты либерализма не меняются уже на протяжении двух столетий.

ПРИЛОЖЕНИЕ¹

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ УПРАВИТЕЛЬНОМ СЕНАТЕ С ПРОЕКТОМ УКАЗА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

РГИА. Ф. 1167. Дела комитета 6 декабря 1826 года. Т. XVI. Оп. 1. Д. 7.
(документ ранее не публиковался)

Самодержавствуя сильным и славным российским народом и давая отчет благородные единому творцу нашему Господу Богу, им же царем царствуют и его же исповедальными судьбами охранены, невредимы и оправданы мы в сем великом служении, видим в оном уже исполняющимся ныне двадцать шестом лете². Во время сие мы почли за честь и славу царствию нашему противопоставить следующие правила:

Охранение и соблюдение православной восточной греко-российской катофалической веры.

1. Законам установленным давать течение и силу.
2. Вводить и утверждать повсюду правосудие и исполнение законов.
3. Оказывать милосердие и покровительство подданным, приводя в безопасность жизнь империи и честь каждого лично по состоянию.
4. Торгам и ремеслам законно всеобщее покровительство.
5. Предохранять пределы империи от набегов и отражать нападения.
6. Всеобщими поборами сколько можно менее отягощать народ.
7. Приблизить империю во всех частях у цивилизованному и безопасному состоянию.

Постановя вышеописанные правила в основание царствования нашего, излишне распространяться о сем далее. Сенату нашему известны деяния и успехи, с коими устроена польза врученных нам людей и благо общее и какие последствия имеет изданный от нас в 1775 году учреждении для управления губерниями. Они должны быть сообразны положению мест, пространству земель, несходству стран, разности жителей и, соединяя всех потребности безопасности лиц и имущества в течение правосудия, в постепенном его исполнении, в благочинии и порядке, учинили сей обряд управления вообще полезным выгодным и удобным даже для того, что кочующие народы оному охотно подвержены. Не трудно сое понять тем, кому известно, что ради успешности дел с успехом установлены места правления и исправления, от оных отделены суда гражданские и уголовные и с оными не смешано правление дел казенных.

Части величайшей империи в стези сии уже приведена, а для наилучшего утверждения безопасности лиц и имущества, для беспрепятственного течения правосудия, для постепенного исполнения и подкрепления правосудия и порядка благорассуждаем и повелеваем ныне в Сенате нашем дела разделить на департаменты, установить как о каждом департаменте при сем положении написано, пребывая как всегда с императорским благоволением и милостью.

Глава I О Сенате

1. Подтверждаем установление Управительного Сената Богом нам врученною самодержавною властью подтверждаем учреждение Управительного Сената.
2. Императорское Величество председательствует в Сенате. В Сенате да не председательствует никто, кроме особы Императорского величества.
3. Сенат состоит из особ

¹ Документ печатаются с сохранением стиля их авторов.

² Исходя из этого заявления Екатерины II мы датируем документ 1788 годом.

первых трех классов и за-
седает по рангам.

4. О заседании в Сенате
государственного намест-
ника и главнокомандую-
щего в столице.

5. В каких случаях первые
председатели государ-
ственных коллегий ино-
странный, военной и ад-
миралтейской заседают в
Сенате.

6. Первый председатель
главной расправной пала-
ты заседает в Сенате.

7. Государственный каз-
начей заседает в Сенате.

8. Присяга заседающего в
Сенате.

Сенату надлежит состоять из особ первых трех классов, кому
из них от Императорского Величества ныне или впредь пове-
лено будет заседать и сидеть по рангам или по старшинству.

Государевы наместники или генерал-губернаторы, когда при-
будут в столицу и главнокомандующий в столице заседают в
Сенате в общем собрании и каждый в том департаменте, где
ведомы дела его ведомости, и в оном бывает он ходатаем по
делам вверенной ему губернии, и имеет голос как и прочие, за-
седающие в Сенате.

Государственных коллегий: иностранной первый председатель,
военной первый председатель, адмиралтейской первый предсе-
датель заседают в Сенате в следующих случаях:

- 1) когда какие нужды ведомства;
- 2) когда новый какой указ в государстве обнаружить наме-
ривают;
- 3) когда суд генеральный;
- 4) или какое новое дело решения требующее;
- 5) когда Императорское величество присутствует.

Первый председатель главной расправной палаты заседает в
Сенате в общем собрании и в тех департаментах, где ведомы
дела, касательно суда и расправы и имеет голос как и прочие
заседающие в Сенате.

Государственный казначей заседает в Сенате в общем собрании
и в четвертом департаменте и имеет голос как и все прочие за-
седающие в Сенате.

Присяга заседающего в Сенате.

Обращаюсь аз/имярек перед Господом Богом, сотворившем
всячества, что честно и чисто, не ленносно, а паче ревностно
исполнять звание свое, в сем да поможет мне Господь Бог все-
милостивейший; во-первых верность к особе Императорского
Величества и всему государству. Второе, правду и правый суд
между народом, так и в деле государственном. Третье, в збира-
нии казны, людей и прочего сего, чего Императорского величе-
ства и государства интересы требуют, какое оно знание не
имеют, все то именно исполнять до последней своей силы, и в
том во всем ниже для взятку какого, ниже для страху какого от
кого, ниже щадя кого для чего, или мстя кому за что; но не ли-
цемерно поступать и в сем обещаюсь ныне перед престолом
Божьим в церкви его Святой в осуждении, в осуждении, если не
сохранено моего здесь обещания, в заключении же сего моего
обещания целую слова и крест Спасителя моего. Аминь.

Глава II

О разделении Сената на департаменты

Сенат разделяется на четыре департамента.

9. О разделении Сената на
департаменты.

10. В департаментах Сена-

та заседает не менее 12 заседателей.

В департаментах Сената заседает не менее 12 заседателей.

11. Каждый департамент разделен на три присутствия

Глава III

О разделении департаментов Сената на присутствия

Для поспешнейшего отправления дел каждый департамент Сената разделяется на три присутствия, а именно: одно присутствие имеет дела полосы Южной империи по губерниям: Брагославской, Волынской, Подольской, Киевской, Екатеринославской, Вознесенской, Казанской, Таврической. Итого – 8.

Другое присутствие имеет дела полосы Средней империи по губерниям: Московской, Смоленской, Полоцкой, Можайской, Черниговской, Новгород-Северской, Харьковской, Курской, Орловской, калужской, Тульской, Рязанской, Владимирской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Саратовской, Уфимской, Колыханской, Ирбитской, Минской, Виленской, Слоненской. Итого – 26.

Третье присутствие имеет дела полосы северной империи по губерниям: Санктпетербургской, Выборгской, Ревельской, Курляндской, Псковской, Тверской, Новгородской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской, Вятской, Пермской, Тобольской. Итого – 16.

В каждом присутствии департамента Сената заседает не менее трех заседателей Сената.

Старший заседатель присутствия департамента Сената имеет надзирание дабы дело читанное не осталось без приказанья.

Второй заседатель присутствия департамента Сената имеет надзирание за отправлением приказаний.

Третий заседатель присутствия департамента Сената имеет надзирание за исполнением и действием.

И для того каждому держать свои записки: первому – какое дело когда читано, основано и что по оному приказано; второму – когда отправлено; третьему – когда исполнено и где.

Глава IV

О первом департаменте Сената

12. О делах до первого департамента Сената подлежащих.

Первому департаменту Сената поручается вносятся, производятся и отправляются в оном все государственные дела и исполнительные и скорого отправления или приказанья требующие, также и те, о которых противоречия или спора быть не может. По таковым делам жалобы вносятся в первый департамент Сената и от оного делается принуждение. Беде же какое дело окажется не бесспорно и некоторому сомнению подлежащее, тогда отсылается для рассмотрения спорящихся в те места, куда надлежит.

13. Жалобы на местное

Кто местническим или губернским правлением не доволен,

или губернское правление приносить в первый департамент.

то те жалобу свою приносить имеют [право – Н.К.] в первый департамент Сената, куда же следует прошения о проволочках и по оным понуждение делается от первого департамента Сената по рассмотрению обстоятельств.

14. Должность первого департамента Сената.

Первый департамент Сената во Всероссийской империи 1) простирает прилежное бдение дабы законы были исполняемы; 2) взыскание чинит с непослушных, роптивных, ленивых, медлительных, пеню на них налагает, и буде не исправляются, то оных к суду отсылают; 3) Тщение имеют дабы учреждения полицейские или благочиния и торговля сохранены и исполняемы были; 4) все непорядки, законам противные, заблаговременно прекращают; 5) прилежное старание имеют по установлению, утверждению и сохранению всякого рода благочинию, порядка и тишины.

15. Первый департамент Сената отсылает законы, указы, учреждения, и повеления до губернии подлежащее в губернское правление.

Понеже правление губернское или неместническое есть то место, которое управляет в силу законов именем Императорского Величества свою губернию обнародывает и отправляет повсюду в подчиненных оному областях законы, указы, учреждения и повеления Императорского Величества и выходящие из Сената и из прочих государственных мест на то власть имеющих, для того первый департамент Сената законы, указы, учреждения и повеления до губерний подлежащие отсылает в правления губернские и неместнические, и от оных принимает рапорты и дополнения.

Копии дела остаются в первом департаменте Сената.

Архив с типографиею дела по герольдии, по Синоду с подчиненными местами, иностранные дела с пограничными комиссиями, по секретной экспедиции оставляться имеют в первом департаменте Сената.

Глава V

О втором департаменте Сената

16. Второй департамент Сената имеет уголовные дела.

Второму департаменту Сената поручаются уголовные дела и следственные дела в преступлениях должностных и тайной экспедиции.

17. Жалобы на палату уголовного суда приносить во второй департамент.

Буде кто недоволен решением палаты уголовного суда, тот жалобу свою приносить имеет [право – Н.К.] во второй департамент Сената, но да распишется вместо присяги, что он по истине думает, что он правое дело имеет. Стряпчие уголовных дел вместо присяги расписываться же должны во втором департаменте Сената; главный стряпчий уголовных дел по согласию генерал-прокурора требования свои приносит по его должности.

18. О власти Сената Уголовного департамента в учинении приговора по – делам верховного уголовного суда.

Сената уголовный департамент, получа из верховного суда следствие уголовного преступления, не теряя времени прилежно входит в рассмотрение обстоятельств, и учинит в силу законов приговор, который отсылает при описании дела в полное

собрание Сената для ревизии о порядочном производстве и решении дела.

19. Дворянина не лишать дворянства, или чести, или жизни без Сената или конфирмации Императорского Величества.

Дело благородного, впавшего в уголовное преступление по законам достойного лишения дворянского достоинства, или чести, или жизни, да не вершиться без внесения во второй департамент Сената и конфирмации Императорского Величества.

20. Дела о похищении казны, не верша, внести во второй департамент Сената.

Дела о похищении казны или народных денег, также о казенных и цалмейстерских, где начнутя привести предписанным порядком к концу; но не верша, внести в Сенат во второй департамент, где рассматривая со мнением, доложить Императорскому Величеству.

21. Буде нет уголовных дел, то уголовный департамент с гражданским разделяет труд.

Буде не случиться уголовных дел, тогда второй департамент Сената разделяет в третьем департаментом Сената в отправлении гражданского правосудия.

22. Должность второго департамента Сената.

Второй департамент Сената империи: 1) простирает прилежное бдение, дабы законы по части уголовных дел были исполнены; 2) чинить с непослушных, роптивных, ленивых, медлительных пеню на них налагать, и буде не исполняют, то оных по суду отсылать.

23. Второй департамент Сената отсылает законы, указы, учреждения и повеления по уголовной части надлежащие в уголовные палаты.

Понеже палата уголовного суда в губернии ни что иное есть как юстиц-коллегия департамент, которому поручено особенно уголовные дела в преступлении должности; того для второй департамент Сената, указы, учреждения, повеления и приказанья по уголовным делам отсылает в уголовные палаты, и от оных по тем делам принимает рапорты и доношения.

24. Третий департамент Сената.

Глава VI **О третьем департаменте Сената**

Третьему департаменту Сената поручается апелляция на коллегии или Палаты Гражданского суда и по генеральному межеванию.

25. Жалобу на Палату гражданского суда приносить в третий департамент Сената.

Буде кто недоволен решением палаты гражданского суда, тот жалобу свою приносить имеет [право – Н.К.] в третий департамент Сената как и ныне на коллегии, но перед да внесет две сотни рублей в палату гражданского суда. Сии деньги в палате верно и хранятся до решения Сената, сверх того приноситель да распишется сам вместо присяги, что он по истине думает и что он правое дело имеет; и буде Сенат его обвинит, тогда внесенные деньги из палаты отдадутся в приказ общественного призрения. Стряпчие казенных дел от вносу двух сотен рублей увольняются, ибо их должность есть общественная, только вместо присяги расписываться должны. В третьем департаменте Сената главный стряпчий казенных дел по согласию с гене-

26. Должность третьего департамента Сената.

27. Третий департамент Сената отсылает законы, указы, учреждения и повеления по части гражданского суда в гражданские палаты.

28. Четвертый департамент имеет государственные домостроительные или экономические и казенные дела.

29. Четвертому департаменту поручается как узаконенные сборы, так и бдение дабы с народа запрещенные собираемы не были.

30. Четвертый департамент старается: 1. о собрании; 2. о доставлении 3. о сохранении доходов.

31. Государственный казначей сочиняя погодно верный перечень доходам и расходам представляет оный Императорскому Величеству.

ральным прокурором требования свои приносит по его должности.

Третий департамент Сената во всероссийской империи: 1) простирает прилежное бдение, дабы законы по части гражданского суда и расправы были исполнены; 2) по закону части гражданского суда и расправы чинит с непослушных, роптивных, ленивых и медлительных, пеню на них налагает, и буде не исправляются, то оных по суду отсылают.

Понеже палаты гражданского суда в губернии ни что иное есть, как соединенный департамент юстиции и вотчинной коллегии, которому поручена апелляция для ревизии гражданских дел на верхний земский суд, Губернский Магистрат и Верхнюю Расправу в губернии; для того третий департамент Сената законы, указы, учреждения, повеления и приказания по части гражданского суда и расправы отсылает в гражданские палаты, и от оных по тем делам принимает рапорты и доношения.

Глава VII

О четвертом департаменте Сената

Четвертому департаменту Сената поручаются государственные домостроительные или экономические и казенные дела, как то: ведомости о числе народа, ревизионные сказки, сведения о приходах и расходах, ревизия счетов, соляные дела, винный откуп и подряды, казенные права, казенные и публичные строения и их содержание, сенатский департамент ни кого не судит, но производит требования свои о делах, о которых противоречия быть не может, как о таковых делах предписано. О прочих же делах, кои не бесспорны или сомнению подлежащие производить требования через сенатского стряпчего казенных дел.

Как четвертому департаменту Сената поручается сведение всякого рода казенного сбора, законами установленного и собираемого в государстве, то равномерно четвертый департамент накрепко смотреть имеет, дабы с народа никакие запрещенные сборы собираемы не были, а где таковые усмотрит, то через главного стряпчего казенных дел требования производить в то место, куда надлежит.

Четвертый департамент Сената в рассуждении доходов Императорского Величества смотрит вообще: 1) дабы доходы сполна и в настоящее время собраны были; 2) дабы доходы куда надлежит доставлены были; 3) дабы доходы в цельности сохраняемы были.

Государственный казначей сочиняет погодно верный перечень доходам каждой губернии и справляется и справляется, дабы сии перечни были исправны и точны, и представлять их и все сведения о доходах и расходах империи Императорскому Величеству.

32. Должность четвертого департамента Сената.

Четвертый департамент Сената во всероссийской империи: 1) простирает прилежное бдение, дабы законы по части казенных дел были исполняемы; 2) По закону части казенных дел взыскания чинить с непослушных, роптивных, ленивых, медлительных, пеню на них налагать, и буде не исправляются, то оных по суду отправлять.

33. Четвертый департамент Сената отправляет законы, указы, учреждения и повеления до части казенных дел надлежащие, в казенные палаты.

Понеже казенная палата в губернии ни что иное есть, как соединенный департамент камер и ревизион коллегий, которой поручены в смотрение домостроительные и казенные дела в губернии, как то: ведомости о числе народов, ревизионные сказки, сведения о приходах и расходах, ревизии счетов, соляные дела, винный откуп и подряды, казенные всякие права, казенные и публичные строения и их содержание в губернии; с такого против камер коллегии отмененного, что казенная палата ни кого не судит, но производит требования свои, как о том в 118 статье, учрежденной ноября 7 дня 1775 года предписано, того для четвертый департамент Сената законы, указы, учреждения, повеления и приказания по части казенных дел отписывает в казенные палаты и от оных принимает рапорты и доношения.

34. Решения Сената в гражданских департаментах исполняются.

Глава VIII О департаментах Сената вообще

Решения Сената в гражданских департаментах исполняются, несмотря на перенос.

35. Разделение Сената на четыре департамента есть временное; к перемене же не приступать иначе как с доклада Императорскому Величеству.

Разделение Сената на четыре департамента есть временное и неперменное или непоколебимое, но может быть применено тогда свойство разделения или дело для общего добра выгодны найдутся могут; но к сему да не приступать иначе как с доклада Императорскому Величеству.

36. Департаменты Сената суть в равной силе и достоинстве.

Все департаменты Сената суть в равной силе и достоинстве и ни один департамент Сената перед другим преимущества не имеет.

37. О каких делах наперед рассуждать в департаментах и потом в общем собрании.

Дела, кои вновь какого постановления или перемены требуют, имеют быть прежде рассуждаемы и в департаментах, до которых принадлежат и потом в общем собрании департаментов Сената делать точное положение к докладу Императорского Величества.

38. Решение департамента Сената почитается решением всего Сената.

Департамента Сената решение да почитается решением всего Сената.

39. Департаментам Сената решать по законам.

40. Департамента решение объявлять при открытых дверях. Департаментам Сената не решать иначе, как по точным словам государственных узаконений.
41. Обнародование производит первый департамент. Буде решение какого департамента к объявлению следует, то да объявлять при открытых дверях.
42. Департаментам по делам производить совещания между собою. Буде решение какого департамента к объявлению следует, то да объявлять при открытых дверях.
43. Департамент один во власть другого не входит. Буде какому департаменту Сената нужно по делам сообщение с другим департаментом Сената, да произведут сообщение между собой; в случае же медленного ответа доложить о том Императорскому Величеству посредством генерал-прокурора.
44. Департаментам не перерешивать ни своих, ни других департаментов решений. Департаментам Сената избегать случаев входить во власть другого департамента Сената.
45. Департамент отсылают указы в подчиненные ему места. Один департамент Сената не может отменить решений других департаментов Сената, ни собственных своих перерешивать.
46. Жалобы на Сенат приносить Императорскому Величеству. Департамент Сената да не пошлет отказов токмо в подчиненные департаменту места.
47. Запрещается переносить из Сената к Императорскому Величеству в случае трех одинаковых решений судебных дел. Буде кто недоволен решением департамента Сената, тот через неделю неудовольствие свое да объявит Сенату, и тогда жалобу свою принести может Императорскому Величеству как и ныне, но наперед да распишется сам вместо присяги, что он то истинно думает, что он правое дело имеет, и буде дело его найдется неправое, то подвергнется казни.
48. Долг заседающего в Сенате. Перенос дел из Сената к Императорскому Величеству запрещается, буде в том деле трех судебных место одинаковых решений последовали.
49. Сенат не есть судное место. Заседающий в Сенате есть ходатай за пользу общую и дел Императорского Величества, защитник угнетенных и побудитель безгласных дел, и должен показать в поступках своих добротство, любовь и соболезнование к народу.
50. Власть Сената.

Глава IX О Сенате вообще

Сенат не есть судное место, но хранилище Императорского Ве-

личества узаконений.

51. О послушании Сената.

Сенат быв хранилищем законов да управляет и решает по силе и словам законов именем Императорского Величества; обнародует и объявляет законы, указы, учреждения и –повеления и приказания Императорского Величества.

52. О посылке в Сенат ответа о принятии повелений и прочее.

Упарвительственного Сената указу всяк в Российской империи будет послушен как Самодержавному Императорскому Величеству под опасением строгого законного взыскания.

53. О сообщении именных указов Сенату.

Буде какое правление, или палаты, или иное место получает из Сената закон, указ, учреждение, повеление, приказание или решение по делам, то ни мало не мешкав ответствовать в тот же день или на другой, что принято и по оному, что можно какое время, или чего не можно и зачем. Буде же дело такое, что в тот же день или на другой ответом исправляться невозможно, то по получении ответствовать на другой день, что принято; и в сем случае дается время единая неделя на составление объяснительного ответа, или же на присылку оправданий, для чего обстоятельный ответ не прислан и сие чинить под опасением строгого законного взыскания.

54. Об общем собрании и о правах представлений.

Понеже Сенат есть хранилище законов, для того государственные палаты или коллегии, правления губернские или наместнические и прочие места, в случаях вновь изданных и к ним присланных Императорским Величеством законов, учреждений, указов и повелений имеют оные сообщать в Сенат для записания и внесения в книгу за руками всего Сената.

55. О делах, до Сената подлежащих.

В случаях дел важных и чрезвычайных или при получении нового общенародного узаконения, для уважения дел Сената в общем всех департаментов собрания, при случае общего нового узаконения, буде закон в чем неудобен усмотрится, то дозволяется Сенату вообще делать свои представления Императорскому Величеству, а в случаях подтверждения от самодержавной власти непременно и безмолвное исполнение последних иметь.

56. О советниках в департаментах Сената.

В Сенат вносятся, производятся и отправляются в оном дела следующие: 1) буде случиться в палате или коллегии, или губернском правлении дело, которое в той же палате или коллегии, или губернском правлении решить невозможно, таковые дела приносятся или присылаются в Сенат; 2) о деле, не принадлежащем коллегии яко-то: о нападении неприятельском на границу, или начатии войны, о народном ослушании, о море или язве, или наводнении, или пожаре и о оный чрезвычайных припадках и приключениях.

57. О сенатских прокурорах и стряпчих.

Четыре статских действительных советника и четыре статских советника определяются в каждый департамент Сената для доклада дел.

58. Председатели палат и верхних земских судов избрав, докладывают Императорскому Величеству. Каждый департамент Сената имеет сенатского прокурора, сенатского стряпчего казенных дел и сенатского стряпчего уголовных дел. Сии стряпчие приносят свои жалобы в Сенат по их должностям и буде жалобы уважения достойные, тогда департамент прикажет им жалобу производить, где по существу дела надлежит.
59. Председателя верхнего надворного суда, Сенат, избрав, докладывают Императорскому Величеству. Председатели палат, председатели верхних земских судов, Сенат, избрав достойных людей на каждое порожнее место по два, внесет о том доклад к Императорскому Величеству, и ожидают повелений.
60. В правление и в палаты советников и ассессоров определяются Сенатом. Председателей верхнего надворного суда, Сенат, избрав достойных людей на каждое породнее место по два, имеет о том доклад к Императорскому Величеству и ожидает повелений.
61. Верхнего надворного суда советники, стряпчие и ассессоры определяются Сенатом. В губернское или наместническое правление и в палаты советников и ассессоры определяются Сенатом.
62. Экономии директоры, губернский казначей, оба председателя губернских магистратов, оба председателя верхних расправ определяются по представлениям губернского или наместнического правлений Сенатом. Верхнего надворного суда советники, стряпчий казенных дел и стряпчий уголовных дел, и ассессоры определяются Сенатом.
63. Городничий определяется Сенатом по представлению губернского правления. Экономии директоры, губернский казначей, первый и второй председатели губернских магистратов, первый и второй председатели верхних расправ определяются по представлениям губернского или наместнического правлений из достойных людей Сенатом.
64. Прокуроры определяются Сенатом.
65. Верхнего надворного суда прокурор определяется Сенатом по предложению генерал-прокурора. Городничий определяется Сенатом по представлению губернского правления.
66. Губернские оба стряпчие определяются Сенатом. Губернский прокурор, прокурор верхнего земского суда, прокурор губернского магистрата, прокурор верхней расправы определяются Сенатом по предложению генерал-прокурора.
67. Стряпчий верхнего земского суда, губернского магистрата и верхней

растравы определяются по представлению палат Сенатом.

Губернский стряпчий уголовных дел и губернский стряпчий казенных дел определяется Сенатом.

68. Советники в департаментах докладывают по жребию.

Верхнего земского суда стряпчий уголовных дел и стряпчий казенных дел; губернского магистрата стряпчий уголовных дел и стряпчий казенных дел; верхней расправы стряпчий уголовных дел и стряпчий казенных дел определяются по представлению палат Сенатом.

Глава X

О сенатском обряде в отправлении должности

69. По окончанию доклада приступают ко мнению.

Когда в департаментах Сената дело к слушанию готово, тогда советники того департамента в присутствии кидают жребий, кому из них достанется по сему делу докладывать Сенату. При докладе советника, на которого пал жребий, заседающие в департаменте прилежно смотрят, дабы из дела ничего упущено не было и доклад учинен был в точности, чистосердечно и сходно с истиною. Буде дело переносное, то подлинное решение и приказание или мнение тех судов и мест должно быть прочтено, дабы усмотреть можно было точности доклада во всех обстоятельствах.

70. Советник перед началом мнений скажет существо дела и доказательства и сделает заключения сходственно узаконений.

71. Младшие скажут наперед свое мнение.

По окончанию доклада, когда заседающие совершенно поняли как существо, так и обстоятельства предлагаемого им дела, по достаточному уважению и зрелому испытанию околичностей, без промедления приступают к решению и начнутся мнения.

72. Единогласие дело решит.

Советник, который докладывает, перед началом мнений скажет существо дела, потом буде дело уголовное или судное, доказательства, и наконец, сделает заключение по точному разуму и словам государственных узаконений. На что же узаконений нет или окажется сомнение в двугласном понятии узаконений, тогда предлагает недостаток и требует заключения сенатского прокурора.

73. Заседающие в Сенате не перебивают речь друг друга, а выслушивают терпеливо само дело.

Заседающие по старшинству, Младшие скажут наперед свое мнение.

74. Мнение советника, когда письменно, сохраняемо при деле.

Единогласие заседающих дело решит.

75. Как поступать, буде паче чаяния разногласия окажутся.

Заседающие в сенате да не перебивают один другого речь, но всяк из них имеет долг и должность терпеливо в молчании выслушать рассуждение, мнение, (л.28) предложение, голос по должности, так как и само дело.

Буде случиться, что мнение заседающих разветствует [отличается – Н.К.] от мнения докладчика, тогда советник должен письменно вывести о своем мнении и оно сохранят при деле.

Понеже каждый департамент Сената имеет порученное ему дело производить и решит по точной силе и по словам закона, следовательно, в течении дел разногласия быть не должно; но буде паче чаяния разделение голосов заседающих в департаментах окажется в деле исполнительном, уголовном, судном или казенном, тогда дело не верша, выслушивается заключение Сенатского прокурора того департамента, и потом советник рассуждениями старается отвратить разделение голосов; но буде в том успеху нет, тогда дело не реша, вносить в общее собрание, вносить в общее собрание, и при том, с каждого заседающего пять рублей подаяния в приказ общественного призрения столичного города, где заседание имеется, о чем в тот час советникам и прокурору сообщить имеют словесно генерал-прокурору, сей же стряпчего казенных дел и губернатору для неперемного взыскания, буде заседающий, подаяния в тот же час не заплатит, буде же советник или прокурор не выполнит, чего в сей статье предписано, то взыскать с них самих генерал-прокурор имеет [право – Н.К.] в двое [больше – Н.К.] через уголовного стряпчего верховного уголовного суда, ибо сие уже почитается точно нарушение должности; генерал-прокурор перед Императорским Величеством ответствовать имеет в точном исполнении предписанного здесь, под опасением лишения должности, по его месту понеже подаяния не имущем принадлежит, которых того лишит не должно ни под каким видом.

76. Постановления или перемены уважать в департаментах Сената, в общем же собрании учинить положения к докладу Императорского Величества.

77. Причины определения прокуроров и стряпчих в департаментах Сената.

Дела, кои постановления или перемены к лучшему требуют, имеют [право – Н.К.] быть в первых рассуждаемы в департаменте Сената и потом в общем департаментов собрании учинить точное положение к докладу Императорского Величества.

78. Буде случиться сомнение, до какого департамента Сената или до какого места дело надлежит или о узаконении, то выслушивать заключение сенатского прокурора и прочее.

Понеже для споспешествования управления и правосудия и для сохранения доброго и законами установленного порядка в Сенат, сколь в рассуждении заседающих, столь и по важности дел, полезно снабдить Сенат нарочитыми людьми, коим предписано, и коих долг есть быть бдителями о исполнении узаконений, изыскателями наказаний за преступления, охранителей невинности и для того определяется в каждый департамент Сената сенатский прокурор, сенатский стряпчий казенных дел и сенатский стряпчий уголовных дел.

79. Буде которое дело случиться и частное, и общественное или частное и до казенного интереса каса-

Буде случиться в департаменте Сената дело такого существа, что из оногo родится сомнение или запрос, в который департамент Сената или до какого места производство надлежит или во всяком ином деле, где у заседающих в департаментах Сената родится может о узаконении сомнение, то сообщить то дело Сенатскому прокурору, и выслушивают его заключение прежде

ющеся, то выслушивается заключение сенатского прокурора.

80. Сенатским прокурорам и стряпчим никто речи не перебивает.

81. Департаменты Сената посредством сенатских прокуроров и стряпчих сносятся с ведомо генерал-прокурора и главных стряпчих.

82. Сенатские стряпчие имеют право требовать сообщения всякого дела, в их должность входящего.

83. Сенатские стряпчие по сообщенным делам и по делам к коих они по должности истцами какие права имеют.

решения, и потом решают дело.

Подобные заключения сенатский прокурор обязан сообщить генерал-прокурору и от оного принимать поправления заключением сходственные общим установлениям.

Буде в департаменте Сената случиться дело такого существа, что оно вместе и частное, и общественное или частное, но касается до казенного интереса, то сообщается сенатскому прокурору и выслушивают его заключение прежде решения.

Сенатским прокурорам и стряпчим никто да не перебивает речь, но терпеливо да в молчании выслушивают их заключение и предложения по должности.

Департаменты Сената между собой посредством Сенатских прокуроров и стряпчих с ведомо генерал-прокурора и Главных стряпчих сносятся, для того сенатские прокуроры и стряпчие входят в департаменты, где определены.

В рассуждении полученной должности, сенатские стряпчие имеют право требовать в департаментах Сената, где они определены, сообщение всякого дела, касательно до их должности, как, например, дела, касающиеся до казенного интереса или ущерба, в спорах о землях, казенные земли и права они защищать должны; дела, нарушающие общий порядок или противные власти и должности; дела, касающиеся запрещенного сбора с населения или зловердные взятки; дела, касающиеся до общества; дела малолетних, кои опекунов не имеют; и прочие, сему подобные в их должность входящие, или касающиеся до оной, не входя, однако, отнюдь, в дела между частными людьми, не касающиеся до вышеописанного в сем пунктах.

По сообщенным делам, или когда который сенатский стряпчий сделается истцом, когда по свойству дела сенатский стряпчий имеет право предложить департаменту Сената и требовать или личной присылки к суду ответчика или его поверенного или представления ответчика на место в присутствии (л.33об) или сенатского веления посадить ответчика под стражу, буде преступление такого рода, что законы сие повелевают, или наложить пеню, или учинение выговора, или иных судебных приговоров по свойству дела, одним словом, сенатские стряпчие имеют право по делам их должности проводить в Сенате, где они определены, жалобу, просьбу, просить следствие по производству дела и до сочинения приговора, предложить, чего в производстве недостает, переносить решение дела из департа-

84. Сенатские прокуроры и стряпчие выходят во время решения из присутствия.

85. Что генерал-прокурор смотреть в Сенате обязан.

86. Буде законная или незаконная причина дело задерживает как поступать.

87. О предложении заключения, доношения и сообщения от лица генерал-прокурора.

88. Заседающие в Сенате генерал-прокурор, сенатские прокуроры, губернаторы, вице-губернаторы,

мента Сената в общее собрание Сената, требовать генерального суда, смотреть и бдение иметь о сохранении порядка Сенату и Генеральному суду предписанного и чтобы истцы и ответчик надлежащее Сенату и Генеральному суду почтение сохраняли, что б департаменты Сената собирались в сове время и заседание имели в срочные часы, в случаен подозрения по делу, на которого заседатель, буде сам не удержится от присутствия, то сенатский стряпчий ему прилично о том напомнить обязан, что б пеня в надлежащее время взыскана была, а сенатские стряпчие сами за всякое упущение подлежат двойному взысканию.

Сенатские прокуроры и стряпчие во время решения дела из присутствия выходят. Департаменты же Сената решают дело по точной силе и словам закона, не смотря ни на чьи требования или предложения.

Генерал-прокурор в Сенате смотрит:

1. дабы всяк заседающий свою присягу и должность хранил;
2. чтобы дела, кои к рассмотрению и решению Сената подлежат, правдиво, ревностно и порядочно и всякое дело в свое время, в силу закона и по словам закона, учреждения и указов в Сенате отправлялись;
3. что б не только в Сенате дела вершились, но и самим делом исполнялись и для того;
4. генерал-прокурор должен спрашивать тех, кому из Сената в силу законов, учреждений и узаконений исполнение послано, потому выполнено, как выполнено и в какое время выполнено, в какое начало и совершенство того дела исполнено или выполнено быть могло. И буде не исполнено, то кокой причины ради не исполнено, невозможности ли ради или иной причины ради.

Буде какая причина отправления или выполнения дела помешают, то записывают оную в дневную запись или в журнал генерал-прокурора; буде же незаконная причина отправления или выполнения дела помешает, как то страсть, или ленность, или непорядок, то генерал-прокурор немедленно о том Сенату доложить должен.

Сенат в силу своей присяги в своем звании поступает не инако, как ревностно, не лицемерно, праведно и справедливо, но буде паче чаяния случилось тому противное или несходственное, то генерал-прокурор провинен: 1) предлагать сенату словесно, явно с полным изъяснением, в чем по законам, учреждениям или указам единый или более не так дело толкуют, или закон, или учреждение, или указ не так понимают, как надлежит; 2) буде словесное предложение генерал-прокурора останется без действия, то генерал-прокурор должен Сенату представить свое заключение письменно; 3) буде же и заключение генерал-прокурора останется без действия, то генерал-прокурор, оное дело оставляя, повинен донести Императорскому Величеству;

первые и вторые председатели коллегий или палат, первые пять классов империи в преступлении должности или тяжкой вины кроме Императорского Величества Генерального суда не судимы.

89. О течении дел в преступлении должности и тяжкой вине.

90. В каких случаях Верхний уголовный суд дело долженствует отсылать второму Сената департаменту.

91. О власти Сената второго департаменту.

92. О власти Сената общего собрания в ревизии дел в преступлении должности или тяжкой вине.

93. О Генеральном суде.

4) заключения письменные имеет [право – Н.К.] генерал-прокурор сообщить главной расправной палаты в первый департамент надзирания права и правосудия.

Заседающие в Сенате генерал-прокурор, сенатские прокуроры, губернаторы, вице-губернаторы, первые и вторые председатели коллегий или палат, и вообще первые пять классов империи, и все те, кои по губерниям не подлежат или не подчинены суду судебных мест в случае неисполнения должности или тяжкой вины ни чьему суду не принадлежат, кроме Императорского Величества Генерального суда (исключительно, однако ж, военных правил к тому суду принадлежащих, как прежде, так и ныне). Буде паче чаяния Императорское Величество из столицы в отлучении, и кто из вышеописанных явится в тяжкой или времени не терпящей вине (яко то измена), то Сенат может: 1) приказать взять под стражу; 2) указать расправной палаты второму департаменту в верхнем уголовном суде суд исследовать; 3) должность на время поручить иному; 4) дела же не вершить, наказания не чинить без точной вили и повеления Императорского Величества.

Глава XI

О течении дел в преступлении должности и тяжкой вине

Течение дел в преступлении должности и тяжких винах да будет отныне следующим порядком.

Расправной палаты второй департамент верхний уголовный суд уведомляется по доносу частных людей или по жалобе стряпчих, или по сообщению судебного места, или по приказанию Сената, или по повелению Императорского Величества, что преступление должности или тяжкая вина учинились, долженствует чинить немедленное исследование произошедшего преступления, найдя для него нарочительных членов и буде преступление не принадлежит ни лишению жизни, ни лишению чести, ни казни, то верхний уголовный суд по получении исследования от своих наряженных исследователей учинит в силу законов приговор решительный, который представит Сената второму департаменту.

Буде же обвиняемый за преступления подлежит лишению жизни, или лишению чести, или казни, тогда исследование дела с приличными законами и сомнениями отошлет дело и обвиняемого в верхний уголовный суд во второй департаменту Сената для приговора.

Сената второй департамент, получа из верхнего уголовного суда следствие или приговор, не теряя времени, прилежно входит в рассмотрение обстоятельств, и чинит в силу законов приговоров, которые отсылаются для описания дела Сената в общем собрании для ревизии о порядочном производстве и решении дела.

94. Свод дел, по которому Генеральный суд был в Собрании.
- Сената общее собрание по получении дела в преступлении должности или тяжкой вине ни мало учинит производство дела в преступлении должности или тяжкой вине ревизию, и для того нарядит не менее трех и не более двенадцати членов, и по получении от оных ревизии, преступают к решительному вершению оных.
95. Об окончании дел, кои не подлежат Генеральному суду.
- Буде по следствию вверенном уголовном суде доказано, во втором департаменте Сената предварительный приговор учинен, Сената в общем собрании ревизия о порядочном производстве окончена и Сенат усмотрит, что дело подлежит Генеральному суду, тогда вносит доклад Императорскому Величеству дабы собран был Генеральный суд.
96. Что генерал-прокурор наблюдать при получении новых указаний.
- Дела, по которым Генеральный департамент суть следующие:
1. умысел против самодержавной особы;
 2. умысел против самодержавной власти;
 3. презрение власти;
 4. высшая измена.
- Смотри о сем статьи в Уголовном уложении.
97. Как генерал-прокурор злоупотребления противные узаконениям долженствует отвращать.
- Буде Сенат усмотрит, что дело не подлежит Генеральному суду, тогда приступит к решительному вершению дела и для того касательно снятия чинов и дворянства вносить оные в доклад Императорского Величества; дабы в страх злым наказан преступник за преступления в том уезде, или городе, где учинил злое действие.
98. Буде случиться сомнение, до которого места дело надлежит, или в узаконении, то выслушивать генерал-прокурора и проч.
- Когда об самодержавной власти присланы будут новые общие указания, или учреждения, или указы в Сенат, тогда для записания в книгу законов, учреждений и указов Сената, выслушивают наперед заключение генерал-прокурора, сей предложит тогда новоизданный закон, учреждение или указ, с каким узаконением сходен, или каким узаконениям противен, или в отмену, или в продолжение, или в дополнение которых.
99. Буде какое дело слушаться и частное, и общественное и до казенного интереса касается, то выслушивать заключение генерал-прокурора.
- Буде генерал-прокурор о злоупотреблениях, противных законам, учреждениям или указам от Сената или прочих прокуроров уведомлен будет, то долженствует о том уведомить Сенат, дабы злоупотребление поправлено было.
100. Буде дело слушаться,
- Буде случится в Сенате дело такого существа, что из оногo родится сомнение или запрос, в который департамент или место, или до которого департамента или до какого места производство надлежит, или во всяком ином деле, где у заседающих в Сенате родится может об узаконении сомнение, то сообщается то дело генерал-прокурору, и слушается его заключение прежде решения, и потом решать дело. Подобное же заключение, равномерно и те заключения, кои генерал-прокурору сообщены будут от сенатских и прочих прокуроров и генерал-прокурора поправление буде где слушаться он обязан не токмо донести Императорскому Величеству и ожидать правления или под-

что закон не ясен или закона нет, то выслушивать заключение генерал-прокурора.

101. Генерал-прокурору и главному стряпчему никто речи не перебивает.

102. О предметах стряпческой должности и проч.

103. Главный стряпчий имеет право требовать сообщить всякое дело в их должность входящее.

104. Главные стряпчие по сообщенным делам и по делам, в коих они по должности своей истцами, какие права имеют.

тверждения, но и сообщать их в главную расправную палату в департамент надзирания прав и правосудия.

Буде в Сенате слушаться дело такого существа, что оно вместе и частное, и общественное или частное, но касается до казенного интереса, то сообщается генерал-прокурору и выслушивается его заключение прежде решения.

Буде в Сенате слушаться дело такого существа, что законами, учреждениями или указами ясно не изъявлено или вовсе в законах, учреждениях и указах постановление о том не находится, то сообщается генерал-прокурору и выслушивается его заключение прежде решения.

Генерал-прокурору и главным стряпчим никто да не перебивает речь, но терпеливо и в молчании да выслушивают их заключения и предложения по должности.

Главный стряпчий должность имеет: 1. дать заключение сходственное с сохранением общего, законами установленного порядка; 2. производить жалобу несмотря на лица, яко истцу главному стряпчему казенных дел по казенным и государственным делам, нарушающим общий порядок или противное власти и присяжной должности; главный же стряпчий уголовных дел производит жалобу яко истцу по уголовным и государственным тяжбам, винам и преступлениям, нарушающим законы; всякий раз там, где истца нет, но доказательства имеют, истцам же главный стряпчий не иначе делает, как донеся о том наперед первому департаменту Сенату и, показывая оному по делу тому свои доказательства и получая от первого департамента Сената дозволение.

В рассуждении полученной должности, главные стряпчие право имеют требовать в Сенате сообщение всякого дела, касающегося до их должности, как, например, дела, касающиеся до государственного или казенного интереса или ущерба, в спорах о землях, казенные или государственные земли, и права они защищать должны, дела, нарушающие общий порядок или противные власти и должности; дела, касающиеся до запрещенного сбора с народа или зловредные взятки; дела, касающиеся до общества, дела малолетних, кои опекунов не имеют и прочие, сему подобные, в должность их входящие или касающиеся до оной, отнюдь, однако, не входящие в дела между частными лицами, не касающиеся до вышеописанного в сем пункте.

По сообщенным делам, или когда который стряпчий сделался истцом, когда по свойству дела он право имеет предложить Сенату и требовать или личной присылки к суду ответчика, или

105. Главный стряпчий уголовных дел, когда представить имеет [право – Н.К.] свои заключения по начатому делу и когда ему представить донос или доносителя.

106. Главные стряпчие выходят во время решения дел из присутствия.

107. Как Генеральный суд составлялся.

108. Судимому не запрещается отрешить две трети и да будет судим оставшимися.

109. В Генеральном суде быть чина по гражданству такого же и ответчик.

110. Где кто сидит в Генеральном суде.

его поверенного, или представления ответчика на место в присутствии или сенатского подельника посадить ответчика под стражу, буде преступление такого рода, что законы сие повелевают, или учинение выговора или иных судебных приговоров по свойству дела; одним словом, главные стряпчие право имеют по делам их должности производить в Сенате, где они определены, жалобу просьбу, просить следствие по производству дела и до сочинения приговора предложить, чего в производстве не достаёт, переносить решение дела из департамента Сената, в собрание всего Сената, требовать созыв Генерального суда, смотреть и бдение иметь о сохранении порядка и Генерального суда предписанного, и чтобы истцы и ответчики, подлежащие к Сенату и Генеральному суду почтение сохраняли, что б Сенат и Генеральный суд собирались в свое время и заседания имели в срочные часы; в случае же подозрения по делу на которого заседателя, буде сам не удержится от преступления, они ему о том прилично напоминать могут, что б пени в надлежащее время взысканы были, а они сами за всякое упущение подлежат двойному денежному взысканию.

Главный стряпчий уголовных дел, когда уведет производство и виды ответчика, когда суду представит свои заключения; буде же Сенат или суд оправдает ответчика, тогда главный стряпчий под опасением потерять свое место, обязан представить ответчику донос и доносителя, буде ответчик того потребует, дабы явно и ясно было, что главный стряпчий уголовных дел не есть подклепатель невинности.

Главные стряпчие во время решения дела из присутствия выходят, Сенат или Генеральный суд решает дела по точной силе и словам закона не смотря ни на чьи требования или предложения.

Глава XII **О Генеральном суде**

Генеральный суд составлялся из Сената, Синода и четырех первых классов империи, из представителей государственных и прочих судебных палат или коллегий на лицо находящихся в том месте.

Судимому генеральным судом не запрещается отрешить из заседающих две трети и тогда да будет судим оставшимися.

В Генеральном суде надлежит быть чина по гражданству такого же, какого и ответчик, то есть, ему равным, и для того по делу дворянина в Генеральный суд призвать суды дворянские, как то верхние палаты уголовного суда, верхний земский суд, уездный суд; по делу мещанина – суды мещанские, губернский, городской магистраты по делу подсудимого расправе, расправы

верхнюю и нижнюю.

111. Законоведец в Генеральном суде смотрит, что б обряд точно наблюдаем был.

112. Сената первый департамент учинит за три дня Генеральному суду повестку и устроит место благопристойное, без излишеств.

113. Сената первый департамент собирается за два часа до Генерального суда.

114. Когда Сената первый департамент подписывает определение в открытии Генерального суда.

115. Объявление определения о действительном открытии Генерального суда.

116. О занятии мест в Генеральном суде и о прочтении дела, которое остается на пороге.

117. Законоведец предлагает, чтоб ответчик призван был в генеральный

В Генеральном суде Сенат и Синод сидят за длинным столом, суды равного чина налево полукружением, законоведец направо посреди надзирания прав и правосудия, возле него полукружением сидят четыре первые классы империи, председатели государственных и прочих судных палат или коллегий; законоведец имеет на малом столе подле него книгу – уголовный закон и обряд уголовных дел, в руках же перечень производства судимого в Генеральном суде настоящего дела; в конце комнаты перила находятся, за которыми место ответчика, его стряпчих и провожающих его.

Законоведец смотрит, что б в Генеральном суде уголовный закон и обряд точно и слово от слова наблюдаем был; буде же где усмотрит противное том, тогда напоминает, что закон предписывает.

Получа повеление или соизволение Императорского Величества собрать Генеральный суд, первый департамент Сената учинит список Сенату, Синоду, четырем первым классам империи, председателям государственных и прочих судебных палат или коллегий на лицо находящихся в том месте, судам равного чина с ответчиком, надзирателю прав и правосудия, и законоведцу имеет приказать приготовить палату и покой ожидания для собрания, в ней устроить все для того Генерального суда нужное, как то столы, стулья, приличное тому месту убранство, благопристойно, без излишеств; и когда все готово, тогда призовет ответчика и объявить ему список особ, Генеральный суд составляющих, объясняя ему, что по закону он право имеет отрешить две трети; оставшимся же повестку учинить, дабы в какой-то день и час, в таком-то месте собирались в Генеральный суд.

В назначенный день для собрания Генерального суда Сената первый департамент за два часа до собрания Генерального суда собирается в назначенное место и чинит смотр приготовлениям и потом в покое ожидания сядет образом присутствия, слушая приготовленное определение о действительном открытии Генерального суда.

Когда по повестке Сената первого департамента, члены Генерального суда в покой собрались в присутствии Сената первого департамента, и оный в том уведомился через своих докладчиков, тогда Сената первый департамент подписывает определение о действительном открытии Генерального суда.

Сената первый департамент, подписав определение о действительном открытии Генерального суда, велит оное почесть в собрании, и, встав с места, пройдет со всеми членами в палату Генерального суда.

суд.

118. Генеральный суд призывает ответчика.

119. Генеральный суд имеет четырех экзекуторов.

120. Генеральный суд не имеет право толковать законы.

121. Законоведец ответчика, назвав именем и прозвищем, объявляет ему для чего Генеральный суд в собрании и чтоб письменно или словесно подал [показания – Н.К.], служащие его оправданию.

122. Генеральный суд судит по точным словам закона.

123. Законоведец предлагает, чтоб выбраны были судьи Генерального суда.

124. Генеральный суд избирает судий.

125. О выборе судий Генерального суда.

Пришедшие в палату генерального суда, члены занимают свои назначенные места, докладчик Сената, прочитав Генеральному суду течение дела в верхнем уголовном суде, во втором Сената департаменте и в общем собрании, потом скажет свое мнение, что все выслушивают в молчании до конца, по окончании чтения докладчик дело положит на стол, дабы всякий член собрания мог прочесть про себя, что к сведению его нужно найдет.

По прочтению дела в Генеральном суде законоведец, встав, предлагает, чтоб ответчик призван был в Генеральный суд, ибо по законам право имеет защищаться сам или через стряпчих своих перед Генеральным судом.

Законоведец, предложив слова закона, Генеральный суд подчиняясь власти закона, призывает ответчика в присутствие через двух экзекуторов Генерального суда.

Генеральный суд имеет четырех экзекуторов.

Генеральный суд не имеет право толковать законы о наказаниях.

Ответчик был введен в присутствие Генерального суда и с ним двое стряпчие, кои ему служат в защищение его, буде оправдаться сможет. Законоведец, сидя подле перил, имея в руках перечень дела судимого, ответчика назвав именем и прозвищем, спросит, так ли его зовут? И буде ответчик или стряпчие скажут – так, тогда законоведец объявляет ответчику, что Генеральный суд созван выслушать:

1. что общий закон гласит;
2. что объявляет действие, о котором речь идет, сходное оно с законом или противное им;
3. что заключение содержать имеет оправдание невинности или наказание за преступление, и для того, чтобы представил сам или через стряпчих и как его смысл представляется словесно или письменно, подаст он или стряпчие его, то принять и записать и потом отпустить его из присутственной палаты Генерального суда.

Генеральный суд судит по точным словам закона.

По выступлению ответчика из присутственной палаты Генерального суда, законоведец встает со своего места, предложив заседающим, дабы благоволили из заседающих избрать по баллам одну треть аки судьи Генерального суда, исключая, однако, его одного, аки глас закона имеющего.

126. Законоведец, прочитав имена судей Генерального суда и, вручая им перечень дела судимого, предлагает им, чтоб они, выступив из присутствия, брали все оное в размышление и уважение и потом представили Генеральному суду, служили к оправданию или наказанию.

Законоведец, предложив слова закона, Генеральный суд повинаясь власти закона, из заседающий [выбирает – Н.К.] и берет по баллам одну треть аки судьи Генерального суда, исключая законоведца, аки глас закона имеющего.

По выборе из заседающий по баллам одной трети аки судий, законоведец запишет имена каждого и число баллов, и когда треть составляет более 12 особ, тогда имена более баллов имеющие, под названием действительный судий Генерального суда напишет на листе в заглавии, затем остающиеся под названием запасных, напишет под заглавием. Когда же треть составит менее двенадцати, тогда из двух третей прибавят до двенадцати.

По записании имен и родов судий Генерального суда, законоведец, встав со своего места, подойдя к длинному столу, прочтет имена их громко, аки судьи Генерального суда. Они же, встав со своего места, станут полукружением, законоведец посреди них, лицом обратясь к ним, прочесть велит судебную присягу для памяти, потом вручит им перечень дела судимого, сказав им:

1. что общий закон гласит;
2. что изъясняет действие, о котором дело идет, сходно ли оно с законами или противно им;
3. что заключение содержит имеет оправдание невинности или наказание за преступление, и для того, что б благоволили выступить из присутствия и брать все сие в зрелое размышление и уважение и потому как их смыслу представляется словесно или письменно служащие к отправлению или наказанию, представили Генеральному суду.

СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I ОБ УСТРОЙСТВЕ СЕНАТА

РГИА. Ф. 1167. Дела комитета 6 декабря 1826 года. Т. XVI. Оп. 1. Д. 5.
Опубликована: Сб. ИРИО. Т. 90.

Сенат Я полагаю быть единственно судебным местом, к которому бы шли дела чрез подчиненные места на конфирмацию во всех казусах, которые не во власти нижних судебных мест. Судебным же местам, как и Сенату самому, должно иметь границы и как в уголовных, так и в гражданских делах докладывать нижним местам Сенату, а сему опять самому Государю, как скоро казус решением своим выходит из власти того места, что и может быть положено ценою в гражданских делах, и родом преступления в уголовных. Сенат должен быть разделен, как судебное место, на два департамента: департамент уголовной и департамент гражданской. Составлену ему быть из первых трех классов людей, по пятнадцати в департаменте. Сии департаменты собираются в общее собрание тогда, когда дело существом своим требует нового законоположения или дело о важном каком преступлении, оскорбляющем величество в первых степенях. Но при таковых общих собраниях подлежит опять положить границу власти Сената, которая, окончание получа, прибегает к власти Государевой. Распоряжении внутренние и хозяйственные...

ЗАПИСКА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I ОБ УСТРОЙСТВЕ РАЗНЫХ ЧАСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ¹

РГИА. Ф. 1167. Дела комитета 6 декабря 1826 года. Т. XVI. Оп. 1. Д. 6.

Опубликована: Сб. ИРИО. Т. 90. С. 1-4.

О главном правлении

Государство имеет 7 главных департамент, кроме Сената, яко главного трибунала, о котором будет говорено особо, которые составляют правление оного: 1) Юстиции, 2) Финансов, 3) Военной, 4) Иностранной, 5) Морской, 6) Коммерц, 7) Казна. Каждый из оных имеет своего министра. Министр Юстиции имеет под собою юстиц и вотчинную коллегии. Финансов министр имеет камер, берг, экономию для государственных вообще владений и соляную коллегии. Коммерц министр имеет коммерц, мануфактур коллегии и таможду. Прочие остаются каждый при своем департаменте. Каждый их оных иметь вести протокол по всему течению дел, в силу приложенной таблицы.

Государь имеет Кабинет или Канцелярию, которая должна быть составлена из следующих: генерал-адъютант и 6 секретарей или адъютантов, каждый принадлежащий одному из департаментов. Должность оных будет сказана ниже сего. Каждых из выше именованных мест управляет дела из своей части и друг от друга независящей.

Совет

В совете присутствуют первые министры департаментов и вице-канцлеры, в которых оные быть имеют. Совет место не законодательное, а единственно для помощи и сношения как Г[осударю], так и министрам. Совету себе дел не присваивать, а рассматривать представленные министрам, того департамента, какого рода дело, но с повеления Государя.

О министрах

Министры имеют по своим частям начальство департаментов каждого рода дел, о котором имели б сношение беспрестанное с Государем, и переговора по оным между собой в Совете, по повелению Государя им же в своих же департаментах наблюдать, дабы дела шли порядком и ношение было не прерванное, а законное с рассмотрением голосами, справками и протоколами. Каждый министр имеет день и час для переговоров с Г[осударем]. Все дела, следующие к прочтению Государя, отсылаются с вечера в запечатанном конверте, в канцелярию Государя и на имя Государя, с мнением министра и всех членов оного департамента. В таковых же делах, если министр имеет нужду самоличного объяснения с Государем, тогда об оном может сам докладывать и оное подносить Государю, но в день только назначенный, исключая таковых дел, которые не терпят и о которых приходят с докладом во всякое время. Касательно до решения Государя по делам, то министры оное получают от самого Государя из Его Канцелярии через секретаря того департамента или дежурного, но за подписью Г[осударя] и всякого рода повелений. А в Г[осудареву] канцелярию для непрерывного течения дел должен быть дежурный секретарь неотлучно, чему и весть журнал. Касательно же до дел, долженствующих быть представленными на рассмотрение в Совете то оные министр каждого департамента не прежде исполнять, как доложить об оном Государю и иметь на такой поступок его повеление. Касательно до требования секретарями справок по делам из департаментов, министрам поступать как об оном сказано в должности секретарей, и вести во всех департаментах счетную записку всем требуемым секретарями справок, так как резолюциями и приказами по делам от Государя.

О составлении Кабинета или Государевой Канцелярии

1) Генерал-адъютант имеет в своем повелении все дела, касательно до военного департамента.

¹ Опубликована с исправлениями по подлиннику.

- 2) Секретарь юстиционных дел.
- 3) Секретарь департамента финансов.
- 4) Секретарь иностранного департамента.
- 5) Адъютант морского департамента.
- 6) Секретарь коммерц департамента.
- 7) Секретарь департамента казначейства.

Чинов всем вышеуказанным не предписывается.

В каждой из вышеозначенной части для вспоможения как генерал-адъютанта, так и прочих адъютантов и секретарей быть по одному обер-офицерского чина и по 4 писаря унтер-офицерских чинов, в военной части, в юстиции, в иностранной и финансов, в морской – 3, в коммерц и казначействе – по 2¹.

О их жаловании

Оным всем без разделения суммы рационов и жалования	{	Генерал-адъютанту
		Адъютантувсего
		Секретарювсего
		Итого

Прочим Офицерского чина одному		
всем		
		Итого

Писарям:	
Одному	Всем

Итого всей суммы на жалование составляющих кабинет или Государеву Канцелярию

На мелкие канцелярские расходы, как бумага, сургуч и прочие каждого часть или вообще как заблагорассудится

Итого всей суммы.....

О должности Генерал-адъютанта и прочих адъютантов и секретарей

Каждый из оных исполняет нижеописанную должность в своей части особо, не состоя один под другим².

Генерал-адъютант имеет под своим правлением все дела, входящие в Канцелярию и исходящие из оной, по своей части.

Прочие секретари и адъютанты имеют правление дел, входящих в канцелярию и исходящие из оной, тех департаментов, которых они имеют название.

В Канцелярии Государевой из секретарей и адъютантов должен быть один дежурный и быть в оной безотлучно денно и ночью. Оный получает присланные из какого бы то ни было департамента конверты на имя Государя, которые немедля подносит.

По приказу Государя, подписав свое имя, упомянув дежурный секретарь, требует по делам из каждого департамента справки, которые должны получать за скрепкою одного члена того департамента и под номером. В часы присутствия, дабы дежурный не был отвлечен своею должностью по дежурству от своего департамента, могут и прочие секретари и адъютанты та-

¹ В подлиннике на полях напротив этого абзаца написано: «остальных – четыре».

² В подлиннике это предложение написано на полях, видимо, позднее.

ковые справки из департаментов требовать и принимать на имя Государя конверты, каждый по своему департаменту. Генерал-адъютант – во всякое время. При исполнении вышеописанного всегда означить повеление Государя, вести верный журнал дежурству секретарей и адъютантов, какое дело дежурным или не дежурным получено, делам вышедшим и исшедшим, означая в оных точно все резолюции и приказания Государя по оным, в силу приложенного для того листа, означая на каждом месяц и год.

Дежурному принимать все письма на имя Государя, а в часы присутствия всем тем людям, которые письма представлять сами, тем приказывать явиться на другой день для резолюции или ответа¹. Словесных просьб ни под каким видом и ни от кого никаких не принимать и брать записки с имен просителя.

Вообще всем секретарям, по получении дел из департамента, докладывать и оных Государю немедленно.

¹ Об оном должна быть публикация особо, что б каждый в Государстве о таком о таком улучшении был известен. (эта сноска в тексте сделана рядом на полях).

ЗАПИСКА ГР. ВАЛЕРЬЯНА ЗУБОВА О ПРАВАХ СЕНАТА, ПРИ ВСЕПОДДАННЕЙШЕМ ПИСЬМЕ ОТ 29 АПРЕЛЯ 1802 ГОДА

РГИА. Ф. 1167. Дела комитета 6 декабря 1826 года. Т. XVI. Оп. 1. Д. 8.
(документ ранее не публиковался)

По поводу проекта указа о власти, должности и правах Сената, как по мнению моему, благовиднейшим образом обстоятельство сие привести к окончанию, осмелюсь всеподданнейше предложить о сем особую записку...

О правах Сената

По настоящей конституции России, источник, начало и конец всех сил государственных есть Государь. Он один есть законодатель, судья и исполнитель собственных своих законов.

Из сего соединения сил государственных происходит, что ни один класс государства в России самостоятельного и политического бытия иметь не может.

Я называю бытие самостоятельным, когда известный род людей, не только не имеет права, на бумаге ему данные, но и имеет силу их поддержать так, чтобы он без прав, а система государства без него, существовать не могли.

Неужели нужно доказывать, что таковых прав в России нет?

То, то называют у нас правом, преимуществом, Жалованной грамотой, не что другое есть, как начертание воли владеющего государя об управлении, пользах и выгодах известного звания людей.

Поелику сия воля не ограничена: то очевидно, что всякую минуту она может перемениться; а с переменою ее все права и преимущества, естественно, упадают.

Истинное право не что другое есть, как Закон Государственный, приложенный к пользам и выгодам известного сословия.

Не скажут ли еще, что у нас есть законы? Это было бы крайнее слов злоупотребление. Законы есть непременно выражение воли целого государства; а я вижу везде только одни указы, только от одного владеющего лица истекающие и другим, а часто им самим же исправляющиеся.

Из сего следует, что в России никакое состояние людей действительных прав не имеет, потому что всякое право предполагает известную часть государственной силы; а у нас все силы собраны в одну самодержавную волю.

Если состояние людей не имеет действительных прав: то каким образом иметь их могут места, для исполнения самодержавной воли учрежденные и от единого манования ее зависящие.

Что б познать яснее все смешение понятий в этом вопросе допущенное, надобно только обратиться к началам нашей конституции.

Я спрашиваю, во-первых, какую часть государственной силы имеет в себе Сенат?

Конечно, не законодательную – и, как в думаете, исполнительную? Но согласиться прежде в понятии силы государственной. Силою вообще во всех местах метафизических, моральных и физических понятий называют такое свойство вещи, по коему она сама собой и независимо от внешних побуждений действует. Силою государственной или политической называют власть, вверенную государственному лицу или сословию лиц располагать деяниями людей, предписанием им прав.

Сила исполнительная есть власть располагать деяниями людей на самом деле, по соображением их с законами. Что б располагать деяниями людей надобно иметь во власти своей все нужные к тому государственные способы. – Средства награждения, средства наказания, средства понуждения, ибо сими тремя движутся люди, то есть надобно иметь в повелениях своих войска, деньги и все отличия.

Теперь я вопрошаю, которую из двух сил имеет Сенат?

Какую власть и когда вверяло ему государство? Какие законы он издать может? В его ли повелении войска, деньги, отличия?

Из сего очевидно, что Сенат не есть лицо политическое: ибо он не одну из государственных сил в себе не вмещает.

Единое действующее в нашей конституции лицо есть Государь; ибо он один соединяет в себе все годы сил: воля его есть закон и исполнение его; все прочие состояния и сословия не имеют ничего, кроме сил физических, личных (*pouvoirs individuel*).

По сему понятию, что такое Сенат?

Верховное место правосудия – ответят мне – высшее правительство, хранилище законов, ходатай народа, власть исполнительная – пустые, напыщенные слова, так как брат солнца и луны обладатель всех звезд.

Сенат в самом начале своем, на важность коего так много ныне ссылаются, не что другое был как общее собрание всех коллегий.

Но что такое коллегии? – Департаменты министерств – *le bureau*¹ – отделений Государева кабинета. Кто когда-нибудь в истинном смысле мог назвать их государственными местами, когда не только лица, их составляющие, но и сами они несколько раз учреждались, низвергались, преобразовывались и память о них даже погибла, а государство меж тем стояло без всякой перемены в политическом своем положении и большей частью и большая часть его и не знали ни о рождении сих светил, ни о их закате.

Нет власти государственной, кроме той, которую государство вверяет, которую оно избирает, оно возводит и низводит.

По сему Сенат не был никогда местом прямо государственным, но всегда был местом Государевым – никогда не имел власти исполнительной (*pouvoir executif*); но имел власть отправления известных дел (*pouvoir expeditif*). Государи, располагая им, как своим кабинетом внутренних дел, иногда давали ему более, иногда менее власти, но никогда не давали ему столько, чтоб он мог иметь собственную силу действий ибо всегда определения и отрешения членов его не только в их воле, но и в прихотях министров их составляло.

Я нахожу все его уставы, протекаю все его эпохи, беру апогей его славы во время князя Куракина² и нигде не нахожу ни прав, ни преимуществ, ни славы, свойственной правительственному телу. То, что называю сии господа правами в истинном смысле не что другое есть, как разные Сената должности, иногда вежливо, иногда с негодованием ему выраженные; не что другое есть, как отрывки инструкции внутреннему сему министерству в разные времена от самодержавной вили данные и предписывающие ему образ его поведения.

Если власть давать чины подьячим, определять советников и асессоров по губерниям есть право; то и власть решать дела по указам также есть право, подписывать определения, подавать доклады и исполнять законы – все есть право. Да я не знаю, для чего же называть правом доклад и повеление приходить в Сенат не ранее девяти часов, выходить в час, не слушать дело, говорить вздор и не стыдиться толпы просителей, Сенат облепивших и в осуждении правды и суда от гланда избавляющих. Все есть право, когда раз смешаны понятия со словами³.

*Il feint être consequent*⁴. Если хотите удержать настоящую систему правления в ее силе, не должно занимать народ несообразными понятиями и не снимать с него цепей, заставляя его размышлять о правах и доказывать, что лучше ему было быть на свободе. Это значит попросту дразнить его, а не успокаивать⁵.

Если же на самом деле находят необходимым, соображаясь естественному движению вещей и настоящей степени просвещения в России переменить без перелома образ правления; как-то многие государи уже делали: к сему надобно сделать общий план, обдумать его во всех

¹ Здесь в смысле – исполнительный, руководящий орган.

² Над этой надписью в тексте карандашом помечено: 1797 год.

³ [Сновка в тексте документа] По сей тоске Аналитик может доказать, что и низший земский суд имеет обширные права, он не только не подчинен ни каким указам, кроме мест, его вершащих, но и земский исправник может сам лично проводить в управление свое право – то есть собирать подати, наказывать крестьян и проч...

⁴ Вероятно, это следует перевести как: «Это ложное понятие» (франц.)

⁵ Данный абзац обведен на полях карандашом.

частях, и по нем располагать действия правительства, готовить нечувствительно сию счастливую перемену.

В сем плане, по мнению моему, мысль о правах Сената не займет первого места. Напротив, первую его чертою [необходимо] будет постановить законы, произвести их из естественно-го их источника, поставить их не словами, но самую силою государственною выше всякого прикосновения власти. А права и преимущества будут сами собой истекать из законов, как следствия из причин своих.

Тогда можно и удобно будет решать, должен ли Сенат быть телом политическим, какой род силы государство может ему вверить и какие средства должен он иметь в своей власти, что б удержать свою силу. Тогда можно будет перемену его назвать преобразованием и пышное ведение коим, состав его обнаружить не будет смешным пустословием.

Теперь же давать ему права не только значит играть словами, но и приучать народ к ложным повелениям, отнимать силу у истины, заставляя его ни в чем не верить правительству, коего монархический язык чрез сколько лет постоянно не согласен быть с действием¹. Я однако отрицаю, что в последние времена, а особливо в правление согласился толковать с нарушением доброго смысла, нежели поверить простым его выражениям.

Было время, когда пышные слова принимали за вещи; но время сие, в досаду всем нашим красноречием, начинает проходить – ныне требуют в самих указах более почтения к разуму, более истинной политики, и если где нужно (я нужды сей никак не отрицаю) понятия, государству полезные, но на первый взгляд народа и Обольянинова Сенат в некоторых должностях его был оттеснен, или по общему выражению сих господ, права его были нарушены. Но как нарушение сие было личное и относящиеся к духу того времени: то с переменою того или иного само собой вся бы пришло в прежний порядок. Все что должно бы было сделать в предостережение на будущее время: должно бы дать генерал-прокурору указ, чтоб сложил с себя в отношении к Сенату точно в тех предметах, какие ему инструкцией его и указаниями о должностях Сената назначены и не выводил бы ложность свою того, что присвоено ей по времени, или по злоупотреблению и с чего указа послать в Сенат его самого предьявить оный.

Вот что сделать бы надлежало: но как сего не сделано и положение Сената быв представлено государю в ложном виде извлекло от него меру слишком гласную, чтоб оставить ее без окончания.

Кажется теперь было бы приличным следующее свойство:

Поданного от Сената доклада, конечно, конформировать² нельзя, первое, потому что он в себе содержит грубые перемены прошедшего царства; второе, потому что в нем готовятся к утверждению такие статьи, кои никогда, даже по злоупотреблению, не были нарушены; третье, потому что он исполнен понятий ложных, смешанных, поверхностных и суетных; четвертое, потому что испрашиваемые им новые права в царствование Александра I излишни, а в другом – ничтожны и вообще настоящею конституцією и самим составом Сената не сообразны; и наконец, пятое, потому что весь тон его означает смешанную и ребяческую смесь Сената с Канцеляриею его и генерал-прокурором.

Дать указ так, как он написан в последнем проекте значит встретиться со всеми теми неудобствами, какие замечены в докладе, исключая только первого но и сие исключение с избытком заменяется его непристойным введением, где обещаются горы, а из них по статьям рождается вздор.

В указе 8 июня [1801 года] Сенату поручается собрать и предоставить права его по тому уважению, что некоторые из них были нарушены – ничего тут не говорится о правах новых.

Если бы умы в то время были менее объаты воспалением, если бы старость в страстях своих не походила на младенчество – надлежало бы в силе сего указа представить в докладе не

¹ [Сновка в тексте документа] благодаря сей методе не верить ныне и самим благотворительным его учреждениям, указ, распространяющий право приобретения земель лучше оскорбленные, прикрыть благолепием слов: должно что благолепие сие не пышную ложь не походило.

² Здесь это следует понимать как приспособливать, использовать, применять.

более как полную записку всех должностей Сената, и заметить, которые из них и каким образом были стеснены или лицами присвоены.

Сенат сего не сделал: но как Государь никак не обязан вместе с ним выступать из пределов, кои он сам делу сему в указе означил: то возвращаться к оным: все получит удобную развязку указам следующего, например, содержания: что рассмотрев доклад Правительствующего Сената, излагающий права его и обязанности, Государь находит, что они никогда узаконениями не были отмечены; но по временам личными присвоениями были ослабляемы, а потому восстанавливая их во всей силе, так как они в повелениях предков его содержаться, повелевают Сенату на будущее время каждый раз когда что-нибудь противное оным учинено или предложено будет, не производя в действо представить ему на усмотрение. А как в то же время Государь из доклада усматривает, что в канцелярском обряде Сената допущены разные несообразности: то и поручает Сенату, составив особенный комитет, как для рассмотрения штаба канцелярии, так и для положения лучших и удобнейших правил производства дел, принять к сему в соображении представления о генерал-прокуроре поданные при сем препровождении.

ЗАПИСКА ГРАФА В. П. КОЧУБЕЯ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ МИНИСТЕРСТВ

РГИА. Ф. 1167. Дела комитета 6 декабря 1826 года. Т. XVI. Оп. 1. Д. 14.

Опубликована: Сб. ИРИО. Т. 90. С. 199-211.

Марта 28 1806 г.

По случаю всеподданнейшего прошения, которое осмелился я представить Вашему Императорскому Величеству, я неперменным долгом поставляю повергнуть на Высочайшее усмотрение замечания о разных неудобствах, опытом четырехлетним в у правлении мне вверенном мною замеченных, и о способах, кои признаю я существенными к исправлению оных. Управляя Министерством, которое наиболее имеет связи со всеми частями государства, я нашелся естественно в том положении, что должны были открыться пред мною все недостатки в губерниях, но как они имеют начало или происхождение свое главнейшее от высшего управления, то, изложив оные, я должен был обратиться и к неудобствам, в сем последнем существующим, питая себя впрочем надеждою, что исполняя сие, тогда как должен я сделаться чуждым службе, не подвергнутся я укоризне какого-либо пристрастия или собственных видов.

Приступая к изложению неудобств, в губерниях существующих, я естественно право имею только обратить внимание Вашего Императорского Величества на ту часть губернского управления, которая по учреждению вверена губернскому правлению и местам от него зависящим и, следовательно, состоит непосредственно в моем ведении.

Губернское правление, в разуме установления своего, имело главною обязанностью наблюдение порядка и благоустройства в губернии и исполнение судебных приговоров. Соответственно обязанностям сим расположен был и состав места сего, но впоследствии обязанности сии до чрезмерности увеличились.

При введении учреждения о губерниях, губернское правление, за исключением вышесказанных коренных обязанностей его, имело только в особенности под наблюдением своим починку дорог и препровождение колодников. Не были тогда известны никакие другие земские или городские повинности. Почты содержались от казны. Городская полиция содержалась также. Казармы, конюшни и прочие воинские строения, подчинки, отопление и освищете их были неизвестны.

Ныне, сверх предметов сих, в обязанности губернского правления поступивших и безмерно, а наипаче по части воинских требований оное обременивших, присоединились еще поручения по провиантской части, в рассуждении продовольствия войск, справочных цен и пр.: часть строительная, по порядку, принятому при разделении дел по Министерствам, от казенных палат отошедшая, часть соляная, поступившая также по сим началам в непосреднейшее губернских правлений ведение, наконец дела по управлению казенных волостей, кои с уничтожением экономии директоров обратились, чрез земских исправников, в губернские правления.

Переступая от сей распорядительной (administrative) части к части исполнительной, открывается, что и дела сего роду нарочито умножились. Известно, что количество дел в судебных местах вообще со времени учреждения увеличилось, а потому и обязанности, так сказать, внутренние губернских правлений должны были соразмерно возрасту; но ежели присоединить к сему исполнение по решениям Правительствующего Сената, коих из разных Департаментов, прежде существовавших или вновь установленных, выходит несравненно более, нежели сколько было их при введении учреждения; если присоединить к сему дела вексельные и производство на месте следствий, с распространением промышленности, народного богатства и просвещения естественно умножившиеся; если присоединить к сему новое бремя, на губернские правления указом 1802 года возложенное, входить в дела, по случаям судным возникающие, то трудно вообразить, как при такой многосложности предметов, при таком изменении обязанностей губернских правлений, могли они оставаться в том положении, в коем поставлены они за тридцать пред сим лет, и как еще могут они действовать и так, как ныне в выполнении должностей своих они обращаются.

Показав таким образом, до какой степени губернские правления обременены делами, я

должен обратиться к другим неудобствам, в сей части управления существующим.

Естественно, что дела судные и правительственные, столь между собою различные, не должны бы были производиться одинаковым обрядом; между тем однако ж неудобство сие существует и медленные канцелярские формы затрудняют действие губернского правления.

Дозволит ли себе гражданский губернатор в деле, нетерпящем отлагательства, отступить от порядка и распорядить его кратчайшим и удобнейшим образом? Тут восстает губернский прокурор с представлениями; на них делаются объяснения; открывается спор; посылается протест к генерал-прокурору, предлагается Сенату, требуется отвить и часто вслед за тем в награду успешного распоряжения делается губернатору выговор за нарушение форм.

Может быть неудобства сии меньше бы ощутительны были, если бы, но крайней мере, определены были точные границы действия губернских прокуроров, но как кроме некоторых общих правил о должности их ничего не положено, то и выходит, что чиновники сии поставляют почти повсеместно обязанностью быть в непрестанных пререканиях и противоположности с действием губернской власти, и власть сия, управляющая Именем Императорского Величества, которая установлена к охранению порядка и подчиненности, таким образом подвергается унижению. Трудно, конечно, изъяснить, как такое место находится может под цензурою совсем постороннего лица и на каких правилах самое лице сие одно только в губернии поставлено без всякой над собою цензуры и отчета.

После сего может ли быть удивительно, что звание начальников губернии столь мало ныне уважается и что люди благонамеренные и способные не только не ищут сих мест, но даже и те, кои *теперь их занимают*, часто покушаются их оставить и может быть многие из них оставили бы их, если бы разными личными убеждениями и надеждою лучшего не были от сего отвлекаемы. Впрочем Вашему Величеству известны те трудности, кои представляются каждый раз, когда дело идет о выборе губернаторов; и трудности сии, если не будут приняты миры исправления, если люди не поставлены будут в надлежащий вес, от времени до времени более будут умножаться и вяще правительство озаботят.

Из всех сих замечаний кажется мне очевидно, что настоящее губернское управление ни связи в частях своих, ни прочности в основаниях не имеет, а потому и должно искать способов исправления. Чтоб найти сии способы, нужно прежде всего обнаружит истинные причины настоящего беспорядка. Хотя, конечно, существуют внутренние и местные в губерниях неудобства, но нельзя не признать, чтоб главное основание оных не происходило от вышшего правительства, ибо каким образом ожидать порядка в управлении частей, когда трудно найти оный в основании?

Рассуждение сие ведет к рассмотрению настоящего положения высшего управления.

Трудно с точностью определить состав сего управления, до учреждения министерства бывший. Он предствляется в двух весьма различных видах, судя по тому, с которой точки зрения на него взирают.

Судя *по первоначальным установлениям*, управление сие должно было состоять в том, чтобы все дела из разных коллегий стекались в Сенат и, быв уважены его рассуждением, вносились были чрез генерал-прокурора к Государю.

Но судя *по первоначальному дел течению*, сей образ производства, многократно изменяясь, наконец совершенно отошел от своего первоначального правила. В практическом производстве дел каждая часть имела способы более или менее удобные по мере случайной доверенности ее начальников вносить свои дела непосредственно на Высочайшее утверждение. Так, дела военных коллегий шли через своих вице-президентов; коммерческие – через Министра Коммерции; казначейские – через Государственного казначея; удельная – через Министра Уделов; почтовый – через Главного Директора прямо к Государю, не останавливаясь в Сенате, который в отношении к сим делам был сборным только местом Высочайших решений и распорядителем некоторых только дел текущих и маловажных. Прочие чести, кои или не имели своего Главного Директора, или коих Директора не имел доступа к Государю, входили по большей части прямо к генерал-прокурору и от него подносились были непосредственно на Высочайшее усмотрение. Наконец дела, кои от всех сих частей случайно и более по усмотрению начальников, нежели *по какому-либо*

постоянному правилу в Сенат входили, были столько зависимы от влияния генерал-прокурора, что рассмотрение их в Сенате было, так как и большая часть дел в Сенате производимых, только простой обряд; решение же всегда зависело от согласия начальника с генерал-прокурором, и часто от единого мнения последнего. Таким образом, дела в существе своем и до установления министерств шли по большей части через главных начальников и, особенно, главнейшие, через генерал-прокурора, который посредством сего который посредством сего собственно собой или под прикрытием Сената имел на все части влияние.

Из сего краткого начертания само собою открывается, сколь состав сей в практическом его производстве был недостаточен, произволен и подвержен смещению. Он мог существовать долго без важных неудобств, когда внушением управлением менее занимались, нежели войною и внешними делами, когда существо сего управления по самому положению государства могло еще в главном надзоре привлекать менее внимания на части. Но когда с течением времени, расширение народного труда, приумножение богатства, успехи промышленности и просвещения потребовали большей почтительности со стороны правительства, когда призвано было нужным точнее означить для каждой части пределы ее и образ ее действия, тогда все неудобства бывшего тогда управления скоро и почти вдруг обнаружались. Одни жаловались на самовластие генерал-прокурора; другие – на бездействие Сената, генерал-прокурор сам жаловался на множество дел и недостаток единства. Все изъясняли сии неудобства по своему образу мыслей; но все однако ж их чувствовали и все искали и ожидали исправления. Примечание сие не может не быть ощутительно для всех тех, кто захочет обратиться с беспристрастием к 1801 году. Оно не должно наипаче упускаемо быть из виду в последующих рассуждениях.

Среди таковых почти общих заключений о неудобствах и общего расположения к исправлению, издано новое образование министерств.

Два последствия вскоре и вслед за ним открылись. *Первое*, ропот и неудовольствие тех, кои по местам своим и по другим отношениям мнили иметь право или участвовать советами своими в сем новом учреждении или считали себя необходимыми в его исполнении. Быв обойдены в том и другом притязании, для оправдания своего в так называемом ими общем мнении они нашли в себе необходимым оуждать то, что или сделано без их участия или сопряжено с переменою мест и должностей. *Второе* последствие сего учреждения была ложная надежда, поселившаяся о многих из тех, кои выводят заключения без дальнего размышления, что при самом появлении нового образования все прежние неудобства вдруг исчезнут. Думали, что в первые два или три месяца все злоупотребления истреблены, все дела будут перевершаны и все примет другой вид.

Таким образом, министерство в самом основании своем было уже предметом не удовольствий, ложных надежд разных сплетней.

Но не удовольствия и все рассуждения скоро умолкли, если бы то же самое начало, которое принято было главным основанием при его учреждении, удержано было и в продолжении его в своей силе.

Начало сие состояло в том, что б разделить государственные дела по порядку, сколь можно более им свойственному, в каждой части поставить одного главного исполнителя, который бы управлял вверенным ему департаментом, отвечал за все дела от него исходящие перед Сенатом и Государем, соединить сии части общим их соображением в Комитете и, таким образом, ввести в управление три главные и необходимые свойства: 1) единство и скорость действия, 2) ответственность и 3) общее всех частей соображение.

Но чтобы достигнуть сей важной цели, недовольно было принять при образовании министерства главное сие правило, недовольно было изобразить начальные черты сего правила в манифесте 8 Сентября 1802 года. Надлежало утвердить его постоянным приложением к самому делу, надлежало перелить, так сказать, дух сего правила во все ветви министерского учреждения, надлежало дать исполнителям способы беспрепятственно действовать, оградить их от всяких неправильных нареканий или укоризн, и, наконец, надлежало в выборе их сходство в правиле и образе понятий.

Напротив того, вскоре начали заключать, что Ваше Величество отнюдь не привязаны к

правилу, которое побудило Вас на сие учреждение, разнесли даже, что представлено было Вашему Величеству о вредных последствиях, от одного произойти могущих. Некоторыми же было внушаемо, и может быть и теперь еще внушается, что Ваше Величество хотели потрясти древние установления империи и что потому должно непременно в Сенате и везде, где только можно, возставать против правительства или министерства и всеми способами оградить искушения его на старинные установления¹. К сим проискам присоединился к сожалению состав министерства из людей не только не сходных между собою в правилах, но и не входящих даже в те главные виды, кои при учреждении министерства были предполагаемы. И сие разнообразие, с самого начала оказавшееся, не только в последствии не было отвращаемо, но даже было может быть главным поводом заключения, не благонамерением распространяемых, что признано не без нужным питать сей род противодействия в том предположении, что от такового разделения может произойти более пользы для верности дел, нежели от единомыслия в производстве оных, как будто где есть на свете правительство, в котором по части управления допускается разделение между исполнителей? Тщетно где бы то ни было искать его; оно быть не может. Мы не видим его ни в Англии, ни во Франции, ни в Пруссии, везде признается оно самым большим злом, так как напротив разделение почитается полезным во всех законодательных собраниях.

Соглашаясь, что единство действия в учреждении министерств могло может быть встретить некоторый препятствия и потому, что прочие части не приведены в надлежащую связь с сим учреждением, но тем не менее не возможно не признать, чтоб согласный ход одного, чтоб одинакая наклонность к выполнению видов Вашего Величества не имели существенного влияния на общее управление дел государственных. Но вместо того, к неудобствам, происходящим от разнообразных планов или правил, на коих управление в России расположено, присоединились еще разнообразные правила и мысли между членами, Министерство составляющими.

Что из всего сего произойти могло, ежели не совершенное смешение? И правду сказать должно, оно дошло до самой высшей степени, так как по мере замешательства сего, а может быть и по каким-либо другим причинам, потеряно *всякое уважение и доверенность* к высшему правительству и *неудовольствие* распространяется более или менее повсеместно.

Сие трудное положение вещей требует неминуемо скорого исправления. Должно или обратиться к первоначальным основаниям управления или, удерживая перемены, которые полезными признаны были, стараться уничтожить все препятствия, ныне в последнем образовании существующие, и довершить все то, что в оном получило, так сказать, только первую форму. Лучше, по мнению моему, обратиться к первым началам, сколько они ни были порочны; лучше все обратить паки в Сенат и подвергнуть по прежнему вей дела управлению генерал-прокуроров; лучше паки покрыть все злоупотребления, все беспорядки не ответственностью, ибо оной ни в каком сословии, из многих лиц составленном, существовать не может, нежели оставлять настоящую не определительность и настоящей не твердый ход правительства.

Нельзя кажется полагать, чтоб вопреки столь очевидной пользы, вопреки сильнейших убеждений, которые, не более как четыре года назад, решили принять новое образование государственного управления, чтоб, не смотря на пользу, которую оно со времени установления своего при всех затруднениях и препятствиях однако ж произвело, можно было не желать утверждения одного сколько можно на твердых основаниях. Нельзя или, лучше сказать, должно скорее отнести все те препятствия, которые по ныне встречались, к каким-либо особенным причинам, кои так как дела военные или политические привлекали к себе все внимание и не дозволяли ничем другим заниматься, нежели каким-либо другим побуждениям; ибо не могу остановиться я на той мысли, которая довольно гласно была разносима, что разные внушения поколебали мысли Государя Императора. Трудно, чтоб Ваше Императорское Величество, дав столь гласный пример убеждения Своего, не только пред всею Россией, но и пред всею Европою, чтоб получа справедливую дань похвалы, не токмо в России от людей беспристрастных, но и вне пределов ее, где власть Ваша не действует и где потому не можно предполагать ни страха, ни ласкатель-

¹ Сие так справедливо, что говорили, когда кого-нибудь из тех, кто правилами сими отличить себя искали: —«Он защищает права Сената», «он поддерживает древние государственные положения».

ства, допустить могли Вы до себя таковые внушения. Трудно, чтоб Ваше Величество не видели тут намерения, под предлогом коренных и древних установлений, прикрывать злоупотребления и виды самовластия. Трудно, чтоб Ваше Величество не видели в лицах, кои бы осмелились делать такие внушения, кои бы дерзнули предлагать привести все в прежнее положение, людей совершенно отдаленных от всякого попечения о славе Вашей и не привязанных к пользам государства.

Итак не можно, кажется, останавливаться на том, чтоб система управления вновь принятая не долженствовала быть предпочтенною и чтоб не следовало стараться довести министерство до того совершенства, в коем по плану его существовать ему было предполагаемо.

Оставляя оное, не могу я быть укоряем каким-либо пристрастием в защищение прав его. Движим будучи чистейшими побуждениями, я могу только иметь одно то в виду, чтоб открыть пред Вашим Величеством неудобства настоящего управления и представить способы, кои, по мнению моему, содействовать могут к усовершению его и с тем вместе к доставление существенного улучшения разным правительственным частям, во утверждение сугубое к правительству доверенности.

Прежде всего обратить нужно внимание к выбору людей, места министерские занимать долженствующих. Трудно, без сомнения, найти восемь человек, совершенно единомысленных, но должно искать, чтоб люди, соединенные одною целью в их должности, соединены были в общих их правилах, и чтоб все виды их с точностью соответствовали видам Вашего Величества. Нельзя желать, чтоб при рассуждениях их не было разногласий, но должно желать, чтоб споры, производясь без личных каких-либо побуждений, имели целью единственную пользу предметов или дел, по коим они происходить могут, должно желать, чтоб меры, принятые в Комитете, хотя бы то было и против частного мнения кого-либо из министров, удерживаемы были вне их условия, так точно, как бы предложены они были всеми ими совокупно. Должно желать, чтоб Министры не дозволяли себе обнаруживать в Сенате или вообще пред публикою мнений противных мерам уже принятым, чтоб никто из них не присвоил себе права быть защитником древних установлений против, так называемых, *новизн*, вводимых другими, словом, чтобъ, при различии мнений в рассуждениях, один был голос министерства в исполнении. Доколе в составе его не будет сего единства, дотоле нельзя ожидать, чтоб положения правительства были единообразно понимаемы и уважаемы.

Нужно, конечно, оставить каждому свободу изъясняться. Сие отнюдь не опасно, ибо если деяния не порочные или на пользу предприемлемые Государей или орудий, ими избираемых, иногда не правильно в общем мнении судятся, то нельзя, конечно, найти много примеров, чтоб в последствии не отдавали надлежащей оным справедливости. Но не министрам должно составлять в отношении к правительству противодействие. Во всех мерах его они представляют одно лицо, которое не может и не должно иметь двух противоположные мнений (Не можно описать все пространство того вреда, который ныне происходить от нарушения сего правила. Какое доверие могут иметь люди к правительству, когда видят первых его исполнителей в непрерывном между собою противоречии. Пример их несогласия сильно действует в губерниях. Разделение мнений министров производит разделение мнений в губернии. Чиновники входят в правила министров и между собою разделяются, например губернатор будет того правила, что полезно установление министерств, а губернский прокурор защищает старинные установления; если же по каким-либо личным связям или другим причинам и губернатор предан сим старинным установлениям, то вот уже почти вся губернии против высшего правительства, а тут какому быть добру?)

На сие то можно бы было токмо возразить, что как дела министрами по частям производимые все стекаются к одному центру в лице Государя, и от Него получают решение, то противоположности исполнителей и не может произвести важного вреда. Мнение сие было некоторыми изъясляемо. Утверждаемо даже было в последнее время, что можно Государю не только все самому распорядить, но даже и заниматься сочинением бумаг.

Но правило сие не может быть совместно и для малых государств, а в больших оно совершенно пагубно. Как действительно Государю обнять все отрасли правления, когда начальник

одной какой-нибудь части, если бы он вздумал все делать сам, ни как бы не мог делать с надлежащим успехом. Какое достоинство при том может быть не только для Государя, но даже и для начальника какой-нибудь части писать самому или и заниматься еще тем, чтоб писать хорошо. Для сего есть люди, которые, упражняясь непрестанно в сочинении бумаг, имеют и более времени и более к тому привычки. Дело Государя думать и повелевать в больших чертах. Дело министра думать, как лучше исполнить повеления, им получаемые, как лучше управлять частью, ему вверенною, а механическая, так сказать, работа и мелочные дела должны подлежать подчиненными. Должно и Государю и министрам иметь время размышлять и умножать круг сведений их, для пользы общественной нужных, но в настоящем порядке отправления дел тщетно искать такового свободного времени. В подкрепление сей мысли я привести могу слово человека, которого большим умом, большими заслугами и большими видами Россия, конечно, тщеславиться может, я хочу сказать князя Безбородки. Во время, когда, пользуясь доверенностью Вашего Величества, угодно было Вам, между прочим, чтоб я склонил его заняться положением на бумаге мыслей его о управлении государственному к чему было, как известно Вашему Величеству, он и приступил, я неоднократно слышал от него, при рассуждениях о тогдашнем ходе дел, о множестве указов выходящих, о скорости, с которою все делалось, о мелочах, коими покойного Государя беспокоили, «что не дело Государей заниматься всем сим и уронить достоинство их бесчисленными подписями всяких мелочей; что дело Их должно состоять в том, чтоб избирать людей достойных к доверенности и, снабдив оною их, не затруднять в действии и что способ сей есть единый и самому хорошо управлять и другим доставить возможность исправлять с успехом возложенные на них обязанности». Я думаю, что пример сей не может ослабить истины заключений моих.

Таким образом, утверждаясь в них с тем большею надежностью, должно согласиться в необходимости того правила, что поелику Государю не можно всем управлять в подробности Самому, то выбор людей, кои бы в исполнение Его воли имели всю Его доверенность, должен быть одним из самых важных способов управления. И как воля Государя есть едина, то и в исполнителях ее должно быть по необходимости единство видов и действия.

Составив министерство на сих началах, не трудно уже будет, а наипаче при таком полезном содействии, установить правила и отношения, на коих разные министерства должны руководствоваться, и соединить оные с прочими частями управления.

В сих отношениях можно бы обратить внимание на то:

1) Чтоб определить отношения министерства к Сенату, Комитету и Совету, дабы три сии установления действовали в разных формах, но на одном и том же плане, и чтоб поступление дел в сии места было не произвольное, но основанное на существе их.

2) Определить отношения министерства к управлению губернскому, чтоб каждый министр знал, чего должно требовать от губернских исполнителей и какие части подчинены них точному его ведомству.

3) Определить отношения министерств между собою, чтоб каждый знал точные пределы своей власти.

4) Рассмотреть, достаточен ли настоящий степень присвоенной им власти к успешному течению дел, и если не достаточен, то привести его в надлежащую соразмерность (В настоящем положении ни один Министр не может дать никакого по делам существенного разрешения. В делах самых ничтожных и мелочных он должен объявлять Именные Высочайшие повеления, уменьшая, так сказать, вес, который сим последним свойствен быть может. Покойнее, конечно, оградить ответственность свою Именным или Сенатским указом, но удобнейшим казалось бы для дел дать Министрам способы под отчетом их делать в известных случаях разрешения).

Наконец 5) определить ответственность министров точными правилами.

Распорядясь, таким образом в рассуждении правил министерства и людей в нем употребленных должно ограждать первых от всякого к ним прикосновения, а последних окружить доверенностью и уважением, Нет установления, которое бы могло удержаться, если правило, на коем оно стоит, будет подлежать переменам, если постоянным продолжением многих лет не утвердится оно на своем основании. Доверенность к министрам есть столько же необходима,

как и постоянство правил, на коих они действуют. Составляя непосредственное орудие верховной власти, их первое и существенное свойство есть с точностью исполнять ее намерения. Как скоро не предполагают в них сей точности в исполнении, так скоро они бесполезны и терпеть их в управление не должно. Никакое частное уважение не может удерживать их на местах. Они существенно будут и порядку и делам вредны, как скоро доверенность их оставить, а посему и нужно было бы принять за правило увольнять их от должностей, коль скоро не будут они иметь надлежащей доверенности, равно как и им предоставить свободу всегда оставлять свои звания, коль скоро признают они невозможным исправлять оные соответственно их образу мыслей.

Сие есть единственное средство и правительству иметь министров, доверенностью его всегда пользующихся, и сим последним иметь утешете, что они, приемля на себя такое бремя, лишаясь с оным спокойствия и, можно сказать, всех приятностей жизни, могут, по крайней мере, оставить бремя сие, коль скоро признают они себя бесполезными в местах ими занимаемых.

Министерство, на сих главных правилах установленное, скоро отразит действие свое на все части управления в губерниях. Стройность высшего начальства приведет само собою в порядок все власти ему подчиненные. Большая часть неудобств, в губернском управлении ныне существующих и выше сего подробно изображенных сами собою исчезнут. Но чтоб еще более содействовать установлению сего порядка в губерниях, можно бы было принять следующая правила.

1) Стараться дать лучшее образование присутственным местам и особливо правительственным обратив внимание, дабы устройство сие в губерниях соглашено было сколь можно с устройством частей министерских и чтоб посредством сего низшее управление имело более единства и состояло в совершенной ответственности с высшим.

2) По образовании, таким образом, управлений губерний, возвысить, сколь можно, звание губернаторов, избирая в оное людей лучших, удерживая в нем их всеми знаками уважения и доверенности, но, попуская на них ни одной жалобы неосновательной без наказания, не подвергая их прицепкам прокуроров, не требуя от них в мелочных вещах ответа и содержа их в надзоре не в мелких канцелярских обрядах и очистке бумаг, но в общем движении их управления.

3) По пространству государства, кажется было бы полезно определить в губернии, а особливо отдаленных, генерал-губернаторов, вверяя им две, три или четыре губернии каждому. Если не будут он вмешиваться во все подробности, то без сомнения в состоянии будут обнять вверенную им часть общим наблюдением.

Кроме того что множество дел посредством власти сей получил, не выходя из губерний, окончание и что тем избавится высшее правительство от большого числа совершенно не нужных хлопот и что частные люди ограждены будут от проволочек. Пребывание генерал-губернатора в провинциях существенную пользу приносить может. Образ жизни его, с которым полагается свойственное лицам сим по пребыванию в столицах образование, будет иметь влияние на нравы и образ жизни обывателей. Их дом, служа некоторым соединением для всех дворян, будет служить примером и руководством к очищению вкуса и к присвоению форм, просвещенным народам свойственным. Виды сии входили при издании учреждения о губерниях и приложение их, без сомнения не малую произвело в губерниях пользу. Нужно только, чтоб особенное внимание обращено было к выбору людей, в звание сие определяемых, и чтоб наипаче не было между ними таковых, которые бы были в открытом, так сказать, противодействии с высшим правительством и не находили никакого неудобства оглашать таковые правила.

Если сии меры исправления приняты будут как в отношении к губернскому, так и высшему управлению, они в короткое время произведут важную перемену во всех частях управления, и ручаться можно образом самым положительнейшим, что правительство получит новые силы и способы приводить благие намерения свои к успешному действию и действие сие будет столько же прочно, сколь намерения основаны быть могут на попечение о пользе общей.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Социально-философские аспекты современного либерализма. /Под ред. В. Чаликовой. М., 1986.
- ² Чаликова В. Предисловие / Социально-философские аспекты современного либерализма. /Под ред. В. Чаликовой. М., 1986. С. 10.
- ³ Мамонов В.Ф. История общественных движений и политических партий в России. Челябинск, 1993. Ч. 1.
- ⁴ Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995.
- ⁵ Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. М., 1995.
- ⁶ Либерализм в России /Под ред. В.Ф. Пустарникова. М., 1996.
- ⁷ Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 1999.
- ⁸ Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2001.
- ⁹ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 15. Записка А. Аракчеева о Министерских комитетах; Гурьев Д.А. Об устройстве верховных правительств в России // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1894. Т. 90; Проект Д.А. Гурьева // Материалы, собранные для высочайше учрежденной компании о преобразовании губ. и уезд. учреждений. Отдел полицейский. СПб., 1870. Ч. 1. Отд. 1; [Козодавлев О.П.] Взгляд на нынешнее управление государственными делами и на министерства // Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1906. Т. 13; Его же, Всеподданнейшая записка министра внутренних дел, тайного советника Козодавлева о тарифе и фабриках // Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1876. Т. 1; [Кочубей В.П.] Записка графа В.П. Кочубея о положении империи и о мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющее // Сб. ИРИО. СПб., 1894. Т. 90; Там же, Записка графа В.П. Кочубея об учреждении министерств // Сб. ИРИО. СПб., 1894. Т. 90; Румянцев С.П. Записка, поданная государю о вольных земледельцах и о пенсиях с командорственных доходов и проект указа о вольных земледельцах // Русский архив. 1869. № 1; Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961 и др.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 8. [Зубов В.] Записка Валерьяна Зубова о правах Сената от 29 апреля 1802г.; РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 9и10. Ч. VI. Проекты и мнения разных лиц относительно устройства Сената; Сафонов М.М. Конституционный проект П.А. Зубова – Г.Р. Державина // ВИД. Л., 1978. Т. X; Его же, Конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина. // ВИД. Л., 1974. Т. VI; Сафонов М.М. Крестьянский проект князя П.А. Зубова // Советские архивы. 1984. № 1; [Трощинский Д.П.] Записка Д.П. Трощинского о министерствах // Сб. ИРИО. 1868. Т. 3. С. 23-162 и др.
- ¹¹ Замечания относительно должности генерал-губернатора. (Мнение генерал-губернатора Клокачева, поданное Императору 30 июля 1821 года) // Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1895. Т. 7; Куницын А.П. О конституции // Сын Отечества. 1818. Ч. 45. № 18; Пнин И.П. Опыт о просвещении относительно к России. СПб., 1804; Попугаев В.В. Достоинство старого воспитания в России // Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. 1804. Ч. 1 и др.
- ¹² Сафонов М.М. Протоколы негласного комитета // ВИД. Л., 1976. Т. VII.
- ¹³ Бокова М.В. Либерально-конституционные идеи в России в н. XIX века. Дисс... на канд ист наук. М., 1990; Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовая общественная мысль России в начале XIX века. Саратов, 1982; Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России первой четверти XIX века. М.-Л., 1957.
- ¹⁴ Неопубликованные законодательные источники хранятся в Российском государственного исторического архива (далее – РГИА): фонд 439 – журналы дежурных генерал-адъютантов и высочайшие приказы, фонд 1329 – именные указы и повеления Сенату, фонд 1583 – канцелярия обер-прокурора Сената и других.

¹⁵ Его воспоминания хранятся в РГАЛИ Ф. 46. Оп. 2. Д. 578. ([Список опубликованных мемуаров и дневников см. в списке источников](#))

¹⁶ В.Ф.Лубяновский – делопроизводитель при министерстве внутренних дел (1802-1807 гг.), потом – пензенский губернатор. [Лубановский Ф.П.] Воспоминания Федора Петровича Лубановского (1777-1834). М., 1872. С. 209.

¹⁷ [ПСЗ-1. Ц.С.З. Изд. 1-е. СПб., 1830., т. 27.](#) СПб., 1830. [№№ 19783, 19791, 19784, 19786, 19790, 19799, 19801, 19807.](#)

¹⁸ См. подробнее о деятельности этого кружка, а также о братьях Грузиновых, в нашей книге: Михайлова Н.В. Зарождение либерализма в России: Учеб. пособие к спецкурсу. Челябинск, 1998.

¹⁹ [Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Высочайшие грамоты, рескрипты и др. Новочеркасск. 1902. № 21.](#)

²⁰ Спустя четыре года после восшествия на престол, император Павел разрешил всем исключенным со службы во время его правления, вновь на нее поступить: ПСЗ-1. СПб., 1830. № 19625, 19626.

Еще в 1797 году, во время коронационных торжеств, Павлу предсказали, что если первые четыре года его царствования пройдут благополучно, то он будет править долго и без серьезных потрясений. В ноябре 1800 года они прошли, и Пален, воспользовавшись «светлой минутой» в настроении императора, предложил ему по случаю столь торжественного события объявить амнистию, вернув на службу всех разжалованных за эти четыре года. И зная, что Павел I не чужд романтики, П.А. Пален бросился к его ногам. Павел I был тронут и тут же отдал приказ о помиловании. Однако этот шаг имел и серьезное негативное последствие. Тех офицеров и гражданских чиновников, которые первыми прибывали из ссылки, безоговорочно принимали на службу. Но вскоре все места были заняты, и остальным было предложено вернуться обратно. «Так я обеспечил себе два важных пункта, – рассказывал П.А. Пален Ланжерону, – первое – заполучил Беннигсена и Зубовых; второе – еще усилил общественное ожесточение против императора» (Из записок графа Ланжерона // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1907. С. 137-138).

²¹ [П.С.З. Изд. 1-е. СПб., 1830.](#) СПб., 1830. [№ 19782, № 19788.](#)

²² [Там же. № 19810, № 19815.](#)

²³ См. об этом: ОР РНБ. Ф. 335. Каразина. Оп. 1. № 9. Ф. 391. Краевского А.А. №. 414. Л. 2; Шильдер Н.К. Александр I. Его жизнь и царствование. С. 324-330.

²⁴ РГИА. Ф. 1167. Оп.2. Д. 267.

²⁵ Там же. Д. 58.

²⁶ [См.: Богданович М.И. История царствования императора Александра I и его время. СПб., 1869; Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I СПб., 1871; Шильдер Н.К. Император Александр I. СПб., 1891; Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой половине XIX века. М.-Л., 1957.](#)

²⁷ Под «партией» мы имеем в виду не организацию в современном значении этого слова, а оформленное политическое направление.

²⁸ Коцебу, Август Неизданное сочинение Августа Коцебу об императоре Павле I // Цареубийство 11 марта 1801 года (далее – Цареубийство). М., 1990. С. 349.

²⁹ [Гейкинг К.Г. Дни императора Павла. Записки курляндского дворянина // Цареубийство. С-е. 259--260.](#)

³⁰ Архив Государственного совета. СПб., 1878. [Тф. 3. Чч. 1. Се. П.](#)

³¹ Там же. [Чч. 2. Сетб. 1121--1127.](#)

³² [Ланжерон А.Ф. Из записок // Цареубийство. 11 марта 1801 года. М., 1990. Се. 151.](#)

³³ [“Вторая Переня” \(франц.\) Архив кн. Воронцова. СПб., 1877. Тф. 11XI. Се. 395.](#)

³⁴ [Материалы для жизнеописания гр. Н.П. Панина. СПб., 1892. Тф. VII. Се. 231. \(Из письма Панина.\)](#)

³⁵ Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII–XIX вв. М., 1988. С. 72.

³⁶ Цареубийство 11 марта 1801 года. М., 1990. С. 153.

³⁷ Есть все основания полагать, что Никита Петрович Панин был автором документов, предполагавших ограничение власти монарха.

³⁸ Единственным, кто серьезно пострадал за участие в заговоре, был полковник князь В.М. Яшвилль. Он ненавидел Павла I и был непосредственным участником его убийства. После восшествия на престол императора Александра, отправляясь в деревню, он направил ему необычайно дерзкое письмо. В нем он напомнил Александру I, что его «руки обагрились кровью не из корысти... Пусть жертва не будет бесполезна». Далее, он прямо угрожал императору: «для отчаяния всегда есть средства, не доводите отечество до гибели». И в конце он фактически обвинил Александра в малодушии, нежелании признавать свое участие в заговоре: «...я более велик, чем вы, потому что ничего не жалею и, если бы даже нужно было для спасения вашей славы, которая так для меня дорога только потому, что она слава России». Вероятно, князь Яшвилль был сторонником ограничения самодержавной власти и провал планов заговорщиков о подписании документа, ограничивающего власть монарха, вызвал у него столь бурную реакцию. По приказу императора Александра кн. Яшвилль остаток жизни провел в своей деревне под строгим надзором полиции. Письмо Яшвилля опубликовано в журнале «Русская старина» за 1909 год, № 1. С. 212.

³⁹ Саблуков Н.А. Записки. Коцебу А. Из записок // Цареубийство. С. 96; 335-336.

⁴⁰ Чарторижский А. Мемуары кн. А. Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 2. С. 3-4; Архив кн. Воронцова. СПб., 1879. Т. 14. С. 389; Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. СПб., 1871. С. 114.

⁴¹ См. об этом подробнее: Сафонов М.М. Протоколы «Негласного комитета» // Вспомогательные исторические дисциплины (Далее – ВИД). Л., 1976. Т. VII. С. 191-209.

⁴² Дело в том, что после проведения Сенатской и министерской реформ члены «Негласного комитета» обратились к вопросам внешней политики, поэтому, вероятно, и прекращаются записки Строганова. Так, Чарторижский применительно к 1804 году пишет в своих воспоминаниях: «...Это была трудная и деликатная миссия [речь идет о договоре с Англией о союзе против Наполеона – Н.К.]. Она была поручена Новосильцову, который, как член министерства и неофициального комитета, был в курсе всех наших воззрений и планов и, казалось, лучше, чем кто-либо другой, понимал и разделял их». Или же, говоря о подготовке кампании против Наполеона в 1805 году: «Общее направление умов в Европе отразилось и на России и увлекло за собой императора и его неофициальный комитет». См. об этом: Чарторижский А. Мемуары кн. А. Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 1. С. 335, 353.

⁴³ РГАДА. Ф. 1278. Строгановых. Оп. 1. Д. (Тетрадь) 11. Л. 2.

⁴⁴ Николай Михайлович, вел. кн. Граф П.А. Строганов. СПб., 1903. Т. 2. (Здесь опубликованы его записки и протоколы заседаний «Негласного комитета» на французском языке). С. 10-11.

⁴⁵ Записка князя Безбородко о потребностях Империи Российской // Сборник Императорского Российского исторического общества (Далее: Сб. РИО). Т. 26. С. 298-300.

⁴⁶ Здесь мы не можем согласиться с распространенным в историографии мнением, что Александр I и Строганов ставили себе невысокие цели и задачи (см. об этом: Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой половине XIX века. М.-Л., 1957. С. 96-99; Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII–XIX вв. М., 1988. С. 88-92). Они, на наш взгляд, пытались ставить себе реалистичные цели. Кроме того, император, а, следовательно, и Строганов не могли не учитывать позицию руководителей заговора против Павла и «старой» российской аристократии.

⁴⁷ Николай Михайлович, вел. кн. Граф П.А. Строганов. СПб., 1903. Т. 2. С. 40–42.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 1278. Строгановых. Оп. 1. Д. 13.

⁴⁹ Н.М. Карамзин и В.П. Кочубей, повторяя друг друга, так прокомментировали правление Павла I: «Павел взшел на престол в то благоприятное время для самодержавия, когда ужасы Фран-

цузской революции излечили Европу от мечтаний гражданских вольностей и равенства; но, что сделали якобинцы в отношении к республике, то Павел сделал в отношении самодержавия: заставил ненавидеть злоупотребления оною». См. об этом: РГИА. Ф. 971. Оп. 1. Д. 108. Л. 31. и Карамзин Н.М. Записка о Древней и Новой России... М., 1991. С. 88-89.

⁵⁰ [Архив Государственного совета. СПб., 1878. СПб., 1878., Т. 3., Ч. 2. Сетб., 46--50.](#)

⁵¹ Э. фон Ведель. Записки // Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России 1725-1825. М., 1991. С. 435.

⁵² Здесь мы не можем согласиться с М.М. Сафоновым, который в своей статье «Указ о правах Сената 5 июня 1801 года» писал, что записка, поданная Трошинским императору Александру, была полностью составлена его тогдашним секретарем М.М. Сперанским. Нет необходимости преувеличивать роль и значение Сперанского, который тогда, в 1801 году, еще не был знаком со Двором. Кроме того, Трошинский не был новичком в составлении подобного рода документов, а вот откорректировать или переписать его бумаги вполне мог и секретарь.

⁵³ ПСЗ-1. СПб., 1830. № 17760.

⁵⁴ Там же. № 19908.

⁵⁵ А Шторх – немецкий исследователь, долгое время проживший в России, автор многотомного статистического описания Российской империи.

⁵⁶ Storch A. Russland unter Alexandr dem Ersten. Т. 1. S. 20.

⁵⁷ П.В. Завадовский – с 18 апреля 1801 года член Непременного совета и сенатор; затем с 8 сентября 1802 по 11 апреля 1810 гг. – министр народного просвещения.

⁵⁸ Данный проект опубликован в Сборнике Археологического института. СПб., 1878. Кн. 1. Отд. II. С. 70-78.

⁵⁹ Подлинник записки Г.Р. Державина хранится в РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 720. Лл. 98-132об.; опубликовано: Сб. археологического института. СПб., 1878. Кн. 1. С. 134-151.

⁶⁰ РГИА. Ф. 1167. Комитета, Высочайше учрежденного 6 декабря 1826 года. Оп. 1. Д. 8. Лл. 7, 10об, 18об-20.

⁶¹ [Архив Государственного совета. СПб., 1878., т. 3., ч.2., Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3. Ч. 2. Сетб. 39--46.](#)

⁶² Архив гр. Мордвиновых Т.3. С. 221-225.

⁶³ ПСЗ-1. СПб., 1830. № 20405. Тогда же 8 сентября 1802 года был провозглашен манифест об учреждении министерств. Причем эта реформа действительно была подготовлена императором Александром I и его «молодыми друзьями» в «Негласном комитете» в относительной тайне.

⁶⁴ Державин Г.Р. Записки. 1743-1812. М., 2000. С. 235-236.

⁶⁵ [А. Чарторижский] Таблица властей империи // Богданович М.И. История царствования Александра I и Россия в его время. Приложение. СПб., 1869. Т. 1. С. 98-99.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. (Тетрадь) 12. Л. 33. Истолкование перевода этой части протоколов «Негласного комитета» дано М.М. Сафоновым в источниковедческой статье «Протоколы «Негласного комитета». См.: ВИД. Л., 1976. Т. VII. С. 206-209.

⁶⁷ ПСЗ-1. СПб., 1830. № 20406.

⁶⁸ Чарторижский А. Мемуары кн. А. Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 1. С. 268-269.

⁶⁹ Основные взгляды М.М. Сперанского по указанным проблемам отражены во «Введении к Уложению государственных законов», «Проекте уложения государственных законов Российской империи» и некоторых других. Они находятся в РГИА. Ф. 1167. Оп. 28. Д. 65. Ч. 1. Лл. 9-206; опубликовано Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961. С.143-221.

⁷⁰ Там же. С. 192-231.

⁷¹ Там же. С. 166.

⁷² Кочубей В.П. Об учреждении министерств // Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 90. С.203-209.

⁷³ См. об этом: РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1158; Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 1. С. 43-44.

⁷⁴ ОР РНБ. Ф. 236 Чернышова. Оп. 1. Д. 21. Опубликована: сб. РИО. Т. 90. С. 58-102

⁷⁵ РГИА. 1167. Комитета, Высочайше учрежденного 6 декабря 1826 года. Оп. 1. Д. 63. Лл. 2-56. Опубликовано: сб. РИО. Т. 90. С. 93-94.

⁷⁶ Там же. С. 78-79,98.

⁷⁷ Свод Законов. СПб., 1833. Т. IX. № 543.

⁷⁸ См. об этом подробно: Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881. Т.1.

⁷⁹ Лифляндские крестьяне не имели права не только на недвижимое, но и даже на движимое имущество. Помещик мог переселить крестьянина с одного участка на другой или вовсе превратить его в батрака, произведенный на своем участке хлеб крестьяне по общему правилу должны были продавать своему же помещику, у него же они вынуждены были покупать табак, соль и другие товары, которые не производили сами. В Прибалтике не практиковался перевод крестьян на оброк. Как и в великорусских землях, помещики имели полную власть над личностью крестьянина (кроме права лишать его жизни), могли распоряжаться судьбой, продавать по одиночке и т.п.

⁸⁰ Поленов А.Я. // Русская философия второй половины XVIII века. Свердловск, 1990. С. 112, 117, 120.

⁸¹ Наказ Императрицы Екатерины II, данный Комиссии для составления нового Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб, 1907. Российское законодательство X–XX вв. М., 1987. Т. 5. С. 27,28.

⁸² Соловьев С.М. Рассказы по русской истории XVIII века // Русский вестник. 1861. Т. 35. С. 319-322.

⁸³ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1114. Л. 193.

⁸⁴ «Рецепт для Безрассуда» // История русской журналистики. М., 1991. С. 15-16.

⁸⁵ ПСЗ-1. СПб., 1830. №№ 17809, 19250.

⁸⁶ Архив кн. Воронцова. СПб., 1877. Т. 11. С. 391.

⁸⁷ Санглен Я.И. Записки // Русская старина. 1882. № 12. С. 496.

⁸⁸ [Чарторижский А.] Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром. М., 1912. Т. 1. С. 135. (Далее – Чарторижский А. Мемуары).

⁸⁹ Там же. С. 136.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 7. Л. 60. [Письмо А.Р. Воронцова С.Р. Воронцову от 20 мая 1801 года].

⁹¹ В Архиве Государственного Совета приводится названная записка, правда, без указания автора, все ее содержания явно направлено против предложения императора. Причем, каждое слово ее явно хорошо продумано, и каждый аргумент имеет грамотную систему доказательств. Члены Совета прекрасно понимали, что необходимо именно *перубедить* императора принимать подобный указ: ведь он мог сделать это и без их совета. А в протокол это не вошло по цензурным соображениям – выступление против воли монарха, не важно, по какому вопросу, в России не приветствовалось.

⁹² Архив Государственного Совета. СПб., 1878. Т. 3. Ч. 1. С. 766-768.

⁹³ Там же. С. 761-772.

⁹⁴ [РГИА. Ф. 1167. Оп. 16. Ч. 1. Д. 103. Лл. 17–24. Проект Он был оо “Проект манифеста кн. П.А. Зубова.” //](#)

⁹⁵ [Мордвинов Н.С. Записка о праве приобретения земли] // Архив гр. Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 3. С. 142-145.

⁹⁶ ПСЗ-1. СПб., 1830. № 20075.

⁹⁷ См. об этом: Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. С. 430-431.

⁹⁸ Николай Михайлович, вел. кн. Граф П.А. Строганов. СПб., 1903. Т. 2. (Здесь опубликованы его записки и протоколы заседаний «Негласного комитета» на французском языке). С. 33-36.

⁹⁹ Архив кн. Воронцова. СПб., 1880. Т.18. С. 254-255.

¹⁰⁰ ПСЗ-1. СПб., 1830. № 20620.

¹⁰¹ Данные приведены по «Истории Министерства внутренних дел» Т. 1. Ч. 1. С 191.

- ¹⁰² [Письмо Ф.В. Ростопчина Цицианову] // Деятнадцатый век. Изд. Бартенева. Т. 2. С. 9.
- ¹⁰³ Карамзин Н.М. Записка о Новой и Древней России в ее политическом и гражданском отношении // Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Приложение. СПб., 1908. С. 511-514. (Это первое полное издание записки Н.М. Карамзина).
- ¹⁰⁴ Мамонов В.Ф. История общественных движений и политических партий в России: Курс лекция. Челябинск, 1993. Ч. 1. С. 123. и др.
- ¹⁰⁵ По подсчетам историка Н.И. Крутикова указ «о вольных хлебопашцах изменяли и дополняли 21 раз. См. об этом: Развитие русского права в первой пол. XIX века. М., 1994. С. 72.
- ¹⁰⁶ Фридриха Сиверса, члена лифляндского Ландтага и прибалтийского помещика не нужно путать с Яковом Сиверсом – новгородским губернатором.
- ¹⁰⁷ Осип Петрович Козодавлев – сенатор, член Государственного Совета, с 1811 года министр внутренних дел, участник ряда либеральных преобразования в царствование Александра I.
- ¹⁰⁸ ПСЗ-1. СПб., 1830. № 21162.
- ¹⁰⁹ ПСЗ-1. СПб., 1830. №№ 26277-26280, 27024, 27734.
- ¹¹⁰ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 506; ОР РНБ. Ф. 637. № 732. Л. 1-6об; Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л. 1961. С. 147,179-180.
- ¹¹¹ Это предложение П.Д. Киселева лишь расширяло уже существующий закон от 27 мая 1810 года (ПСЗ-1 № 24244), по которому почетным гражданам и купцам первой гильдии было дозволено покупать населенные имения, по только продаваемые казной, которые находились во временном частном владении.
- ¹¹² Записка П.Д. Киселева //Заблоцкий-Десятковский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. Материалы для истории царствования императоров Александра I, Николая I и Александра II. СПб., 1882. Т. 4. С. 197-199. (О нем: РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 231).
- ¹¹³ См. об этом: Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб., 1869. Т. 1. С. 129-130 (Автор ссылается на воспоминания самого кн. И.В. Васильчикова).
- ¹¹⁴ См. о проекте А.А. Аракчеева «Деятнадцатый век» /И. Бартенев. Т. 2. С. 146-149.
- ¹¹⁵ Канкрин Е.Ф. Записка об освобождении крестьян в России от крепостной зависимости, составленная в 1818 году по повелению Александра Павловича // Русский архив. 1865. С. 1360-1373. (О нем: РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 224).
- ¹¹⁶ При Николае I Е.Ф. Канкрин занимал должность министра финансов до 1844 года; а в течении всего правления Николая I действовали сменяя друг друга секретные комитеты по крестьянскому вопросу.
- ¹¹⁷ См. об этом: Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. М., 1989. С. 434.
- ¹¹⁸ Николай Иванович Тургенев – автор ряда экономических трактатов, наиболее известным из которых является труд «Теория налогов».
- ¹¹⁹ Письмо гр. В.П. Кочубея к гр. М.М. Сперанскому //В память графа Сперанского. СПб., 1872. С. 161.
- ¹²⁰ Труды Вольного экономического общества. СПб., 1805. Т. 56. С. 14,17, 28-31.
- ¹²¹ Точнее задача звучала так: «Полагая за правило, во-первых, что всякая работа исправляется лучше и успешнее, когда работники имеют верное за оное воздаяние, и, во-вторых, что всякая работа, судя по употребленным времени и силам, имеет свою цену, и, входя в подобные расчеты, сколько стоила бы работа крепостных людей, если бы они в то же время работали по найму у других по добровольным условиям, и сколько работники собственные хуже и медленнее работают, нежели наемные, и оттого дороже обходятся, предлагается к разрешению определить, по точным выкладкам доброты и цены работ, что выгоднее для хозяина: обрабатывать ли землю вольнонаемными людьми, где их найти можно, или собственными крестьянами?»
- ¹²² Людвиг Якоб получил образование в Галльском университете, в котором получил степень доктора, профессора и, наконец, ректора этого университета. В 1807 году после закрытия этого университета Наполеоном переехал в Харьковский университет.

- ¹²³ Труды Вольного экономического общества. СПб., 1814. Т. 66. С. 1-105. Работа Л. Якоба вышла в том же году отдельным изданием на немецком языке: L. Jakob. Ueber die Arbeit leibeigner und freyer Bauern in Beziehung auf den Nutzen der Landeigenthümer vorzüglich in Russland. SPb. 1914.
- ¹²⁴ Санктпетербургский журнал. 1804. Т. IV. С. 119-124. Статьи в то время, за редким исключением писались анонимно.
- ¹²⁵ Периодическое издание вольного общества любителей словесности, наук и художеств. СП., 1804. Ч. 1. С. 47.
- ¹²⁶ Вестник Европы. 1807. Ч. 35. С. 281-289.
- ¹²⁷ Сын Отечества. 1818. Ч. 45. С. 162-186.
- ¹²⁸ См. об этом: Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в ее прошлом и настоящем. СПб., 1909. Введение.
- ¹²⁹ Storch A. Historisch-Statistisches gemäide des russisches Reichs am Ende des achtzenten Jarhunderts. Leipzig. 1799. Т. 7. С. 268.
- ¹³⁰ Цит. по: Тарле Е. Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной? // Современный мир. 1910. № 5. С. 10.
- ¹³¹ Сегюр Л.Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия глазами иностранцев. Л., 1989. С. 369-372.
- ¹³² Storch A. Historisch-Statistisches gemäide des russisches Reichs am Ende des achtzenten Jarhunderts. Leipzig. 1799. Т. 3. С. 46.
- ¹³³ Levek. Historie de Russe. P., 1792. Т. 4. С. 539.
- ¹³⁴ Десницкий Е.С.Е. Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. СПб., 1905 (первое и единственное полное издание).
- ¹³⁵ Во второй части было подробно рассказано о его негативном отношении к крепостничеству и взглядах по крестьянскому вопросу.
- ¹³⁶ Свою книгу кн. Д.А. Голицын написал на французском языке: De L'esprit des économistes on économistens justifiés d'avoir posé pas leurs principes les basis de la Révolution Francaise. Par le prince D... de G... Brunswick, 1796.
- ¹³⁷ De L'esprit des économistes on économistens justifiés d'avoir posé pas leurs principes les basis de la Révolution Francaise. Par le prince D... de G... Brunswick, 1796. Ch. XXVII.
- ¹³⁸ Отчет министра внутренних дел за 1803 год. СПб., 1805. С. 11.
- ¹³⁹ РГИА. Ф. 1260. «Комиссия составления законов» Оп. 1. Д. 562. (Отчет министра коммерции за 1803 г.)
- ¹⁴⁰ Там же. Д. 610. Лл. 143-163. (Документы Комиссии по составлению нового тарифа)
- ¹⁴¹ РГИА. Ф. 1162. Государственная канцелярия. Отчеты министров. Оп. 9. Д. 23. Л. 18; Ф. 1147. «Непременного совета». Оп. 1. Д. 319. Л. 1.
- ¹⁴² Данные взяты: Блюх И.С. Финансы в России XIX столетии. СПб., 1882. С. 110-112; Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 87.
- ¹⁴³ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 1в и 1г. Л. 2.
- ¹⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 731 Сперанского. Д. 268. Л. 1.
- ¹⁴⁵ Там же. Д. 165. Л. 1.
- ¹⁴⁶ Там же. 286. Л. 1об.
- ¹⁴⁷ РГИА. Ф. 1152. Дела Департамента экономии Государственного совета. Оп. 1. Д. 1. Опубликован: Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 45.
- ¹⁴⁸ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXXI. № 24244.
- ¹⁴⁹ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 1в. Л. 77.
- ¹⁵⁰ О.П. Козодавлев получил очень хорошее образование. Сначала домашнее, потом прошел курсы философских и юридических наук в Лейпцигском университете. Он был не только достаточно влиятельным государственным деятелем, но и поэтом, и переводчиком, деятелем народного просвещения. Так, еще с 1783 г. он управлял типографией Академии наук, заведовал изданием «Собеседника любителей русского слова». В числе прочего, подготовил к изданию

первую часть нового собрания сочинений М.В. Ломоносова (СПб., 1784). 21 октября 1783 был избран действительным членом Российской Академии наук, где был ближайшим сотрудником кн. Е.Р. Дашковой. Принимал участие в реформировании народного просвещения. В 1784-1796 гг. был деятельным членом Комитета «Об учреждении народных училищ» и в 1787 г. составил план учреждения университетов в России и разработал университетский устав. Уже при Александре I, занимая высокие государственные посты, с ноября 1809 г. заведовал изданием официального органа МВД газеты «Северная почта», а также «Новой Санкт-петербургской газеты».

¹⁵¹ Данные взяты у Корнилова А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 103.

¹⁵² РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 66.

¹⁵³ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2942. Л. 37.

¹⁵⁴ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXXI. № 24501.

¹⁵⁵ Цит. по: Сухомлинов М.И. История Российской Академии. СПб., 1882. Вып. 6. С. 308-325.

¹⁵⁶ Так назвал Козодавлева П.В. Завадовский в письме А.Р. Воронцову от 1804 года. См.: Архив князя Воронцова. СПб., 1877. Кн. 12. С. 283.

¹⁵⁷ См.: Сухомлинов М.И. История Российской Академии. СПб., 1882. Вып. 6. С. 206-220.

¹⁵⁸ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXXV. № 27526.

¹⁵⁹ Там же, Т. XXXV. № 27600.

¹⁶⁰ Там же, Т. XX. № 14632; XXIII 17357; XXIV 17695, 18213; XXVI 19443; XXVIII 21484; XXXI 24680.

¹⁶¹ ПСЗ-1. № 21906, ПСЗ-2. № 886, 4461, 4577, 4908. После 1834 года рекрутский участок стало составлять каждое селение, численностью не менее 200 ревизионных душ.

¹⁶² ПСЗ-1. № 17865.

¹⁶³ [Саблуков Н.А. Записки // Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907.- С. 430.](#)

¹⁶⁴ Сборник Российского императорского общества. СПб., 1877. Т. 20. С. 447-498.

¹⁶⁵ ПСЗ-1. № 22030, 23054

¹⁶⁶ РГИА. Ф. 1167. Оп.1. Д. 35. К сожалению, документ, о котором идет речь, не был закончен. Он был обнаружен в кабинете императора Александра I после его смерти. Он не имеет ни даты составления, ни подписей авторов. Он был написан на французском языке и, судя по различным почеркам, в его составлении участвовало несколько человек. Однако то, что данный документ относится к указанному вопросу, сомнений нет. Из текста документа очевидно, что высшей инстанцией, призванной разрешать споры между помещиками и крестьянами, было министерство финансов. Дело в том, что именно в начале 1810 года государственные крестьяне были переведены из ведения министерства внутренних дел в министерство финансов. Позднее же составлять подобный документ, а к вопросу о продаже государственных земель более возвращались, не было смысла.

¹⁶⁷ РГИА. Ф. 1167. Оп.1. Д. 35. Лл. 1-17.

¹⁶⁸ Архив Государственного совета. СПб., 1881. Ч. 4. С. 1522, 1526-1528, 1551-1553, 1562; Блиох И.С. Финансы в России в XIX столетии. Т. 1. С. 98-101; Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.-Л. 1946. Т.1. С. 147-154.

¹⁶⁹ Цит. по: Рындзюнский П.Г. Городское гражданство пореформенной России. М., 1958. С. 76.

¹⁷⁰ ПСЗ-1. СПб., 1830. № 25302.

¹⁷¹ РГИА. Ф. 1167. Дела комитета 1828 года. Оп. 1. Дд. 14-19.

¹⁷² Там же, Д. 17. § 60.

¹⁷³ Шелухаев В.В. Либеральная концепция общественного развития России // Россия в условиях трансформации / Под. ред. Дигиленского и др. М., 2000. Вып. 4. С. 10-11.

¹⁷⁴ Этот аспект подробно рассмотрен в нашей предыдущей работе: Михайлова Н.В. Зарождение либерализма в России. Челябинск, 1998.